

уральский **7** ИЮЛЬ 1991
С Л Е Д О П Ы Т

Русский

двуглавый орел

«Недавно в Польше восстановлен старый государственный герб. Если я не ошибаюсь... А наш двуглавый орел может «ожить»? Ведь гимн на музыку Глинки уже звучит, не так ли? Или он олицетворял только власть династии Романовых?

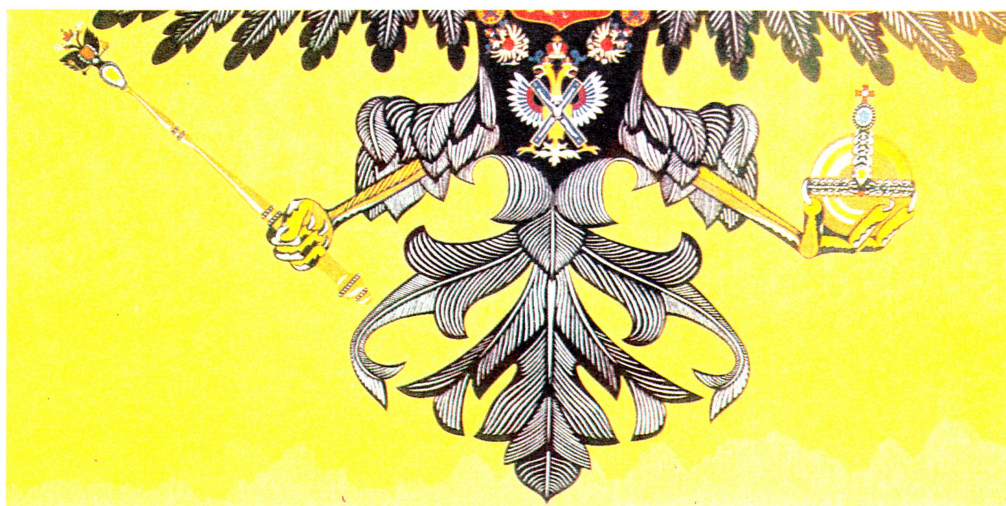
Александр Зырянов, Алма-Ата.

Ответить на вопрос читателя нам поможет брошюра Николая Лысенко «Русская государственная символика», изданная в прошлом году в Ленинграде. Выдержки из нее мы предлагаем вниманию читателей.

Продолжение на стр. 9

Рисунок Николая Баталова, художника-педагога, члена общества русской культуры (Свердловск)

Слайды Юрия Подкидышева и Олега Капорейко

Учредители —
Союз писателей РСФСР,
Ассоциация советских
книгоиздателей,
трудовой коллектив журнала
Издатель —
Средне-Уральское
книжное издательство

2

СТРАДАНИЯ ВЕЛИКОГО УЧИТЕЛЯ

История творчества отца Николая, автора удивительной книги «Страдания Великого Учителя, Господа и Спасителя нашего Иисуса Христа», оказавшейся крамольной при всех государственных режимах.

Ю. Горбунов

6

ПТЕНЕЦ ГНЕЗДА ПЕТРОВА

Этим очерком начинается серия публикаций, посвященных династии Демидовых. Мы расскажем вам о представителях семи поколений уральских заводчиков.

Н. Мезенин

9

РУССКИЙ ДВУГЛАВЫЙ ОРЕЛ

Историческая эмблема нашей Родины — что, откуда, почему?

10

ПОД КРАСНЫМ ЗНАМЕНЕМ ПРОТИВ КРАСНЫХ. Окончание

И. Кобзев

14

ВЕРТИКАЛЬНАЯ ПЕСНЯ, ИСПОЛНЕННАЯ ПАДАЮЩИМИ НА ДЕРЕВО
 Рассказ

Ю. Коношко

24

ИДУ ДУШОЙ ОЗЯБШЕЮ СОГРЕТЬСЯ... Стихи

Ю. Сухов

25

ПРАЗДНИК БЕССМЕРТИЯ. Рассказ

Известный революционер — автор фантастических произведений.

А. Богданов

29

БЕЛЫЙ ШАРИК МАТРОСА ВИЛЬСОНА. Фантастическая повесть. Продолжение

В. Крапивин

54

ДРАКОН. МАСТЕР ЛЮ. Сказки

С. Георгиев

56

ЗАОЧНЫЙ КЛФ

57

КРАЕВЕДЧЕСКАЯ КОПИЛКА

60

ПИШИТЕ ПИСЬМА!

Очередной выпуск «Диалог-клуба».

А. Понизовнин

62

«Я ВЫЧИСЛИЛ ДЕНЬ СВОЕЙ СМЕРТИ»

Беседа со всемирно известным математиком из Афганистана Мохаммадом Сидиком Афганом, живущим уже девять лет в нашей стране, о его уникальных способностях вычислять судьбы и отдельных людей, и целых народов.

Е. Ищенко

70

СТИХИ

Л. Токмаков

71

КРАЖА В «ГРАНД-МЕТРОПОЛЕ»

Кража века. Уникальное жемчужное ожерелье. Благодаря Э. Пуаро преступление раскрыто в течение двух дней. Похитители всегда оставляют следы, нужно только их найти и разгадать.

А. Кристи

78

СТИХИ

3. Ахметзянова

79

РАТНАЯ СЛАВА РОССИИ

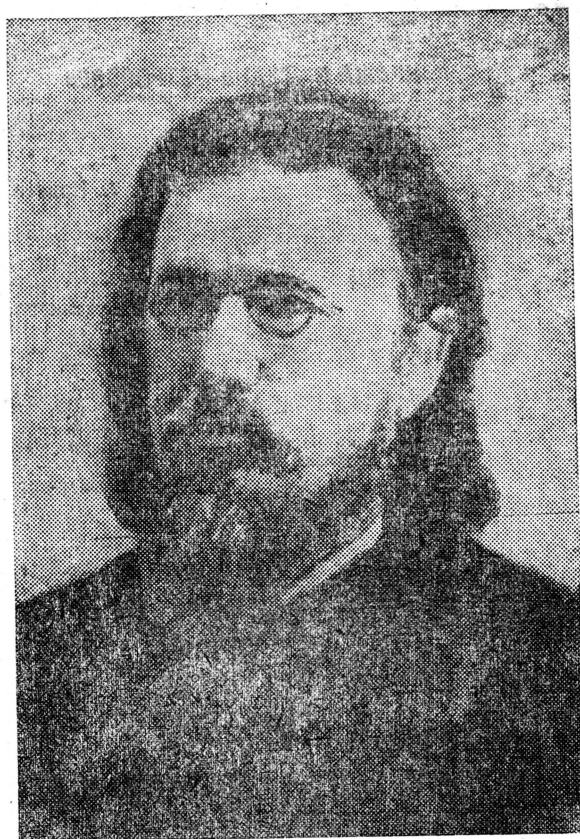
Праздник на Бородинском поле — дань уважения нашей истории и мужеству наших предков.

В. Симонов

уральский ИЮЛЬ 1991 **7**
СЛЕД О Н Ы Т

СТРАДАНИЯ ВЕЛИКОГО УЧИТЕЛЯ

ЮНИЙ
ГОРБУНОВ

Удивительно, сколь непринужденно книги перенимают норов и даже наследуют судьбу своих создателей. Совсем как дети. Иной противится похожести, растет наперекор. И вдруг однажды видит, что все старания пошли насмарку — родительское подсознательно и незаметно угнездилось в нем и оказалось сутью.

Священник и педагог Николай Николаевич Блинов написал немало книг. Каким-то повезло — родились удачливыми. Другие жили трудно, неприкаянными и непризнанными. Но те и другие, уверяю вас, были детьми своего родителя.

А еще удивительно, что книги, в отличие от людей, не умирают. Такое, казалось бы, незащищенное создание, а вот поди же ты — ни огонь его не берет, ни тлен. В доказательство приведу историю одной книги, что родилась от счастливой любви, но едва появившись на свет, была поражена смертельным недугом и... как тут сказать? Какое раздобыть слово?

Впрочем, слушайте саму историю.

ПЕТЕРБУРГ УЛЫБАЕТСЯ. Во второй половине прошлого века скитался по вятской земле неугомонный и какой-то до невозможности невезучий батюшка — отец Николай Николаевич Блинов. Только отведет ему архиерей какой-нибудь сельский приход вроде инородческого Карсовая или пригородной Бахты, как уже ползет к преосвященному молва, что затеял-де о. Николай девочек грамоте учить, в светские газеты корреспондирует, среди инородцев столько некрещеных обнаружил, что хоть целыми волостями в купель сажай. «Не взять ли его к себе поближе — в Вятку?» — решает архиерей. Но и здесь нейдет о. Николаю. Спутался с политическим ссыльным издателем Павленковым. По его, говорят, слезной просьбе принял на себя авторство азбуки с картинками. А губернатор вятский, как на грех, нашел, что она «вреднее сочинений Лассалю».

Только чуть поутихла шумная история с «Наглядной азбукой», как объявилась в губернии памятная книжка под названием

«Вятская незабудка» — уж и вовсе бесовской сборник карикатур и анекдотов про добропорядочных вятских чиновников. И хотя не стоит там нигде имени Блинова, вездесущая молва утверждает, что без о. Николая тут ни одно слово с другим бы не связалось.

Как ни покладист был вятский владыка, как ни мирволил светским затеям иерея, да лопнуло, наконец, и у него терпение. Стал подумывать, не спровадить ли батюшку в какую другую епархию.

Тут надо еще сказать, что о. Николай обрелся не сам по себе, а обременен был немалой семьей, и всякий раз, меняя приход, тащил за собой телегу обиходного скарба и длинный выводок ребятишек — мал-мала меньше. Каково приходилось при этом жене его Елене Васильевне, один вездесущий Господь только и ведает.

Словом, не в рубашке родился наш герой. В народе про таких говорят: везет, как утопленнику. А о. Николай на судьбу вроде и не жаловался, считал, что Христос терпел и ему веле... И впрямь в его долготерпении, в покорном влечении креста своего было что-то от светлой необременительной жертвы сына Божия. Возьмем наудачу любую из его книжек: «Ученье — свет» (рассказ деревенского мальчика об окружающем его мире), «Пчелка» (сборник стихов, притч, пословиц и загадок для чтения) или «Жизнь Робинсона» (переложение известного романа Д. Дефо) — везде найдем светлый и ясный мир, доброе и чистое отношение к людям. На творения о. Николая не легло и слабых теней бед и неудач, сопровождавших его всю жизнь.

И вот к зачину нашей истории, т. е. к концу 1877 года, оказался о. Николай аж в Петербурге — приехал перед синодальными властями грехи свои замаливать и просить снисхождения. Квартировал у знакомых, обхаживал разных синодальных чиновников, кормился случайными заработками — где службу отслужит, где статейку тиснет.

А время для таких ходатаев было вовсе несподручное. Правительство и интеллигенция противостояли друг другу. Готовился суд над участниками прошлогодней демонстрации на Казанской площади. Впрочем, столица любит иной раз поиграть с человеком, как кошка с мышкой. Объявился вдруг влиятельный ходатай, и мнение синодальных властей повернулось лицом к олазному батюшке. Синод после разбора жалоб не только не лишил его права служить в Вятской губернии, но и дал возможность самому выбрать себе место. А в жизни ведь так: на ловца и зверь. Писатель Салтыков помог раздобыть хорошую работу в издательской фирме Суворина. А потом довелось по-

знакомиться с редактором журнала «Детское чтение»...

Обрадованный везением, о. Николай решает: а почему бы и не пожить ему в заступчивом Питере? Почему бы не попытать счастья в столице? Пока власти улыбаются. И уже летит в Вятку прошение прислать ему в Петербург паспорт. А вслед за паспортом по Вятке, Каме и Волге, на пароходиках, перекладных, по железке торопится к мужу его благоверная Елена Васильевна, а с ней семеро богоданных детей: Николай, Любовь, Людмила, Леонид, Софья, Вера и Валентина...

Квартиру для семьи он отыскал на Петроградском острове, на одной из Матвеевских улиц, что разбежалась от храма св. Матфея. Квартирка маловатая, но ничего себе — из окошка Сытный рынок видать.

Стали жить.

СЧАСТЛИВЫЕ «СТРАДАНИЯ».

Журнал «Детское чтение» редактировал в ту пору Виктор Петрович Острогорский, учитель, популяризатор и знаток литературы. Невысокий, экспансивный человек с покалеченным немигающим глазом, он был переполнен разными замыслами. Быстро умел расположить к себе, завладеть вниманием. О. Николай сразу очаровал, книжки его весьма одобрил и посулил гору работы. Для начала предложил переделать для семейного чтения «Четыре времени года» — повесть Д. В. Григоровича. А когда дело было сделано, быстро напечатал вещьцу в «Детском чтении» и хорошо заплатил. (Потом, кстати сказать, эта книжечка Блинова не раз выходила отдельными изданиями под названием «Трудовой крестьянский год» и читалась детьми охотнее, чем сама повесть Григоровича).

Вот он-то, Острогорский, и надушил о. Николая написать в мартовскую книжку «Детского чтения» рассказ о страданиях Христовых. Восторженно теребил за плечо и буровил немигающим глазом:

— Дело-то какое, милый мой! Святое дело-то. Беритесь-ка.

О. Николаю эта затея Острогорского как-то сразу легла на душу. Он уверен был, что не найдется другого человека в Петербурге, который бы мог вот так в один присест взять и описать страдальческую жизнь Христа. А он, о. Николай, может. Он право это заслужил каждым днем своей многотрудной жизни. Он вспомнил, как однажды позван был на обед к одному родственнику жены и, оказавшись за столом, полным недоступным ему яств и нития, увидев раздобрешее лицо хозяина, вдруг расслабился и заплакал светлыми очищающимися слезами благодарной мольбы за то, что не ему достался

этот греховный удел сытости и довольства, и за то еще, что удостоил его всевышний неоскверненными перстами прикоснуться к благам земным.

Как Божье изволение принял он заказ. Все прочее забылось, спало с него ветхим ничтожным рубищем, и он, легкий, необремененный земными суетами, ступил на гладь чистого листа бумаги. Писал легко и искренне, словно не он волял пером, а перо чудесной силой вело его за собой через земную жизнь и страдания Сына Божия.

Потом, обессиленный, читал написанное Елене Васильевне. Она слушала его испуганно:

— Что ты, что ты, отец! Мало еще тебе?

А он никак не мог взять в толк ее страхов и причитаний.

Очень скоро рукопись была готова. Назвал так: «Страдания Великого Учителя, Господа и Спасителя нашего Иисуса Христа». Принес ее в редакцию «Детского чтения». Острогорский попросил прочитать, пригласив в слушатели всех, кто в ту минуту попал под руку. Восторг был полный. Жали руки. Виктор Петрович обнял, сверля немигающим глазом. Так в обнимку и привел к кассе, где о. Николаю отвалили десять рублей аванса.

Ликуй нынче, Сытный рынок на Петербургской стороне!

КАК ХРИСТОС СТАЛ СОЦИАЛИСТОМ. Изменчива и лиха петербургская погода! Не прошло с того дня и недели, как ветер подул совсем с другой стороны.

Однажды в книжном магазине Вольфа на Невском, где литературные новости узнаются почти что из первых рук, о. Николай услышал, что цензор его «Страдания» не пропустил. Он ушам своим не поверил: что могла найти светская цензура в сочинении на евангельские мотивы?!

Помчался к Острогорскому. Тот в неменьшем смущении. Из шумной гостиной (у него по понедельникам журфиксы) завел в кабинет и огоршил, разводя руками: цензор считает, что Христос в его бесконечных страданиях представлен учителем не смиренных христиан, а еретиков-социалистов. «С таким Христом, наверно, сделал вывод цензор, и дожили до того, что женщина (!) стреляет в градоначальника в его собственных апартаментах!»¹

Виктор Петрович нашел на столе рукопись, меченую на нескольких страницах красным карандашом. Такой, например, абзац: «Перед Спасителем в эти минуты, как в виде-

¹ В январе 1878 года Вера Засулич стреляла в петербургского градоначальника Трепова.

нии, проносились века страданий народных. Его ужасала беспредельная продолжительность и сила царства лжи, рабства и наследственных пороков». Потом были жирненько подчеркнуты стихи И. С. Никитина и стоял знак вопроса.

У о. Николая, напротив, никаких вопросов не было. Он сунул рукопись в карман и отправился восвояси.

Так бы, может, и пролежали «Страдания» в бумагах, если бы однажды — на радость? на беду? — не пришел в дом на Матвеевской издатель Павелков, который недавно вернулся в Петербург после восьмилетней вятской ссылки.

Встреча предстояла деловая. Павленков хотел переиздать составленную Блиновым «Пчелку», украсив ее на этот раз рисунками, которых у него много скопилось при подготовке «Азбуки». За работой присидели допоздна, и Павленков остался ночевать. Устроившись на уступленном ему диванчике, он между прочим поинтересовался у Блинова: какую это статью задержала у него цензура?

О. Николай достал «Страдания», а Павленков попросил прочитать. Вечно пасмурный и занятый, он, однако, не сумел скрыть восторга. «Как же мне это напечатать?» — спросил скорее самого себя, чем автора.

О. Николаю казалось, что нет ничего проще. Надо только найти человека, который бы представил «Страдания» в духовную цензуру. Ему, о. Николаю, туда показываться нельзя — мигом неладное заподозрят. А у другого «Страдания» пройдут без запинки. В духовных сочинениях ныне пишут куда решительнее.

— Есть такой человек, — тотчас отозвался Павленков. — Одна знакомая акушерка. — И он греховно подмигнул о. Николаю.

Дело было теперь за псевдонимом. Составили его из двух имен: славянского — Боримир и русского — Николай. Получилось «Боримир Николайч». Так, решили, тому и быть.

Уходя утром от Блинова, Павленков взял рукопись с собой.

Через несколько дней о. Николай узнал о визите «знакомой акушерки» к председателю комитета духовной цензуры. Она назвалась родственницей автора и, испрашивая разрешение напечатать и волнуясь при этом, приблизилась к архимандриту так близко, что касалась его одеяний коленями... Архимандрит, не видя в рукописи вовсе ничего крамольного, дал разрешение. Расстроганная дама пригласила его к себе на кофе. Назвала улицу, дом, а номер квартиры, волнуясь, назвать забыла. Архимандрит же спросить постеснялся.

Не так ли появилось на титуль-

ном листе книги рядом с именем Сына Божьего имя никому не ведомой Александры Алексеевны Совиновой? Кто она, эта женщина, возжелавшая оставить след в истории отечественной словесности? Думаю, что скорее всего — из нигилисток-шестидесятниц, одинокая, повидавшая жизнь, но идеалам не изменившая и готовая по зову хорошего человека идти в народ, жертвовать, если надо, собой. Для нее и этот визит к архимандриту был служением, и она шла на него с чувством гражданского долга. И в этой ее жертвенности тоже было нечто от Христа.

Дело происходило перед пасхой. Павленков на радостях дал в газетах объявление о выходе новинки в свет. И вскоре в количестве 8 тысяч экземпляров «Страдания Великого Учителя, Господа и Спасителя нашего Иисуса Христа» были напечатаны в типографии на Фонтанке, 93, у Обуховского моста.

Но едва только положенные экземпляры книги поступили в комитет общей цензуры, как власти тотчас же сделали большие глаза. Им почудилось, что это ни больше ни меньше, как подпольное издание. Маленькие и безобидные хитрости, к которым прибегли автор и издатель, в глазах цензуры выросли в противоправную силу, подрывающую основы монархии.

Тут надо сказать, что Павленков, не предчувствуя на сей раз никакой опасности, украсил заднюю обложку книги рекламой «Наглядной азбуки», автором которой все еще официально считался Блинов. Тем самым он невольно «расшифровал» содержание псевдонима «Боримир Николайч», доставив цензуре истинное удовольствие в очередной раз «проницательно» разоблачить неугодного батюшку.

Узнав настоящее имя автора, охранители читали книгу чуть ли не с лупой, и в каждой строчке видели крамолу. «Страдания...», разрешенные к печати духовной цензурой в марте 1878 года, в мае того же года были запрещены министерством внутренних дел и обер-прокурором Синода и подлежали уничтожению. В приговоре было сказано, что книга «проникнута духом рационализма, вместе с тем направлена к пропаганде социалистического учения».

Так Иисус Христос стал социалистом.

Но уничтожить книгу, прошедшую предварительную цензуру, было в то время не так-то просто. Министерство при этом обязано было возместить издателю расходы. А оно шло на это крайне неохотно. В таком случае от типографии брали расписку о непродже книги и забывали о ней. Случалось, что тираж запрещенного издания годами лежал на

складе, обреченный на съедение крысам.

Вот и на этот раз имеются сведения об уничтожении только 300 экземпляров книги. Остальные либо успели-таки разойтись по книжным магазинам, либо остались у автора. То ли Иисус Христос действительно был первым в нашей истории бунтарем, опасным для всех без исключения монархий и тоталитарных режимов, то ли усердие охранительных органов сотворило шлейф загадочности и крамолы, потянувшийся за книгой о. Николая, только «Страдания...», написанные им, стали обнаруживать при обысках в квартирах неблагонадежных лиц, и книга на все последующее время была отнесена в разряд изданий, запрещенных и опасных для благополучия общества.

Ныне несколько экземпляров ее хранится в музеях и редких фондах библиотек — им. Ленина в Москве, им. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде, Академии наук СССР и Государственного исторического архива.

САРАПУЛЬСКОЕ АУТОДАФЕ.

Ветер, взвихрившийся вокруг «Страдания...», поднял волну и вокруг их автора. Крамольным батюшкой опять заинтересовался Синод. Последовал вызов в канцелярию и строгий разговор с ее управляющим Чистовичем. Оказалось, что заштатным священнослужителем закон запрещает длительное проживание в столице. «Но куда же мне деваться, — пробовал возражать Блинов. — Посоветуйте меня какому-нибудь преосвященному». Мы порекомендуем, — парировал Чистович, — а там опять появится какая-нибудь «Незабудка» или «Страдания».

Закончилось тем, что о. Николай возвратили на службу в Вятскую губернию, а преосвященному Аполлосу приказали найти ему в губернии приход где угодно, кроме самой Вятки. Прощай едва устоявшийся быт, связи, иллюзия благополучия. Стояла уже поздняя осень 1878 года, а в декабре Елене Васильевне предстояло родить.

Начались сборы в дорогу. Деньгами помог Павленков — ссудил в счет предстоящего издания иллюстрированной «Пчелки». Жену Блинов пристроил на квартиру к акушерке. Николай, Любовь, Софья, Людмила, Леонид, Вера и Валентина поехали с ним. Выехали 22 декабря.

В Москве заглянул на огонек к знакомому владельцу типографии и издателю А. И. Мамонтову, брату знаменитого купца и мецената. У него багаж пополнился каким-то ящиком. Что в нем — никто из путешественников не знал.

В Нижнем нашелся компаньон — заслуженный солдат с четырьмя

георгиевскими крестами, полученными на Восточной войне.

В санях разместились так: на колени старшей дочери Любе, одетой в теплую на собачьем меху рясу о. Николая, посадили младшую Валентину. Между ними и о. Николаем устроились Соня и Вера. А на других санях с солдатом — попутчиком до Яранска — разместились Людмила, Коля и Леонид.

Так ехали 600 верст, день и ночь, останавливаясь на станциях, чтобы согреться чаем. По городкам и весям на их пути праздновали в ту пору Рождество Христово. Без Божьей помощи добраться до хутора в Орловском уезде, считает о. Николай, ему было бы никак не возможно. А вот-таки добрались. Приют нашли в пустующем доме родственника жены. Кое-как расположились. Принес о. Николай детям елку из леса. А когда вскрыли неведомый ящик от Мамонтова, то в нем оказался весь елочный наряд и куклы — дорогие, по десяти рублей каждая. Чудом, незаслуженной Божьей милостью смотрелись они в глухомани Желтопесковской волости. А тут еще и телеграмма пришла из Петербурга: родился у Елены Васильевны третий сын — Петр.

С этим-то грудным дитем она и двинулась в дорогу к ним на хутор. Какой была та дорога — в подробностях только Богу известно. Когда останавливались на станциях, чтобы выпить чаю и перепеленать мальчика, сердобольные окрестные женщины «утешали» Елену Васильевну рассказом, что вот, мол, несколько недель назад проезжал тут некий батюшка, так с ним аж семеро детей было...

Вятская консистория нашла о. Николаю место свержатного священника в сарапульском Вознесенском соборе. Наконец-то семья собралась в Сарапуле, на постоянном месте службы и жительства.

Только разместились и устроились, как в дом нагрянул с обыском исправник с надзирателем. Осматривали книги, бумаги, задавали какие-то вопросы. Мало помнит о. Николай — какие: греховная обίδα застирала разум. Почему не оставят их в покое? Каково теперь начинать жизнь на новом месте с клеймом неблагонадежного?

Сильнее о. Николая убивалась Елена Васильевна: будет ли мытарствам конец?

Он лихорадочно искал в уме возможные причины обыска и вдруг вспомнил, что ведь Павленков предложил ему взять с собой оставшуюся нераспроданной часть тиража «Страданий...» — в ожидании лучших цензурных времен. Теперь забытый чемодан с книжками лежит в чулане. Не он ли причина обыска? Не крестья-

нин ли донес, что разгружал в Сарапуле их вещи?

Велики глаза у подозрения и страха. Елена Васильевна так сразу решила — всему виной «Страдания...» Она бросилась в чулан, рыдая, в тихой истерике приволокла в избу чемодан, растопила печь и стала охапками засовывать туда книжки. Тоненькие, в мягкой обложке, они быстро схватывались жарким огнем. Елена Васильевна выбегала во двор, чтобы убедиться, что дым не черен и горелой бумагой не пахнет.

По мере того, как исчезали в печке экземпляры «Страданий...», рыдания ее становились глуше, тише. Наконец, обессиленная, она упала на лауку.

О. Николай не помогал жене и не останавливал ее. Он тихую творил молитву. «Прости ее, всемилостивый Боже. Она делает это не в обиду Тебе и не в укор, она зерит, что возвращает спокойствие семье на всю остающуюся нам жизнь. Прости ее, Господи!»

ВЕРА, ДОЧЬ О. НИКОЛАЯ. На старинной купеческой улице Уктусской в Екатеринбург-Свердловске (ныне ул. 8 Марта), на пересечении ее с Александровским проспектом (ныне ул. Декабристов) до недавнего времени стоял кирпичный двухэтажный дом. В пору, когда мне довелось в нем побывать, на первом этаже, своими окнами сравнивающимся с пешеходным асфальтом, жила Нина Ивановна Комарова, внучка о. Николая. Свел меня с ней неутомимый вятский краевед и писатель Евгений Дмитриевич Петряев.

От Нины Ивановны и ее сестры Ольги, тоже свердловчанки, я узнал, что еще накануне Великой Отечественной войны жила в этом доме большая, шумная и неунывающая семья русских интеллигентов. Дочь Н. Н. Блинова — Вера Николаевна с мужем И. К. Комаровым, их дети: Нина, молодой тогда агроном, медичка Ольга с мужем Валентином, Лидия, биолог, и сын Владимир, будущий горный инженер. Атмосфера подвижничества, веселой необременительной работы царила в доме. И. К. Комаров создавал тогда в Свердловске ветеринарно-бактериологическую лабораторию, а потом заведовал ею. В 70 лет он сумел защитить кандидатскую диссертацию. Муж Ольги Ивановны — Валентин Александрович Михайлов вспоминал, что именно в этом старом доме, на уголке общего стола написал он лучшие свои работы по промышленной санитарии...

Хозяйкой и душой дома была Вера Николаевна. Несмотря на тяжелую болезнь глаз — ее медленно и неотвратимо покидало зрение, — была она деятельна и неунывающая, что называется, «вела дом». Едва

различая дорогу, ходила за покупками в магазин и при этом была неистощима на шутки. Бывало, почти ошупью возвращалась с провизией домой и приговаривала:

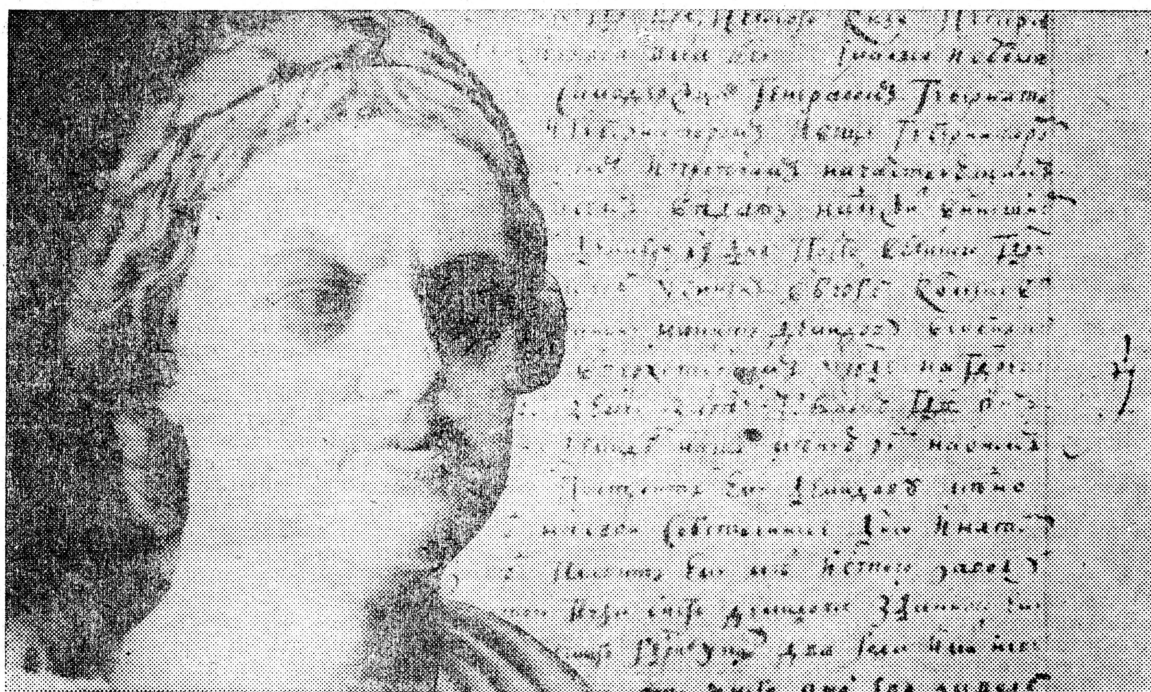
Тяжкой ношей нагружен
Шел с реки рабочий слон...

Это она, Вера Николаевна, в 1917 году оказалась у изголовья умирающего в Сарапуле отца, проводила его в последний путь. Она же, а потом дочь ее Нина, сберегли тетрадки его воспоминаний «Дань своему времени». До сих пор только два небольших фрагмента их напечатаны — в журнале «Урал» и сборнике «Книга». Полный текст воспоминаний ждет своего издателя. Эти мемуарные страницы и помогли нам восстановить историю одного из самых драматических творений священника и просветителя Н. Н. Блинова.

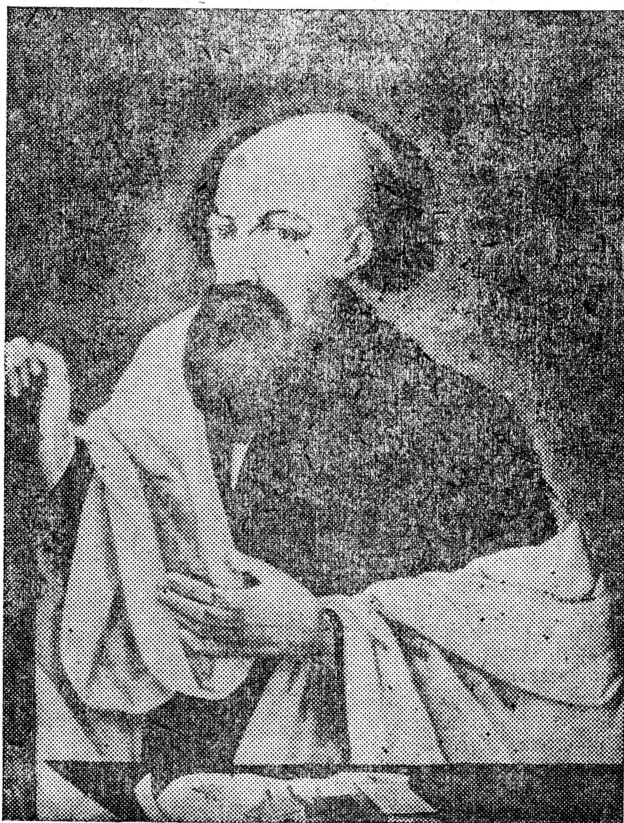
А дома на ул. 8 Марта ныне уже нет. Внучка о. Николая Нина Ивановна Комарова, хранительница мемуаров деда, живет в комнатке большой современной 16-этажки в Юго-Западном районе Свердловска. Автор благодарит ее за предоставленную возможность воспользоваться воспоминаниями деда.

А то, что в следующем номере нашего журнала вы сможете прочитать «Страдания Великого Учителя...», еще раз доказывает, что книги, в отличие от людей, не умирают.

На снимке: Н. Н. Блинов.

**Николай
МЕЗЕНИН**

Основатель огромного металлургического комплекса Никита Демидов был сыном крестьянина Демиды Григорьевича Антуфьева. Демид жил в селе Павшино, которое еще в начале XVI века славилось железным и стальным промыслами. Потом он переселился в Тулу, стал кузнецом. А наиболее ранние известия о Никите Демидове относятся к 1686 году.

Для потех царевича Петра в Преображенское привозили тульские ружья мастера Демидова. Приезжал Никита в Москву и с представителями Тульской оружейной слободы для разрешения торговых споров. В Указе от 1691 года дважды упомянут «Никишка Демидов» как выборный от казенных кузнецов.

Тула издавна славилась своим оружием. Здешние кузнецы имели строгое задание по выпуску оружейных стволов — до 2000 штук ежегодно. Сверх того они могли поставлять в Оружейную палату стволы, замки и даже готовые ружья, кто сколько хотел. Более всего таких поставок делал Никита Демидов. В 1696 году он уже имел небольшую фабрику, вододействующий завод, который построил на свои деньги, без казенных ссуд и силами наемных работников. Правительство оценило предприимчивость тульского кузнеца, а особенно за то благоволило, что поставлял он в казну оружие по сниженным ценам.

В скором времени Никита лично познакомился с Петром I. Когда и где они могли встретиться? Возможны разные варианты. И Никита не раз приезжал в Москву, и царь в ноябре 1695 года, возвращаясь из Азовского похода, заезжал в Тулу. Спустя год, уже после взятия Азова, осенью 1696 года Петр снова приехал на тульские заводы и неделю работал на одном из них.

В том же году, желая изготовить несколько алебард по иностранному образцу, царь призвал тульских кузнецов. Явился один Демидов. Он вызвался сделать оружие лучше образца. Исполнив обещание, доставил через месяц в Во-

Птенец гнезда Петрова

Демидовы...

Знаменитая и черным злом, и светлыми деяниями династия эта началась в пору новой истории нашего государства, «когда Россия молодая, в бореньях силы напрягая, мужала с гением Петра». Среди сподвижников царя не было людей с убогим интеллектом, лишенных природного ума. Царь умел «подбирать кадры». В числе «птенов гнезда Петрова», таких, как А. Д. Меншиков, В. Н. Татищев, Я. В. Брюс, А. А. Виниус, были Никита и Акинфий Демидовы.

Предлагаем вниманию читателей ряд очерков о наиболее примечательных представителях всех семи поколений Демидовых, имевших отношение к заводам Урала. Сегодня рассказ о первом Демидове.

ронеж 300 алебард, которыми государь остался весьма доволен и щедро наградил Демидова. На обратном пути через Тулу государь осматривал небольшую фабрику Демидова, был у него в доме, причем заказал несколько ружей по иностранному образцу. В начале войны со шведами Никита Демидов приготовил на своем тульском заводе 20 тысяч солдатских ружей и взял за каждое не более 1 руб. 80 коп., тогда как казна подобные ружья покупала за 12 и 15 руб. Сверх того он пожертвовал большое количество ядер. Вот тут и сказались предпринимательская дальновидность Никиты: он вошел в доверие к властям, а потом взял свое доходами. Кстати, у Никиты было еще два брата, тоже тульские кузнечные мастера, однако так далеко пошел только он один.

С началом войны прекратились поставки в Россию шведского железа. Правительство срочно стало изыскивать собственные ресурсы. Вот тогда-то и обнаружили на Урале крупные залежи железной руды, послужившие сырьевой базой первых казенных железодельных заводов: Каменского, Невьянского, Уктусского, Алапаевского. Демидов привлёкся в качестве эксперта.

Начало Северной войны оказалось для России неудачным. Великолепно вымуштрованная и крепко вооруженная регулярная армия шведского короля Карла XII нанесла под Нарвой значительный урон русской армии: та утратила всю артиллерию, лишилась командного состава и потеряла не менее 6000 солдат. Этот урок заставил Петра I развить энергичную деятельность по устранению последствий поражения. Уже через год после Нарвы появились десять новых драгунских полков. Армии требовалось оружие. Победа под Полтавой ковалась и в Туле, и на Урале.

Никите Демидову передали Невьянский железодельный завод. Поскольку сам он был занят в Туле срочным заказом царя, принимать завод отправил своего приказчика Ксенофонта. На заводе в то время — в мае

1702 года — работало всего 27 человек. С этого начиналось будущее громадное демидовское производство.

Сначала дело двигалось медленно. Сибирский приказ вел с Никитой неторопливую переписку о количестве и качестве продукции, о расширении завода. Между тем из-за нехватки угля остановилась домна. И вот в эти неспешные события врывается, подобно буйному ветру, стремительная воля Петра I. Он требует немедленно приступить к делу и отлить пушки значительно раньше намеченного. После этого в переписке Сибирского приказа появились новые нотки. От Демидова требуют скорейшего выезда на Урал, грозя ему опалой, наказанием и «разорением прожитков без всякой пощады».

В марте — апреле 1702 года на Урал прибыли партии тульских работников. Сначала за недосугом хозяин отправил на Урал старшего сына — двадцатилетнего Акинфия. А в августе и сам выехал на завод. Сразу же возобновилась работа молотовых и домны. В январе 1703 года ушла с Невьянского завода первая продукция: две пушки и железо. А весной Акинфий Демидов писал верхотурскому воеводе, что ему необходимо уже более 300 подвод и большое число людей. В течение зимы было отлито 50 пушек крупного калибра, выплавлено много железа.

Затем случился у Демидова конфликт с верхотурским воеводой, который продолжал вмешиваться в дела Невьянского завода: забирал на свои нужды мастеров, увез тысячу пудов железа. Разобиженный Никита, забрав семью и часть мастеровых, уехал в Москву. Здесь потребовал себе больше самостоятельности и привилегий или просил забрать заводы в казну, возместив ему расходы на новое строительство. Именным указом от 4 апреля 1704 года Демидов получил новые льготы и привилегии.

На Урал с новой партией мастеровых опять выехал Акинфий. Отныне он становится фактическим руководителем Невьянского завода, хотя вслед за ним хлопочет о выезде на Урал и отец. С ним отправляются двое других сыновей — Григорий и Никита, из которых старший, женатый, ехал также в семье. Это было переселение на Урал большой семьи Демидовых — с сыновьями, внуками, работниками и мастерами.

Невьянский завод отремонтировали и расширили, поставили еще одну домну. С каждой весной струги и дощаники везли все больше бомб, ядер, пушек, металла: ежегодно по 20—25 тыс. пудов. Качество пушек было отменным, они были «стрельбой опробованы и в той стрельбе устояли и впрямь к стрельбе годны».

Петр I смотрел на Никиту Демидова не иначе, как на арендатора, и тот первоначально везде именовался уговорщиком. На этом основании он получал даже царское жалование — тысячу рублей. Как владетель завода Демидов оправдал надежды правительства. Январским указом 1709 года ему «велено... на Невьянских железных заводах за литье и за поставку к нынешнему воинскому случаю военных припасов быть комиссаром, и ведать ему на тех заводах мастеровых и работных людей и крестьян всякую расправу и управлять всякое заводское дело и воинские припасы готовить». Чин комиссара, т. е. правительственного уполномоченного по надзору за металлургическими заводами, подтверждал и расширял привилегии Демидова.

Завод, положивший начало грандиозному промышленному хозяйству Демидовых на Урале, оказался в центре довольно значительной территории со многими населенными пунктами. Но деятельный заводчик не думает ограничиться одним заводом. Взяв с собой старшего сына Акинфия и трех рудознатцев — мужиков-расколльников, Никита вдоль и поперек исходил Уральский хребет от Невьянска до верховьев Чусовой. Нашел месторождения железной и медной руды. Позже, когда Демидовы обращались к правительству за разрешением о постройке новых заводов, у них всегда имелись под руками достаточные сведения о новых местах. Не имея на первых порах серьезных конкурентов, Демидовы уже в первое десятилетие

провели обширную разведку края, закрепили за собой рудные месторождения и лесные массивы.

И все-таки не так скоро шли у них дела. Для разбега понадобилось время. В течение первого десятилетия хозяйствования на Урале Демидовым не удалось воспользоваться полученными разрешениями на постройку заводов. А вот когда Невьянский завод превратился в крупнейшее металлургическое предприятие и стал давать чугуна и железа намного больше, чем казенные заводы Урала, тогда в полную меру проявляется демидовская хватка по расширению владений.

Первыми были построены два молотовых предприятия, использующих невянское чугунное дутье: Шуралинский завод (1716) и более крупный Бынговский (1718). Теперь мощность передельных цехов стала значительно превышать возможности чугуноплавильного производства. В итоге возник Верхнетагильский завод с двумя домнами и четырьмя молотами (1720). А спустя два года Никита Демидов приступил к строительству четвертого — Нижнетагильского, при его жизни не пущенного в строй. Пятый завод, Нижнелайский (1723) был молотовым. Кроме того, Никита построил Выйский медеплавильный завод. Это первое медеплавильное предприятие на Урале имело шесть печей и было пущено 23 ноября 1722 года.

Заводами Демидов не ограничивался. Он взял на себя поставку в Адмиралтейство корабельного леса. Ему доверили снабжение фонтанными трубами и железом вновь строящихся дворцов в Петербурге и Ревеле. Этот заказ, выполнявшийся ряд лет, вызвал переписку двора с заводчиками. С ним связаны письма Петра I Демидову.

Портреты, хранящиеся в Нижнетагильском краеведческом музее, помогают нам зримо представить облики основателей династии уральских горнозаводчиков. Неизвестно ни точного времени, ни имени художника, создавшего портрет родоначальника династии, но видно, что его писала рука уверенная, умелая. На нас смотрит худощавый пожилой человек с лицом аскета и пронзительными глазами. Изломанные брови, гордый нос. Огромный, неправильной формы череп с большой лысиной, обрамленной черными волосами. Жгуче-черная борода слегка тронута сединами. Одет в строгий и простой кафтан, поверх которого через плечо перекинут красный плащ. На столе перед ним — книги и чертежи. Сила и ум чувствуются в этом человеке.

Известно, что в личной жизни Никита Демидов отличался строгой, даже аскетической простотой. Жил в обыкновенной избе, хмельного не употреблял и пьяных не терпел. Современники пишут о нем, как о сильном и сложном человеке. Говорят, что Никита сам был кузнец на славу, о котором складывали легенды. Жесточайший эксплуататор, он дотошно вникал во все детали заводских дел, неутомимо работал и другим не прощал никаких слабостей.

Не грех и сейчас кое-что позаимствовать у Демидовых — умелых организаторов производства. Например, образцовое содержание дорог, по оценке людей того времени, лучших в Европе. Порядок технического обучения, согласно которому число учеников в классах строго ограничивалось. Полный отказ от алкоголя, для чего Акинфий Демидов по собственной инициативе на протяжении 34 лет возмещал казне убытки «за 14 могущих здесь быть кабаков».

Демидовы не упускали возможность укрепить свое влияние в среде царствующих особ и их приближенных. По случаю рождения царевича Петра Петровича Акинфий от имени отца поднес государю добытые из кургана дорогие вещи и 100 000 рублей деньгами. Демидовым протектировали любимцы Петра — Меншиков и Апраксин, самые крупные казнокрады в царском окружении. Но даже в этих условиях нашелся в правительственной администрации человек, который потребовал от Демидовых неукоснительного исполнения законов. Им оказался глава Горнозаводского управления на Урале В. Н. Татищев. Дело дошло до суда в присутствии самого царя, и всемогущий завод-

чик был наказан штрафом за пренебрежение судебными инстанциями и за то, что «дерзнул его величество в неправом своем деле словесным прошением утруждать».

Демидовы действовали в условиях, когда в экономической политике Российского государства появились элементы меркантилизма. Энергичнее проводились меры поощрения промышленности, строительства мануфактур с последующей передачей их на льготных условиях частным лицам. Значительно продвинулся процесс формирования промышленной буржуазии. Все это привело к дальнейшему обогащению привилегированных заводчиков. И образом таких стали уральские магнаты Демидовы. Велика была их доля в развитии экономики петровского времени.

Еще в конце XVII века страна выплавляла ничтожно мало чугуна, а к концу петровского царствования выплавка его достигла 800 тыс. пудов. С 1712 года Россия перестала закупать в Европе оружие. А в 1716-м отправлена первая партия металла с Урала за границу. Особенно значимым было строительство уральских металлургических заводов с высоким техническим потенциалом. Годовая производительность здешних домен была втрое выше английских.

С 1718 рода производство чугуна и железа на заводах Демидовых превышает долю всех казенных заводов в России. Казна предпочитала использовать на военные нужды в первую очередь лучшие сорта демидовского железа, а избыток металла отправляла на продажу.

Никита Демидович Демидов скончался в Туле 17 ноября 1725 года — через несколько месяцев после смерти Петра I, как верный его слуга и раб. Все свое имущество Никита поделил между тремя сыновьями. Большую часть наследства передал старшему сыну Акинфию, а младшим, Григорию и Никите, достались заводы в Тульской губернии, которыми они владели при жизни отца и строили сами.

Единым семейным кланом Демидовы действовали лишь при жизни основателя династии. Затем хозяйство начало дробиться. Заводское дело успешно продолжали два брата — Акинфий и Никита.

До конца жизни Демидов-старший так и не принял от царя ни чинов, ни орденов, ни дворянства, хотя в дворянское звание был введен в 1720 году.

«Хорошо,— сказал однажды граф Апраксин Петру,— если бы у тебя было два десятка таких, каков Демидов». «Я счастливым бы почел себя,— отвечал Петр,— если бы имел несколько таких отличных людей». Царь так высоко ненил заслуги первого Демидова, что хотел поставить в Петербурге медную статую Никите — в память потомству. Смерть помешала ему сделать это.

РУССКИЙ ДВУГЛАВЫЙ ОРЕЛ

Одной из исторических эмблем нашей Родины является двуглавый орел — символ русского народа и государства. По своей древности он уступает разве одному Ездецу — всаднику на коне, поражающему змея, в более позднем, уже христианском понимании, Св. Георгию Победоносцу.

Появление второй головы орла, скорее всего, относится ко времени, когда произошло разделение Римской империи на восточную и западную. Та и другая предъявляли право на орла с одной головой, но так как они были соединены под одним скипетром и глобальные интересы их в борьбе против варваров первоначально совпадали, то оба орла и составили одно тело, но с двумя головами, обращенными на восток и на запад. Такой орел и был принят впервые как государственная эмблема или Константином Великим (ок. 285—337), или Юстинианом I (482/483—565).

Царевна Софья, будущая супруга великого князя Ивана III, везла во главе своего свадебного поезда стяг, на котором был изображен орел, знаменующий родовой герб династии.

Прозорливый Московский великий князь Иван III воспринял эмблему как знак особого уважения. Для современников великого князя породнение Византийской императорской династии с династией Рюрика явилось актом величайшего значения. Ясно сознаваемая перспектива стать в совершенно равное положение со всеми иными европейскими государствами побуждала Ивана III принять этот герб не только как династический герб своей супруги, но и как геральдический символ русского государства в будущем.

Однако византийский орел никогда бы не стал русским орлом, если бы на русской земле не обрел совершенно новых черт, доселе не характерных ни для одного геральдического изображения двуглавого орла.

На Руси орел, теряя упрощенный и безжизненный графический силуэт, начинает наливаясь плотью, ожива-

ет, готовится к полету, превращаясь в могучую грозную птицу. Грудь орла закрывается древней, исконно русской эмблемой воина небесного — Св. Георгия Победоносца.

Изображение всадника, поражающего копьём змея, восходит к новгородской традиции — к языческому Ездецу. Следовательно, Св. Георгий Победоносец в гербе Москвы являлся не личным патроном великого князя, но прежде всего носителем русской государственной идеи.

Однако российский двуглавый орел заключает в себе не только это символическое толкование. Некогда герб православной империи — Византии — после ее падения под ударами турков-османов переходит на Восток, символизируя, с одной стороны, незабываемость и вечность православия, с другой — его преемницу и хранительницу — Россию.

До царствования Михаила Федоровича Романова над головами орла находились две короны, а между ними обыкновенно изображался русский осмиконечный крест — символ православия. Однако в 1625 году повелено было вместо креста помещать третью корону, и со времен Алексея Михайловича русский орел почти всегда держит в когтях скипетр и державу и увенчан тремя коронами (первоначально — символ Св. Троицы, а по позднейшей, конца XIX века трактовке — символ триединства восточных славян: великороссов, украинцев и белорусов).

Прорись русского двуглавого орла за все время его существования в качестве государственного герба, вплоть до царствования Александра III, никогда не была точно установлена законом. В силу этого его форма, детали, атрибуты и характер менялись от царствования к царствованию весьма значительно.

В 1892 году в Своде Законов Российской Империи (том I, часть 1) наконец появляется точное описание государственного герба, который с этого момента становится незабываемым.

На грудь орла окончательно возвращается Андреевская цепь. На крыльях помещаются гербы — на правом: 1. Царства Казанского (в серебряном щите черный коронованный дракон); 2. Царства Польского (в червленом щите серебряный коронованный орел с золотым клювом и когтями); 3. Царства Херсонеса Таврического (в золотом щите черный византийский, увенчанный двумя золотыми коронами орел с червлеными языками и глазами, золотыми клювами и когтями, на груди в лазоревом, с золотыми краями щите золотой осмиконечный крест); 4. Соединенный герб древних княжеств — Киевского, Владимирского и Новгородского (в щите, разделен-

ном вилообразно на три части, в первой, лазоревой части — герб Киева: Св. Архистратиг Михаил в серебряном одеянии и вооружении, с пламенеющим мечом и серебряным щитом, во второй, червленой части — герб Владимира: золотой лев в железной, украшенной золотом и цветными камнями короне, держащий в правой лапе длинный серебряный крест, в третьей, серебряной части — герб Великого Новгорода: два черных медведя, поддерживающие кресла золотые с червленой подушкой, на которой поставлены крестообразно с правой стороны скипетр, а с левой — крест, над креслами золотой трисвечник с горящими свечами, в лазоревой окрине щита две серебряные, одна напротив другой, рыбы).

На левом крыле: 5. герб Царства Астраханского (в лазоревом щите золотая корона, под ней серебряный восточный меч с золотой рукоятью, острым концом вправо); 6. герб Царства Сибирского (в горностаевом щите два черных соболя, стоящих на задних лапах и поддерживающих передними: одной — золотую пятизубцовую корону, другой — червленый лежащий лук и две крестообразно, остриями вниз, поставленные стрелы); 7. герб Царства Грузинского (в золотом поле Св. Великомученик и Победоносец Георгий, в лазоревом вооружении, сидящий на черном коне и поражающий простым червленым копьём зеленого, с черными крыльями, дракона); 8. герб Великого Княжества Финляндского (в червленом щите золотой коронованный лев, держащий в правой лапе меч прямой, а в левой — меч выгнутый, на который опирается задняя правая лапа льва, по щиту симметрично разбросаны восемь серебряных роз).

Орел Александра III содержал в себе тот полный титул Российских императоров, который только в очень редких случаях употреблялся в торжественных манифестах.

Нельзя не вспомнить о таком достаточно укоренившемся заблуждении, как отождествление двуглавого орла с родовым гербом Дома Романовых. На самом деле родовой герб Романовых — золотой грифон с золотым мечом в лапах, стоящий в червленом (красном) щите.

Пройдя через три колена российских самодержцев — Рюриковичей, Годуновых, Романовых, — двуглавый орел утратил конкретную принадлежность к монархической власти какой-нибудь династии и, не теряя своего значения верховной государственной эмблемы, приобрел яркое национальное выражение — органично вошел в орнамент русской вышивки, архитектурной лепнины, наличников сельских домов и т. п.

Под красным знаменем ПРОТИВ

КРАСНЫХ

Игорь
КОБЗЕВ

ЛУЧШАЯ ДИВИЗИЯ КОЛЧАКА

Из ижевских рабочих и крестьян адмирал А. В. Колчак сформировал мощное боевое соединение — Ижевскую железную дивизию. К ней у адмирала было особое отношение, ведь дивизия эта играла важную идеологическую роль в обработке трудящихся. Ее солдаты были лучше вооружены, одеты, накормлены, имели больше жалования, чем другие белогвардейцы. Ижевцам говорили, что они сражаются за свой завод, после освобождения которого им будет предоставлена возможность вернуться к своим семьям, и только желающие останутся в рядах доблестной дивизии. Поэтому ижевцы дрались с особым упорством. Они протестовали против старорежимного отношения к ним офицеров и смотрели на своих командиров как на товарищей.

Вновь обратимся к свидетельству современника тех событий и процитируем во многом документальные страницы романа Владимира Зазубрина «Два мира».

Молодые белогвардейские офицеры, только что окончившие военное училище, отправились в штаб N-ской (то есть Ижевской) дивизии, не зная, что она сформирована Колчаком из рабочих.

«Въехали в село, встреченные дружным лаем десятка собак всех пород и возрастов, проехали две-три улицы и остановились на площади, среди села, перед большим домом с красным флагом у крыльца.

Офицеры недоумевающе переглянулись. Колпаков слегка побледнел.

— Что за черт! Да они нас к красным привезли?

В окно высунулась большая черная борода с проседью, лохматая голова и плечо с погоном полковника.

— Нет, господа офицеры, ошибаетесь. Не к красным, а к белым, да еще к каким.

Голова скрылась. Из окна послышался раскатистый

хохот. Подпоручики облегченно вздохнули и пошли в штаб представляться.

Борода оказалась принадлежащей полковнику Мочалову¹, начальнику дивизии. Полковник, человек весьма веселый, встретил вновь прибывших как старых знакомых.

— Так к красным, говорите, попали? Ха-ха-ха! Ах вы, колченята молодые! Сидели в тылу и ничего не знали. Не слышали вы, видно, что N-ская Добровольческая дивизия дерется под красным знаменем, дерется не за что-нибудь, а за Учредительное Собрание, за Свободу, за Революцию. Ха-ха-ха! — раскатывался полковник.

Лица у многих вытянулись от удивления, только один Иванов улыбался...

Мочалов помолчал немного, затянулся несколько раз из короткой английской трубочки, сделался серьезным.

— Ну-с, шутки в сторону, господа. Предупреждаю вас, что наша дивизия несколько отличается от других частей и своим составом, и дисциплиной.

Наша дивизия состоит почти исключительно из рабочих-добровольцев N-ского завода. Знаете такой на Урале?

Ну-с, вот, рабочие восстали против красных потому, что некоторые комиссары принялись насаждать социализм с револьвером и нагайкой в руках, а плоды земные распределяли так, что было заметно, как пухли у них комиссарские карманы.

Ну а тут еще эсеры подлили масла в огонь со своей агитацией за Учредилку, вот наши N-цы и поднялись.

Итак, господа, наши добровольцы воюют за Свободу, за Учредительное Собрание, поэтому в строю они держатся свободно.

¹ Мочалов — прототип В. М. Молчанова. Он был одним из организаторов ижевского мятежа. Родился в 1886 году в камском городе Чистополе в семье чиновника. Учился в военных училищах Елабуги и Москвы. Прошел с ижевцами путь до Маньчжурии. Был начальником Ижевской рабочей бригады, затем дивизии.

Дисциплину как беспрекословное подчинение единой воле начальника они признают только в бою. Вне боя они с вами, как с товарищами, как с братьями будут обращаться. Не обижайтесь на это. Зато уж будьте уверены: в бою они вас не выдадут, за шиворот к красным не потащат.

— Капитан,— снова обратился Мочалов к начальнику штаба,— всех их в Первый N-ский полк.

Капитан молча склонил голову.

В тот же день офицеры явились в полк.

...Офицеры чувствовали себя легко среди тесной толпы солдат. Всем им казалось, что они с этими людьми знакомы уже давно. Мотовилов размяк. Долго и ласково смотрел на рыжего, потом положил ему руку на плечо, спросил:

— А ну, скажи, дядя, ты ведь женат, наверное, и детишки есть?

Рыжебородый удивленно немного приподнял брови.

— Как же, и жена есть, и трое ребят. Вместе воюем. Жена во втором разряде ездит.

— Да ну?— удивился офицер.

— Вы что, господин поручик, удивляетесь?— вмешался унтер-офицер.— У нас все почти что так на войну выехали, со всем семейством. Как в бою, так врозь, а как в резерв отойдем, так и вместе. Тут у нас и блины, и оладьи пойдут. И бельишко помогут бабы и почистят. У нас в дивизии насчет этого хорошо. У нас как одна семья все живут. Жалко только, мало у нас старых N-цев осталось.

— Ну, а из-за чего воевать-то пошли?

Лица оживились. Вспыхнули гневом. Заговорили все сразу. Шумно, перебивая друг друга, стали доказывать, что не воевать с красными нельзя, что жизнь при них невозможна.

Говорили горячо, бестолково. Офицеры молча слушали, улыбались. Из всего бурного потока слов они поняли ясно и определенно, что N-цы знают, за что воюют, что воевать с ними хорошо, безопасно.

Разошлись N-цы поздно вечером возбужденные, с растревоженными воспоминаниями о доме, о родном, заводе, где родились и выросли, откуда пришлось уйти и куда так сильно тянуло.

Весной и летом 1919 года судьба поставила ижевцев против легендарного Чапаева. На чапаевцев тогда наступали две каппелевские дивизии и авиация. Пуля с аэроплана пробила череп Чапаева и застряла в кости. Вытащить ее не могли. Стиснув зубы, Чапаев ходил с забинтованной головой. В это время на разутых и уставших красных пошли офицерские части в черных мундирах. Именно тогда, 9 июля 1919 года, в бою под Уфой и была проведена психическая атака.

Чапаеву удалось разбить Ижевскую бригаду. Но если другие бригады в таких случаях расформировывались и превращались в полки, то бригада Молчанова по его просьбе была превращена в начале августа 1919 года в дивизию, выведена в резерв, на отдых, а в сентябре получила от «верховного» почетное черно-желтое Георгиевское знамя — вместо прежнего красного.

«Злые языки говорили,— писал Зазубрин,— что если бы у N-цев было белое знамя, то адмирал, пожалуй, и не подумал бы наградить их Георгиевским, а тут волеяневолей пришлось, так как нельзя же было терпеть дальше, чтобы в армии его высокопревосходительства было проклятое красное знамя, этот символ борьбы раба за свое освобождение».

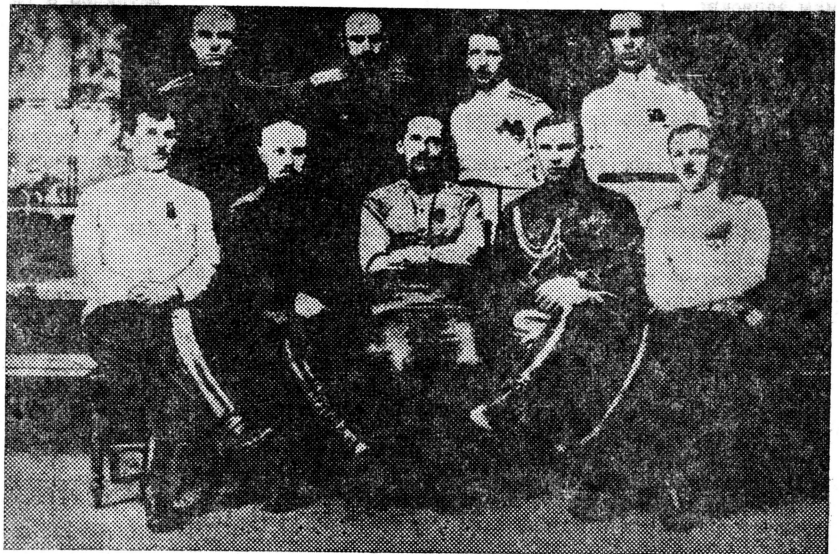
Боевой песней ижевцев была «Варшавянка», хотя слова на музыку этой революционной песни они сочинили сами и не менее революционные:

*Сброшены цепи кровавого гнета,
Дружно врага уничтожил народ,
И закипела михая работа,
Ожил рабочий и ожил завод.*

*Молот заброшен, штык и гранаты
Пуцены в ход молодецкой рукой.
Чем не герои, чем не солдаты
Люди, идущие с песнями в бой?*

*Кто не слышал, как с врагами сражался
Ижевский полк под кровавой Уфой?
Как с гармонистом в атаку бросался
Ижевец, русский рабочий простой?*

*Годы пройдут, на отчизне свободной
Сложится много красивой баллад,
Но не забудется в песне народной
Ижевец, русский рабочий солдат.²*

Символом связи со своим заводом — железом и сталью — у ижевцев и воткинцев считался синий цвет — цвет их погон, выпушек, петлиц. Буква «И» была на погонах ижевцев, буква «В» — воткинцев.

Генерал Молчанов мало отличался от своих подчиненных. Высокий, очень худой человек с большими усами и горящими глазами, генерал носил серую солдатскую шинель и гимнастерку с синими погонами и буквой «И», а не с серебряными генеральскими зигзагами.

По словам поручика Лоткова, сначала рабочую дивизию вели не генералы и офицеры дворянской крови, а в основном свои же братья по станку и сохе. Многие из солдат-рабочих отличились еще в германскую войну и были украшены Георгиевскими крестами, заработали офицерские чины. Среди них штабс-капитаны Мудрынин, Калашников и Стяленин, ротмистр Агафонов, прапорщики Мерзляков, Мольнов, Ефимов, Круглов, Вицин, поручик Ладыгин, капитан Селезнев и другие — все коренные жители Ижевского завода. Некоторые офицеры представляли исключение. Полковник Федичкин, генерал Молчанов был из разночинцев, капитан Юрьев, корнет князь Ухтомский — из дворян. В 1919 году ижевцев и воткинцев, проравшихся из красной блокады к белым, было вместе с

² Филимонов Б. Белоповстанцы. Книга I, Шанхай, 1932, с. 32.

семьями около 50 тысяч человек, а к концу гражданской войны осталось несколько тысяч. Солдаты гибли в боях. В ряды ижевцев вливались пришлые люди — златоустовцы, уфимцы, и офицеры появлялись новые.

Шло время, и солдаты Ижевской дивизии начали мучительно догадываться, что они сражаются против своей власти, которая хотя и обидела их, но все-таки именно она им родная. Они убеждались в преимуществах красных и в нравственном отношении и недоумевали, когда белые грабили лавки и магазины, обливали керосином и сжигали на Каме пароходы с пленными, ранеными и пассажирами. Разве о такой демократии они мечтали?

Они чувствовали пренебрежение к себе со стороны рабочих в уральских, сибирских, дальневосточных городах. «Всюду сибирский рабочий,— сообщал красным перебежчик,— видит в воткинцах и ижевцах предателей дела рабочего класса и относится к ним с брезгливостью, как раньше к штрейкбрехерам или царским шпицам».

Ижевцы, опасаясь красных, не хотели служить и белым. Красноармейцы, освобождавшие от ижевцев населенные пункты, обнаруживали в них разбросанные по домам записки:

«Товарищи красноармейцы, нам говорят, что вы не берете в плен, а колете. Товарищи красноармейцы, берите нас в плен, не колите, мы все вам сдадимся. Долой войну! Будем жить в согласии. Теперь мы видим, что мы обмануты... До свидания, товарищи красноармейцы, все-таки мы покамест уходим».

Ошутив на себе военную диктатуру Колчака, ижевцы от него «давали тягу» кто куда — в лес, к партизанам, в Красную Армию. Несмотря на страх перед возмездием, они шли с молитвой на устах: «Что Бог даст, расстреляют или нет, но у Колчака не останусь».

Солдаты и их семьи-беженцы тщательно скрывались от контрразведки. Например, в Екатеринбурге они четверо суток голодные пролежали на кладбище между могилами, ожидая азинцев. А в Томске после отступления белых осталось 700 ижевцев. Их ходатайство о возвращении на родной завод удовлетворили. В феврале 1920 года в Ижевск прибыло из Сибири два эшелона солдат с семьями, в апреле — 1850 человек. Эшелон остальных ижевцев и воткинцев, решивших возвратиться в Советскую Россию из Владивостока, остановили на границе Дальневосточной республики: ижевцев хотели использовать в борьбе против большевиков японские интервенты. Однако генерал Молчанов, по данным К. И. Куликова, оказался патриотом России и отдал приказ по корпусу снять погоны. На совещании с командирами частей Ижевской дивизии он заявил: «Гражданскую войну я считаю оконченной, вы пришли сюда на отдых, но ввиду политических событий на Дальнем Востоке, когда угрожает опасность захвата со стороны Японии, нас хотят использовать как авангард, или, вернее, застрельщиков в борьбе с русским народом. Я, как ваш начальник, предупреждаю, что я, как русский, не могу играть на руку захватчикам и поэтому отказываюсь от какой бы то ни было борьбы с русским народом. Призываю вас разойтись и служить русскому делу, а не японцам, о чем прошу объявить всем солдатам и офицерам корпуса».

Но борьбу с большевиками Молчанов продолжил, став комендантом Владивостока. Этот период его деятельности отражен в известном фильме «Сердце Бонивура». В декабре 1921 года в сражении с войсками Блюхера белые были разбиты. Ижевцы со своим командиром эмигрировали в Маньчжурию.

О дальнейшей судьбе Молчанова поведал его товарищ по оружию, ижевец генерал Смолин, живший, как писала газета «Шанхайская заря», в Циндао и торговавший в магазине, а до этого побывавший сторожем и жокеем. «Мой коллега, генерал Молчанов,— писал он,— имея несколько тысяч денег, уехал в Америку, открыл там куринный завод. Куры заболели и сдохли, и имею сведения, что он окончательно погорел и теперь бедствует».

Ижевцы и воткинцы, как квалифицированные рабочие, организовали в Харбине ижевско-воткинское технико-промышленное товарищество и столовую при рабочем Красном Кресте.

Ижевско-воткинское зарубежье праздновало годовщину и даже полувековой юбилей своего восстания в 1968 году. В тот день оставшиеся в живых пели свою боевую песню, а в русских церквях Азии, Америки, Европы можно было услышать моление: «В блаженном успении вечный покой подаждь, Господи, убиенным и погибшим рабам Твоим воинам Ижевским и Воткинским... и сотвори им вечную память».

Любопытно было видеть в харбинской газете «Время» за 1945 год некролог о смерти бывшего доктора Ижевского полка Худыковского, рекламу харбинского магазина «Урал», сведения об экзаменах в эмигрантские лицей, семинарию, гимназию, о передачах по русскому радио рассказов Чехова, Пушкина...

Еще в 20-е годы часть ижевцев уехала в США, главным образом в Сан-Франциско. В Калифорнии жил, например, полковник Федичкин — главнокомандующий ижевских повстанцев в 1918 году. После смерти его воспоминания оказались в Институте Войны, Мира и Революции имени Гувера в Калифорнии.

После гражданской войны многие ижевцы возвратились на родину. Здесь к ним отнеслись по-разному. Одни ненавидели их как «контру»: «И на што такой сброд в город пускают?». Другие расспрашивали о красивой жизни за границей. Третьи с пониманием относились к людям, прошедшим через кровь, муки и сомнения, умеющим хорошо работать и желающим вместе со всеми строить новую жизнь.

Однако на оборонный оружейный завод многих из них не брали. Часть «харбинцев» уехала из родного Ижевска в другие города страны, часть приняла участие в строительстве ижевского мотозавода.

Пройдут годы. В 1937 году в НКВД Удмуртии попадут около 140 «харбинцев». Несмотря на данную им ранее амнистию, почти всех их расстреляют. Будут осуждены даже те, кто никакого отношения к белому движению не имел.

«УЧЕТНЫЙ АСЭ»

С откатом НЭПа и началом индустриализации и коллективизации положение ижевских рабочих резко ухудшилось. Приток крестьян, бегущих от насильственной коллективизации, резко обострил жилищный кризис. Появились землянки на рабочих окраинах — Пойме, Колтоме и даже у кладбища, на Пятнадцатой улице, выросшей при индустриализации. Если бы не сизый дымок, идущий из-под земли рядом с могильными крестами, и голоса из «преисподней», то никто бы не догадался, что там живут люди.

На Пойме с германской войны сохранилось много землянок, где перед революцией жили пленные австрийцы, немцы, венгры, чехи, сербы. Землянки к тому времени обвалились и напоминали черными провалами могилы. Рабочие с семьями ремонтировали их и заселяли.

Стали появляться дома-коммуны барачного типа, где был обобществлен, и русскую печь сменили общая кухня, прачечная и столовая.

Новый пролетариат Ижевска, пришедший из деревни, не имел уже особенностей, присущих дореволюционным рабочим, и мало отличался от своих братьев по классу из других городов. И все же многие рабочие, несмотря на энтузиазм индустриализации, выражали недовольство резкой переменной в их жизни, особенно продовольственным кризисом, вызванным разорением деревни. По секретным сводкам ОГПУ, «уменьшение поголовья скота за последние годы имеет место во всех хозяйствах области». В 1932 году смертная казнь угрожала даже детям, соби-

равшим оставшиеся на полях колоски (Закон о «пяти колосках»).

В Ижевске ввели карточную систему, закрыли дешевые трактиры и чайные с сытой едой. Зато появились фабрики-кухни с автоматической рубкой мяса, чистой картошкой, мытьем посуды, подачей обедов. Поспешили объявить, что уничтожен один из видов эксплуатации женщин, закрепощенной гнетом горшка и ухвата. Но пища в индустриальных столовых стала дорогой, однообразной и недоброкачественной. Население предпочитало пусть скудные, но домашние обеды.

По данным осведомителей ОГПУ, ижевские рабочие в 1933 году высказывали недовольство продовольственным кризисом в таких выражениях: «Разорили всех крестьян, а сейчас рабочих душат. Заставляют усиленно работать, а держат голодом. Для чего мы работаем, для чего живем, когда в будущем никакого улучшения не предвидится... лучше сделать повсеместную забастовку-восстание и добиться свержения этой власти...» («Учетный АСЭ», то есть «антисоветский элемент», рабочий фабрики охотничьих ружей Мерзляков).

Подобных «АСЭ» в Ижевске было немало. «...Раньше царское правительство заботилось о рабочем,— делился своими мыслями другой «АСЭ» — рабочий молотовой мастерской Сибиряков,— там без хлеба и крупчатки не жила, а теперь часто сидим без ржаного хлеба. Ждать что-нибудь лучше — терпения нет, так как ждем уже вторую пятилетку и все напрасно, а впереди на всю нашу жизнь пятилеток хватит у Советской власти, и все они ничего рабочему не дадут».

Многих ижевчан удивило усиление продажи алкогольных напитков для нужд индустриализации: «Говорят, что царь Николашка славил рабочих вином, а Советская власть вместо улучшения быта и снабжения продовольствием еще больше усилила продажу вина для рабочих, дабы этим только выкачать деньги и дать доход государству» (Рабочий мастерской штампов Красноперов). Рабочие выражали несогласие с введением закрытых распределителей продовольствия для партийно-советского аппарата, научных сотрудников вузов и работников НКВД. Бывший рабочий электроцеха, уволенный по сокращению и работающий теперь в сталелитейном цехе, Павел Козлов по пути в магазин заявил встречному: «Последний раз иду получать, магазин отбирают для закрытого распределителя, нас оттуда вытряхивают, а прикрепляют разных подлизунчиков... Не будь я гад, если сам нескольких не перестреляю».

Бесконечные займы также ухудшали положение рабочих. «Какой дурак захочет подписываться на новый заем, и без того живем год от году все хуже и хуже. Коммунисты все за заем, особенно которые ходят с портфелями да с хорошим жалованием. Вот они и выдумывают заем, а не наш брат. Вот расценки снизили, раньше я зарабатывал 200 рублей, а сейчас 30 руб. Из-за пайка только и работаю. Какой тут еще заем государству давать?» (Рабочий ремонтно-строительного цеха, беспартийный Стерхов).

Ижевчане пытались протестовать забастовками, листовками, анекдотами.

В спецсводке ОГПУ было отмечено, что «на почве недостаточного питания, 2-го августа 1933 года бригада рабочих кирпичного завода... объявила забастовку, требуя увеличения порций горячих обедов на производстве... Нами приняты меры к разложению группы забастовщиков через агентуру...»

Есть в архиве ОГПУ и сводки об «антисоветских листовках».

«Совершенно секретно.
Председателю облисполкома
т. Иванову, г. Ижевск.

Почтово-телеграмма о контрреволюционной анонимке на Ижстальзаводе, Удмуртского облотдела ОГПУ.

26 июля (1933 г.) в 12 часов дня на строительство

Ижстальзавода обнаружена к. р. анонимка следующего содержания:

«Когда Ленин умирал, то Сталину наказывал, чтобы хлеба не давал, мяса не показывал.

Сталин едет на собаке, а собака без ушей. Ты куда, Сталин, поехал? Ликвидировать мышей. Ах, калина да малина, 6 условий Сталина, 4 — Рыкова, да 2 Петра Велюго.

Сталин едет на телеге, а телега на боку. Ты куда, Сталин, поехал? За кумышкой к вотяку».

Данная анонимка написана простым карандашом, на листе фанеры размером 1X3/4 метра. Рука автора не изменена. Почерк малограмотный. Имеет сходство по содержанию с ранее полученными анонимками...»

Наказания тогда еще не были настолько тяжелыми, как после убийства Кирова, и многие отделялись лишь «легким испугом». «...Скажи, что не дают к празднику ничего, то тебя отправят в ГПУ, а оттуда скоро не вырвешься, где пройдешь все комнаты, а в последней тебя посадят на стул, а на столе перед тобой будет лежать револьвер,— рассказывал на заводе моторист Ильин,— и с трех или четырех сторон начнут тебя выписывать, что я сам на себе испытал. Перегаскали всю семью. Вот ведь почему рабочие молчат, а говорили, что власть рабочих».

Убийство Кирова в следующем, 1934 году резко ужесточило меры против недовольных. В январе 1935 года ЦК присылает в Ижевск на пост первого секретаря обкома Бориса Берманя вместо прежнего, репрессированного Сурена Аюпяна. Руководимый Берманом обком «разоблачил» двух первых в Ижевске троцкистов — Величкина и Мамаева.

В начале следующего, 1936 года обком проведет по указанию ЦК чистку партийной организации от «врагов народа». Однако план по «разоблачению вредителей» выполнить не удалось. Из 113 исключенных не было обнаружено ни одного «врага».

«Обмен партийных документов,— с душевной простотой докладывал один из работников обкома,— также не дал НУЖНЫХ результатов. Тогда мы разоблачили и исключили из партии троцкиста Данилова. И только последующая работа (пытка Данилова в подвалах НКВД — И. К.) показала наличие в парторганизации врагов народа. Из партии были изгнаны Вьюгов, Крыль, Макаров, Орлова, Захаров, Кильдибеков, Бурашев и др. враги народа». Берман знал этих людей — он был их преподавателем в Коммунистическом университете трудящихся Востока в Москве. Бывший преподаватель истории партии, чтобы выжить, принес в жертву своих учеников.

Выполнив план по «разоблачению» в 1936 году, собрание партактива во главе с Берманом доложило об этом «отцу народов»:

«Вождю мирового пролетариата, мудрейшему учителю, любимейшему другу и отцу трудящихся,— родному, великому тов. Сталину.

Иосиф Виссарионович!

...Враг разгромлен, но его подонки не сложили оружия. И в нашей Удмуртской партийной организации вскрыт ряд троцкистско-зиновьевских элементов. Двуручничая, они скрывали свою контрреволюционную деятельность до последнего времени.

Мы заверяем, товарищ Сталин, тебя и ЦК нашей партии, что Удмуртская партийная организация еще выше поднимет революционную бдительность, беспощадно выкорчует остатки контрреволюционного охвоста, еще сильнее сплотит ряды нашей славной большевистской партии и нашего великого Сталина».

Только год предстоит прожить Берману. Да и не только ему: грядет 37-й...

На снимках: командующие ижевско-воткинской бригадой (Из книги Б. Филимонова «Белоповстанцы»); Георгиевское знамя Ижевской дивизии (находится в Иркутском музее).

Вертикальная песня, исполненная падающими на дерево

Рассказ

Рисунки Натальи Ермолаевой

Юлия КОКОШКО

Старички собирались в стаи и улетали. И превращались в тех птиц, в каких хотели.

Например, одна старуха, Марья Романовна, пожелала превратиться в Орлана Белолечея, и не затем, чтоб носить декольте, а затем, чтоб синицей быть не монументально, а трясогузкой вульгарно, да ни синице, ни трясогузке не поднять в воздух письменный стол с двумя тумбами, с позолоченными ручками, и приклеенную к столу шкатулку, сшитую из праздничных открыток, а кроме того, ей наскучила фамилия Блинова, но очень влекла фамилия Орлан. И она стала Марья Романовна Орлан, а ее двоюродный зять, что недавно привез на себе комиссионное пианино, одолжил ей бурлаковские лямки. Конечно, американские грифы больше, но ведь Марья Романовна была патриотка, и к тому же слышала, что грифы не могут таскать в лапах добычу, а орланы — да, вдруг лямки порвутся? А другая старуха, Нина Петровна, она крутилась юлой на трех работах: драила палубы библиотеки и гастронома и сторожила ясли, и прогуливала, и обижалась, если ей пеняли — где же сострадание к человеку, что юлит без выходных и живет одними прогулами? — эта Нина Петровна сказала: только Соловьем! — и дебаты отменяются, а дебатыруйте хоть международной ассамблеей, она уже давно — Соловей.

И никто не хотел становиться Кукушкой, всех смущала репутация, и тогда Ангелина Семеновна, легкомысленная дамочка в фиолетовом перманенте, обожавшая ввернуть неприличный анекдот порядочным людям и имевшая на старость двух любовников, сдачу с молодости, а любовники в полет не собира-

лись, или собирались, но в другой, эта Ангелина Семеновна расщедрилась:

— Я буду Кукушкой, меня такой псевдоним не скомпрометирует. Меня вообще трудно скомпрометировать, обычно этим занимаюсь я. Правда, я метила в Солнечные Цапли, но раз никто не хочет, а надо, я согласна! Я буду кукушкой-личинкоедкой,— говорила она.— Они кладут яйца в общее гнездо и насиживают кукушьям коллективом. Я тоже всю жизнь, как дура, насиживала чужих детей! — и она превратилась в Кукушку.— Кстати, о птичках...— и, превращаясь, она попутно рассказала возмутительный анекдот.

И пришел рыжий подрыватель спокойствия, профессор Валерий Феоктистович, он заведовал кафедрой физической химии и где-то случайно облучился. И из него выудили одно легкое, но он все равно курил, хотя внутри у него хрипело, свистело и тренькало, и он еще любил институток и по части выпить также был профессор, стихийный хрипящий свистун с оранжевой сединой. Он и в больнице прикладывался до последнего и умер сильно навеселе. И он решил стать Рыжим Петухом. Но ему сказали:

— Не надо! Во-первых, вы уже умерли. А во-вторых, петухи не летают.

А он ответил:

— Во-первых, и что из того, что умер, эка важность! А во-вторых,— петухи-то не летают?! Не надо мыслить банально. Жизнь не соответствует вашим банальным представлениям о ней.

И он превратился в Рыжего Петуха, раздольно взмахнул крыльями и для начала поднялся в тропосферу.

А еще одна, Елена Григорьевна, торжественная старуха с провисшими флагом без ветра чертами, и у нее были неподвижные, презирающие мир желтые глаза, она сказала, что ей не к лицу быть птицей, а она с удовольствием превратилась бы в четвероногого друга, чтобы что-нибудь сторожить, а когда ее спросили, что она хочет сторожить, она сказала:

— Что-нибудь. Неважно что. А важно, чтобы не лапали!

Но ей ответили, что собакой нельзя, а летающий ящер — анахронизм, и тогда она стала Зеленым Кардиналом.

И собралось много-много птиц, тьма-тьмушая стая: и белый аист, и ласточка с фрачным хвостом, и зимородок, и канарейка, и кулики, и дятел, и черный дрозд, и косматая цапля, и иволга, и лебедь, и сойка...

И уже когда они улетали, по бульвару шла мрачная молодая личность в подпалинах и несла том стихов под мышкой. У нее были растрепанные волосы и длинный нос с металлическими очками, такие носы и очки продаются отдельно в «Детском мире». Увидев улетающую стаю, она вдруг махнула рукой и крикнула:

— Стойте, возьмите меня с собой! И я с вами!

Но ей ответствовали:

— У нас возрастной ценз. Мы молодых не берем.

А она расхохоталась и сказала:

— Мой муж считает, что я старая. И я не собираюсь быть серебряной чайкой, а превращусь в Ворону Обыкновенную.

А Марья Романовна закричала:

— Я ее знаю, у нее муж гуляющий. Кстати, я его видела на Страстном с белокурой блондинкой, а блондиночка,— полный адидас! Пусть летит, куда ей деваться? Заодно поможет мне тащить шкатулку из открыток, там адреса моих знакомых. Знакомого про- тезиста и знакомой, снимающей кардиограмму.

И они полетели.

И они улетали из города, а город улетал из них. Он оставался на земле, а в городе оставались события, что с ними случались, ведь в небе не случаются земные события.

И они уносили из города воспоминания, что распутывались в сверкающие серебряные нити, наверное, сродни Ариадниной, и можно найти по ним дорогу назад, а то и нельзя, поди поручись-ка нынче за качество...

И каждый знал, куда они летят. Одни знали: на выходные, а другие — что в Ниццу, а третьи знали — не навсегда...

— Ну, не знаю, как лично они, а лично у меня одно крыло здесь, другое там,— говорила птица Гарпия.— У меня дома мясо размораживается.

А Рыжий Петух летел и покуривал сигарету «Кэмел», и отхаркивался вместо припева. А рядом летели Кукушка и Ворона, и летели кудрявый пеликан, и желтоголовый королек, а Орлан Белоплечий с натугой тащил на грузчицких лямках стол, и летел Зеленый Кардинал с приклеенными зрачками, и звякивал связкой ключей и думал: «Шифоньер я заперла... холодильник заперла... кастрюлю со шами... кастрюлю?». И чтобы опробовать дар птичьей речи, Кардинал вытанцовывал языком: «Кр-р-рохобор-ры!» И усложненные фигуры: «Сотр-р-ру в пор-ро-шок!» И летело много-много других птиц.

И они летели в синей пустыне, но сначала им казалось, что кругом кипит жизнь. И может, это были миражи, а может, и в самом деле кипела. Например, одной старухе Ольге Ивановне, обратившейся в Бородатую Неясность, все мнился ремонт. Она некогда преподавала в педагогическом, но ее отцепили за оскорбительно-непедагогический роман с персонажем, любить которого нельзя. Так всегда бывает: этого недымящего-вовремя-вносящего — пожалуйста, а того — «Ах» — нельзя, потому что его уже однажды полюбили, и неважно, исполненной любовью или колибри, а одну человеко-единицу полагается любить ОДНОЙ человеко-единице, чтоб не нарушать писчебумажный баланс. И неважно, если та любовь уже истекла, важно — любовь в законе! Кто это там не чит?... А потом ее пожалело Суворовское училище, и у нее появилась маршевая походка с огоньком и офицерский разворот плеч, и офицерский блеск в глазах. И она прохаживалась по квартире, заложив руки в бриджи, а на стенах висели портреты ее дочерей с голыми плечами, на которых спал, свернувшись клубком, натуральный мех, а глаза дочерей обольстительно и коварно сверкали. И ей казалось — в дверь входят суворовцы в летних белых куртках и несут белла, олифу, краски, а сквозь их уши летает летний ветер, и они, слепив в пирамиду стол с табуреткой, зашпаклевывают в потолке воронку от пробки шампанского, которое приносил непедагогичный персонаж. И косятся на портреты, и у них захва-

тывает дух, а с ее лица стекают черные ресницы и румяные щеки, лицо дало течь, и она сообщает суворовцам, что не переносит запаха краски. И вспоминает на одном высотном доме надпись в три этажа: «Краски и лаки высшего качества из ГДР», а персонаж читал надпись так: КРАСКИ И ЛАСКИ ВЫСШЕГО КАЧЕСТВА, ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ.., и она смеется и заявляет суворовцам:

— Эту мою дочь зовут Нелечка, а эту Любовь... — и поет на мотив из оперы «Кармен»: — Любовь — дитя, дитя свободы, законов всех она сильнее...

А венценосный Журавль в золотом венце набекрень летит и строчит на лету в блокнот. А его спрашивают: что это ты, красавец, ягодка, нащелкиваешь пером из правого крыла?

А один старик по фамилии Козодой летел с закрытыми глазами и нес под крылом домашние шлепанцы. Козодой впадают иногда в оцепенение, он и был какой-то прицепенелый, и бормотал про бессмертную тещу, теща-столетник, она сломала ногу, но не позволила запеленать ее в гипс, пока я жива, сказала теща, никто не посмеет упрятать меня в темницу, ни полменя, ни четверть меня, ни даже одну мою ногу! И она жила на кушетке.

— И кричит: «Ирочка, закрой балконную дверь, ты хочешь меня простудить!» — бормотал Козодой, не открывая глаз. — «Мама, я давно уже не открываю балконную дверь!» А она все кричит и кричит...

— Ах! — крикнула Бородатая Неясыть, потому что ремонт закончился, и суворовцы, отобедав домаш-

— А я пишу информацию в «Вечерку» о нашем полете. Глядишь — пятерочка внуку на мороженое, пусть просадит с пионерками... Это мой внук от первой жены. Я, знаете, любил первую жену, и у нас был чудный совместный дом, Со-Дом! А когда она ушла к ответственному секретарю, я женился на второй, потому что она чуть-чуть... за это «чуть-чуть» я и спустил душу. Мой приятель был поражен их сходством. «Правда, я последователен?» — усмехнулся я. «Ты однообразен!» — сказал приятель. Кретин! Да второй моей первой жены нет ни в одном макрокосме! В общем, я должен осветить наш полет. Не потому, что внуку без пятерки труба, но если где-то случается маленькая прогулка в небесах — так пусть о ней знают все!

— Просто он хочет прославиться, — кричала Марья Романовна Орлан. — Он думает, первая жена увидит его фамилию в газете, увидит, что он знаменит, и клонет!

ним, разбив чашку и посулив ей целую чашу счастья, сбежали. — И это воспоминание из меня улизнуло, черт его разорви! Иногда я ощущаю себя октябрьской рошей, с которой ветер сдирает последние листья, и остаются голые белые косточки... Впрочем, — веско заметила она, — мне обещали новый зеленый мундир.

А Марья Романовна Орлан вспоминала библиотеку, она была предводительницей библиотеки. У нее на шее сидели две некомплектные библиотечные дивы. И дивы умели любить воскресной любовью, и они были добродетельны за всех земных грешников, и Марья Романовна мечтала... правда, о приличных партиях мечтать уже не приходилось, но когда появлялся читатель с хорошей должностью, Марья Романовна, мятежно сощурившись, говорила:

— Где же я слышала вашу фамилию... У вас жена, часом, не в печати работает?

И если читатель отвечал:

— Нет, в зоопарке номер шестнадцать, — Марья Романовна теряла к нему интерес.

А если читатель, посмеиваясь, сообщал, что еще не жёнат, Марья Романовна ставила в верхнем углу его формуляра маленькую птичку. И, красноречиво подмигивая, кричала:

— Юлия Михайловна, обслужите-ка читателя! Почему я, директор, сижу вместо вас на выдаче?! — и ловко подсовывала диве зарубежный детектив из заветного шкафчика.

И она летела и с прискорбием думала, что время атакует, идет свиньей! — и размазни из библиотечной юдоли, неблагодарно хлопающие крыльями, когда Марья Романовна пыталась решить их судьбу, фу-ты, ну-ты, останутся на бобах, как она.

— Я бы всех пьяниц поубивала! — процедила Елена Григорьевна Зеленый Кардинал. — Или в тюрьму их упечь, чтоб неповадно было. А я сама за всю жизнь капли в рот не взяла, вот так!

— Дайте, дайте скорей закусить, уфф... — поперхнувшись, говорила Ворона. — Что это?

— Коньяк «Наполеон», ваша Воронья Милость, — отвечал Петух. — Сигарету? — и он угостил ее сигаретой «Кэмел». — Или предпочитаете бургундское? Однажды в день защиты приятеля я явился на банкет в нежном костюме песочного цвета, я был чрезвычайно хорош в нем, я был ослепителен! И его аспирантка Ритка Глотова, тц-ц, какая девочка, облила мне жилет и брюки красным вином, опрокинула бутылку на стол и облила, собака! — и Петух хохотал,

А золотоперый Рыжий Петух вынул из перьев плоскую серебряную фляжечку и отвинтил пробочку, и глотнул. Он подлетел к мрачной, но самой молодой в стае личности, Вороне Обыкновенной в Очках, и спросил:

— Хотите увидеть жизнь в истинно прекрасном свете, а не такой, как она вам кажется?

— Пожалуй, — сказала мрачная молодая личность.

Но сколько бы они ни таскали поэтических томов и сколько бы ни рядились в небожительские личности — драные свитера и дотертые до нуля джинсы, на лицах данных личностей стоит печать порока! Так думал Зеленый Кардинал, глядя, как молодая личность беззастенчиво отхлебывает из фляжечки, а Кардинал уже научился не только говорить, но и процеживать сквозь клюв, и слова получались острыми и плоскими бритвами.

свистел, хрипел и тренькал. — И как, вы думаете, я поступил? — торжествующе спрашивал он. — Как в таких случаях поступают настоящие мужчины?

А мрачная молодая личность пугалась сквозь очки и улыбалась дрожащей, недотянутой улыбкой.

— Собрали на дорогу вино и провиант и выступили в химичку? Нет, вы, конечно, выпороли Ритку, — говорила она, — сознайтесь, каким-нибудь свежим розовым букетом?

— Ах, оставьте ваши пошлости. Речь о настоящих мужчинах! — победно кричал свистящий Рыжий Петух. — Я! Снял! Галстук! И вытер им со стола! А потом Ритка рыдала у меня на груди, она влюбилась в меня навсегда. У нее до сих пор висит в прихожей мой галстук.

А старуха Нина Петровна Соловей летела и пела, не зря же она превратилась в соловья! А в библиотеке она работала под Марьей Романовной Орлан,

но относилась к ней неоднозначно. В первом слое Нина Петровна обожала ее, а во втором — на дух не переносила, а в третьем отмечала, что Марья Романовна живет на широкую ногу, а я после трех работ — совсем без ног, и голова на одной привычке держится, а в четвертом — восхищалась ее умением вертеться, а в пятом — осуждала Марью Романовну за конформизм и бесхребетные кредо. А в промежутках Нина Петровна любила пожужжать о Марье Романовне с соседями по квартире или по автобусу, и это — самая вкусная сливочная промазка!

— Ведь и тут, вы подумайте, — говорила она соседке по стае кулик-сороке, — а? Каков у нее размах крыльев! Но зато она не умеет петь, как я. Так петь!

И она пела соловьем, а поскольку Марья Романовна летела неподалеку, она пела Песню Без Слов, что сводилась к следующему: работая в библиотеке, Нина Петровна любила читать, особенно из заветного шкапчика Марьи Романовны, где содержались детективы и другие программные произведения для знакомых читателей. И раз Марья Романовна подсунула ей оскорбительную книгу «Манон Леско». «Вы нарочно подсовываете мне книги про бедность? — спросила Нина Петровна. — Намекаете, что я тоже бедная?!» На что Марья Романовна пламенно ответила: «Дура ты, Нинка! Это не про бедность. Это про любовь!» А Нина Петровна сказала: «От такой слышу!» — да спохватилась, а лучше б написала жалобу в народный суд. Вот об этом она летела и пела — о своих несбывшихся мечтах.

А рядом пролетала Райская Мухоловка Серафима Андреевна, она была пронзительно авторитетна у новых старых знакомых на лавочках, и она сказала:

— Да разве так поют, милочка? Да разве поют об этом?!

Райская Мухоловка торговала соками в магазине «Овощи, фрукты и просто продукты», но такая ерунда не очень-то интересна, да она и забыла подробности, и в хорошие минуты дерзновенно вспоминала, как работала сельской учительницей и однажды ликвидировала безграмотность населения. А в другие хорошие минуты, с другими хорошими людьми сетовала на усталость от сценической славы. А поскольку об этом вспоминала она, а не дядя, значит это и были ее воспоминания, ее собственные!

— Учитесь у меня, как надо петь, — утомленно произнесла она. И прочистив горло и отослав наступательную улыбку Рыжему Петуху, она выстрелила в небо:

*— Ча-а-сти-ца ч-черта в нас
заключена подчас.
Ковар-р-рный женский взгляд
в душе рождает ад.*

— Ад, суший ад... — бормотал Козодой. — Каждый день: «Мама, если ты еще раз скажешь про балконную дверь, я немедленно ставлю кипятить шприц». Она боится уколов...

— Да провались ты со своей сломанной тещей, зануда! — надменно говорила Ангелина Семеновна Кукушка. — Чтоб я хоть раз пожаловалась на родственников... Я покупаю им подарки и разношу по субботам в необеденное время. И при мне ни у кого ничего не болит!

И она летела и присматривалась к Венценосному

Журавлю, а на Рыжего Петуха она не смотрела. Ей, конечно, был больше по нраву Рыжий Петух с его широкими доблестями и наполеоновской фляжечкой, и рассказ о галстукке вырвал из серой кукушачьей груди стон восхищения, но Ангелина Семеновна была птица здравомыслящая и понимала, что Рыжий Петух уже умер, и осталось лишь горько его оплакивать. И хвалиться всем напраполю, что он был ее близким приятелем, что там ваши-наши-ихние, а вот у меня был приятель — ооо, какой фейерверк! Он был украшением нашей планеты — да, он! — а не те, на кого вы думали до сих пор, воображаю, что он вытворяет сейчас на том свете! — а на ЭТОМ он волочился за мной, лучше Рыжий Петух в небе, чем журавль, хо-хо! — но журавль тоже недурно. И для затравки она попросила у Венценосного автора его информацию и прочитала слева направо и справа налево, и сочинила из слова «интенсификация» два новых: акция и фикция, и воскликнув:

— Да я в жизни не читала ничего талантливее! — вымолила у польщенного Журавля автограф.

— А что ты вообще читала? Один блуд на уме! — скрежетал Зеленый Кардинал. — Ничего, кроме «Блудного сына» и не читала.

А рядом летел Пересмешник и хохотал.

— Я не алкала и не халкала, я соблюдала заповеди! — кричал он голосом Зеленого Кардинала. — Я соблюдала сто двадцать заповедей! Моя постель была заминирована. Любуйтесь птицей нежного цвета плесени!

— Ты не способен ценить добродетели, потому что твоя башка набита глупостями. Ты прославился ими на земле, а теперь прославишься в небе. Тебя для меня нет! — говорил Кардинал. — Я серьезная птица, а тебя я всерьез не принимаю.

Но когда-то он, Пересмешник, электрик из ЖЭКа, был у Елены Григорьевны и в осенние сумерки украсил ее потолок люстрой. И все хвалился с потолка своей женой, огненной бабочкой, снежной лилей, чернокудрой серной, и она была гренадерша, и смеялась, поднимала правой трех деток, а левой, смеясь, целый дом. А Елена Григорьевна доподлинно слышала, что жены у Пересмешника — ни такой, ни этакой, и матушка в прошлом году переехала на кладбище, а от него и не туда еще переедешь!

— Хорошая жена — редкость! И хороший муж тоже! — веско говорила Елена Григорьевна.

— А много ли в свете тех и других? — пылливо спрашивал Пересмешник. — Вот я, по-вашему, хороший?

— Да какой ты хороший, если пьешь? Пить-то ведь надо только по праздникам! — говорила Елена Григорьевна.

— Да ведь жить хорошо, если каждый день — праздник! — не соглашался Пересмешник.

И он действительно прославился своими глупостями. Например, он говорил сердечному другу:

— Ну что, брат Гулин, найдем в универсаме?

И брат Гулин никак не мог понять, что Пересмешнику нужно. А тому понадобилась сахарница, а свою он выронил впопыхах в троллейбусе. И он повел брата Гулина покупать сахарницу. Сначала в книжный магазин, а потом в аптеку, а потом в парфюмерию, но сахарницы исчезли из продажи. А к вечеру, изну-

ренные поиском, они забрели в хозяйственный. И увидели ночной горшок. Он был чудесен, морской волны, с лебедем на борту, и рука Пересмешника сама потянулась к этому искусству. И Пересмешник взял горшок и спросил у продавщицы, любясь:

— Как он, для сахарницы сгодится?

А стыдливый брат Гулин ринулся из магазина вон, крича на бегу, что не знает Пересмешника, а он, Гулин, далеко порядочный и морально аккуратный, член родительского комитета, он поставляет жене зарплату до копейки, а про других женщин не слышал, в особенности он не слышал про Умную Райку из пятой квартиры. И тогда его оштрафовали за нарушение уличного движения.

— Вам, милая, вряд ли стоит возвращаться, — говорила Марья Романовна Орлан мрачной молодой личности. — Все равно у вас муж гулящий, еще врасплох застанете! — и говорила о женском достоинстве и счастье моральной победы.

— И пусть гулящий, что за беда? Он так талантлив. Он, может быть, гений! Что вы о нем знаете, что посмели судить его? — улыбаясь дрожащим клювом, говорила Ворона. — Он слишком любит жизнь, а жизнь многомерна. Жизнь — такая великая штука, и тратить ее на меня — безрассудство! На свете столько прекрасных женщин, он должен завоевать их всех, он любит много женщин сразу! И одна из них я, и в этом нет ничего дурного... Да! — говорила Ворона. — В нем бывают МОИ минуты, и вам никогда не понять, что для меня — эти минуты! Над-строчные, над строкой, над-жизненные, семь небес над уровнем жизни! И только глупец жаждет превратить счастье в повседневность и уничтожить.

А Марья Романовна посмеивалась и великодушно сметала смешочки в стол, и украдкой крутила концом крыла у виска.

— Так она говорит, — не раскрывая глаз, бормотал Козодой, — «Ирочка, я больше не буду про балконную дверь, только не ставь мне укол, пусть она откнута...»

А Венценосный Журавль передавал Кукушке счастливое драматическое повествование, как однажды, на солнечной послевоенной улице, он увидел первую жену впервые и навсегда. И его длинные черно-белозолотые крылья рассекали небо, а на голове горела золотая корона, потому что у великой любви всегда есть золотая корона и длинные черно-белозолотые крылья.

— Вот трава, до чего он скучен! Вот исчадие рая! — вздыхала кукушка. — Мужчина, который любит свою жену, потерян для большей части общества навсегда.

И она протяжно косилась на Рыжего Петуха, а Рыжий Петух гусарил, от его перьев рассыпались шипучие искры, и он щедро любил всех — о да, почти каждой птице досталась ослепительная шутиха его любви! И кто докажет, что обрушивать монолит на одну неповинную голову лучше, чем раздарить любовь между всеми поровну? «Хочу шампанского!» — кричала розовая чайка, и Петух стрелял пенным шампанским. «Шампанское?! — восторженно ахали птицы, — откуда?!» «Увы, — смиренно отвечал Рыжий Петух, — вы подвинули меня еще на шаг ближе к тюрьме», — и он разрывал дамские сердца сумасшедшими

фантазиями, и... и... И за ним неслись чайка, и горихвостка, и косматая цапля, и Райская Мухоловка Серафима Андреевна и еще добрых полстан, влюбленная свита.

— Ах, как жаль, что он умер! — со слезами говорила Кукушка. — Не могу же я влюбиться в душную покойника, как эти идиотки!

— Вам не холодно? — заботливо спрашивала Ворону горбоносая птица Гарпия. — У меня кое-какие связи, можно запрограммировать вам шубу. Дайте мне четырехста рублей и считайте ее в шкафу.

— Да у меня за квартиру не плачено за три месяца, — смущалась Ворона. — Ха, можно подумать, я стану в шубе моложе и умнее. Можно подумать, он полюбит меня в вашей шубе!

— Что умнее не станешь, уж точно! — отвечала Гарпия. — Факт, шуба тебя не спасет.

И она полетела дальше. И она догнала Бородатую Неясыть.

— Говорят, золото на днях подорожает. Вам не нужны кольца, серьги? — спросила она. — У меня кое-какие связи. Дайте мне двести и считайте — они на вас.

— С тех пор, как я по собственному желанию ушла из педагогического, у меня заросли дырки в ушах, — пробасила Бородатая Неясыть.

А Нина Петровна Соловей летела и пела. И она пела Песню Без Слов и вызывала у слушателей примерно такие думы:

— Марья Романовна хи-и-трая! Отдала мне пальто сестры, а сестра-то у ней от рака кончилась. И еще спрашивает: отчего у тебя, Нинка, пальто в немилости? А чего я буду его носить, заразное ведь пальтишко! Зачем мне это, раком заражаться?

— Кстати, о раках, — сказала Кукушка. И она рассказала такой анекдот, что даже черные птицы зарумянились.

— Да разве так поют? — презрительно спросила Кукушка. — Сейчас я всем утру клювы! Выступает Кукушка. Музыка моего знакомого композитора в обработке другого моего приятеля. Испепеляющая Песнь.

И она запела Песнь о том, как могла бы полюбить заведующего кафедрой физхимии — вот жалость-то, что они познакомились, когда он уже помер, не мог погодить, подлец, и любовь в ее Песни была такая испепеляющая, что испепеляла не только живых, но и мертвых вытряхивала из пепла фениксами — клин клином вышибают. И она пела, как не умеют петь соловьи. Ни один соловей в мире! И даже Рыжий Петух восторженно схватился за сердце, нащупал там в перьях фляжечку, и взор его на секунду затуманился, и Петух прошептал в безраздельном отчаянии:

— Господи подери, почему ей не двадцать лет, и даже не тридцать девять? То-то бы мы им сбацили!

Так они летели и болтали, и пели, и Кукушка, и Венценосный Журавль, и Соловей, и Орлан Белоплечий Припискименностольный, и Пересмешник, и много-много других птиц. И они летели сквозь небо, и это была потрясающая увеселительная прогулка. И Райская Мухоловка в восторге сказала:

— Ей-ей, зря мы страшились сорваться с земли, это же потрясающая прогулка! Да я во всю жизнь

не имела столько интеллигентных дружков, вы мне все как родные, только Кардинал хуже чертовой свекрухи.

— Шар-ромыга! — процедил Кардинал.

— Что-что? Я туга на ухо, милочка! — веселилась Райская Мухоловка. — А дурак Пересмешник еще навещал ее, когда заболела. Он купил у нас два кило яблок и сказал ей, что яблоки из его сада. Он благородный человек, — говорила она, — и решил сдуру навещать ее, раз никто не навещает, а умные люди знают: ее навещать — себе дороже. И она сказала ему: «Что за кислятину ты приволок?»

— Это яблоки из моего сада! — говорил Пересмешник. — У меня на земле есть мой сад. Просто он — Ночной, бывает Летний Сад, а бывает Ночной, его можно увидеть только ночью. И у меня есть много-много деток.

— Детки! У него есть детки! — и Райская Мухоловка хохотала и утирала подолом хвоста слезы.

— Думаешь, детки бывают только такими, как у тебя? — говорил Пересмешник. — А почему не другими? Деревьями, или собаками, или ветрами? Почему мои детки должны быть такими же, как твои, а?

— Потому, что мои самые лучшие! — говорила Райская Мухоловка. — Правда, эти мерзавцы забыли, что у них есть я. Кажется, я и сама забыла, кто я... да все равно они — лучшие!

И они улетали все дальше и выше.

И становилось все жарче и все светлее.

Но они вдруг забеспокоились, найдут ли дорогу назад? Ведь у всех не закончились на земле хлопоты, и всех ждали, ну хоть кто-нибудь да и ждал, а если нет у кого-то родни среди людей, так есть родные коты и двоюродные деревья, а как же? И не будь небо таким сиятельным и слепящим, они увидели бы позади себя серебряные паутинные нити — путеводные! — их память — и память о них... а если вы думаете, что чья-то нить давно оборвалась... Впрочем, сияло небо и слепило глаза.

И тут вдаль появилась черная точка. И она приближалась, и вскоре они увидели, что это тоже птица, и обрадовались, и решили спросить у нее дорогу. Это была очень красивая и большая птица, у нее было торжественное, блестящее черное оперение, и у нее была женская голова. И супер-прическа.

— Привет, мои птички! О чем задумались? — спросила Незнакомка. — Неужто о смысле жизни?

И ей сказали, что они заблудились в небе, и это была восхитительная прогулка, такой еще не было за всю жизнь (да, пробормотала Незнакомка, такое бывает лишь после жизни, но, к счастью, ее никто не услышал), и очень душно и хочется пить, а Рыжий Петух мечтал о пиве, в общем, им некогда и пора, а у Гарпии мясо размораживается. То есть будет просто здорово, если Неизвестная Птица укажет им дорогу.

— Нет ничего проще! — бодро сказала Незнакомка. — Вам повезло, что вы наткнулись на такую чуткую птицу. Сейчас я покажу вам дорогу. За мной, мои крошки!

И она взмахнула огромными крыльями и понеслась вперед, а они устало летели за ней.

— Сейчас я напою вас, неподалеку есть чудный

родничок, — говорила Незнакомка. — И чудесный тенистый садик.

И у нее был знакомый голос, совсем как у медицинской сестры, а у каждого рано или поздно появляется знакомая медсестрица, и не исключено, что тот голос говорил совсем другие слова, ну а им слышались эти.

И тут раздался чей-то хохот, он катился отовсюду — и снизу и сверху, и на мгновение показалось — само небо хохочет над ними. Но — подозрительно хрипло, свистяще и тренькающе. И потом они поняли, что, может, Небо и смеялось, но в первую-то голову заливался Рыжий Петух. И его спросили, отчего он ведет себя так непристойно, вероятно, он нализался из фляжки? А Петух долго не мог от хохота говорить. И сказал:

— Остановитесь, безумцы! Плюньте на жажду и на эту пичужку. Или не знаете, как ее зовут! Мы сами найдем дорогу назад.

— Эй, рыжий курохлоп, как бы меня ни звали! — крикнула Незнакомка. — Или не знаешь, что имена нам дают родители? Скажи спасибо, что тебя не называли Трактором! А меня называли так, как называли, и осуждать моих предков безнравственно.

И тогда всем вдруг стало любопытно, а как Неизвестную Птичку зовут? И все стали приставать к Петуху: скажите, профессор, кто это такое? И Петух сказал:

— Эту вероломную симпатию зовут Птица Сирий. Она не покажет дорогу домой.

— Да! — сказала Незнакомка. — Я покажу вам дорогу в настоящий дом, а не в какой-то курятник, который надо без конца ремонтировать и вхлопывать бешеные деньги, а он все равно развалится. Зачем вам ваши развалюхи, дураки?

— Так вы и в самом деле показываете нам неверную дорогу? — спросила Нина Петровна Соловей.

— Сирий — птица смерти, — сказала Ворона.

— Зато не милиция, — заметила Гарпия. — А другие птицы мне нипочем.

— Но я совсем не хочу умирать! — воскликнула Нина Петровна Соловей. И она умоляюще смотрела то на Марью Романовну, то на Ворону, то на Кукушку, широко разевая клюв, как форточку. — Не хочу, не хочу, не хочу! — повторяла она.

— И я как будто не хочу, — сказала Марья Романовна.

— Вы можете хотеть или не хотеть, а я просто не собираюсь! — заявила Кукушка. — Я всегда была птица конфликтная!

— Какого черта я ввязалась в вашу паскудную прогулку? — выкрикнула Райская Мухоловка. И добавила подприлавочных слов.

— Успокойтесь, крошки, что за вульгарная паника? — поморщилась Незнакомка. — Никто и не предлагает вам умирать. Вам предлагают вечную жизнь и нетленные ценности. Конфликт между хорошим и лучшим в пользу последнего. Вот, глядите-ка! — и она царственно взмахнула огромным крылом.

И тут прямо в небе вырос прекрасный Сад, он вырос будто из чьей-то молодости, и в нем стояли туманные яблоневые деревья, заснеженные ранними цветами, и другие фруктовые деревья, кто какие помнил, они тоже цвели апрелем-маем и перекликались

запрытанным в листву тайным ветром, и в Саду играли полузабытое танго, какое-то пред... да, предвоенное, как в летнем кино перед началом сеанса, оно называлось...? «Утомленное солнце нежно с морем проща-а-лось...» — на маленькой скорлупе-эстраде: «В этот час ты призна-алась...» — и пахло морем, «мне немного взгрустнулось...» — и едко пахло дымом, а на деревьях были старомодные листья, и протяжные солнечные просветы между деревьями. И он был долгий-долгий, этот Сад, и дальние деревья уходили в...

...А на воротах Сада висели разнообразные таблички. И на самой крупной написано: «ВХОД БЕСПЛАТНЫЙ», а на другой: «В нашем Саду каждый живет на том дереве, на каком захочет!» А на сред-

комм или фо ли? Ну да живите на ногу того размера, какого желаете! А вот вам,— и Незнакомка ткнула крылом в ватную сову Неясыть,— вам я кое-кого покажу. Летите-ка сюда.

— Она мне покажет! — и бородастая Неясыть развилась солдатским хохотом без глушителя.— Да я сама покажу вам, что мне угодно, голуба!

Но на всякий случай подлетела и заглянула туда, куда велела Незнакомка. И вдруг пришла в невероятное волнение и в крупный трепет и по привычке стала на шаривать валидол по карманам.

— Боже мой... Тысяча чертей! — и скомандовала себе: — Кру-гом! Я остаюсь,— крикнула она.— Здесь, здесь, потому что он здесь. И уж теперь-то никому не содрать с меня листья!

ней табличке: «Каждый вечер — белое танго». И еще одна: «Забудьте о доставании маляров и квартплате навсегда!»

— У нас вечное лето, а атмосферное давление не влияет на давление проживающих,— сказала Незнакомка.— И вообще никто не чувствует тела, как в юности! То есть оно никому не докучает, и кости не ноют, и никаких экстрасистол! И если кому-то приспичило стать опереточной примадонной, где и стать, как не у нас? А желающие петь соловьем будут брать уроки у тех маэстро, какие ему приглянутся.

— И я взаправду смогу тряхнуть стариной и засверкать на здешней сцене в «Сильве»? — недовольно спросила Райская Мухоловка.

— Не хочу петь соловьем, хочу жить на широкую ногу! — дрожа от страха, пробормотала Нина Петровна.

— Помилуйте, уж коли вышли в соловьи... ну

— А вам,— сказала Незнакомка Пересмешнику,— мы выделим личный надел в нашем Саду. Там вырастут настоящие яблоки, а не магазинная кислятина. И у тебя не будет радикулита, и ты сможешь их выхаживать.

— А я люблю кислые,— сказал Пересмешник.— И не собираюсь любить то, что все. Я люблю то, что люблю я. И обожаю то, что люблю! Я выхожу с явлением один на один и сам решаю, любить мне его или нет. Мне повезло,— говорил Пересмешник.— Все, что я люблю, находится в нашем городишке. Такое совпадение! А без радикулита я, как парус без мачты.

— Когда я вижу: «Бесплатный вход», я всегда подозреваю, что платный выход,— сказала Кукушка.

— Глупости,— заверила Незнакомка.— Выхода у нас вообще нет. Но кроме выхода есть всё. Где вы еще найдете ВСЕ?

— Опомнитесь, безумцы! — сказал Рыжий Петух. — Неужели у вас никого не осталось на земле? Вот у меня, к примеру, остались полчища женщин.

— Ему-то лафа, сам себе профессор! — крикнула Нина Петровна. — Сел за стол на всю жизнь, а я — бегай угорелой савраской, мало на шее детей и внуков — и старик еще заскочил!

— Слушайте, а мы не могли бы вернуться назад? — спросил Венценосный Журавль.

— От нас никто не возвращается. Так что оставайтесь-ка добровольно, — сказала Незнакомка. — Вам назначили День Отлета. Всем когда-нибудь назначают День Отлета, и они улетают с земли навсегда. Традиции надо чтить.

— Значит после нас и другим назначат День Отлета, и они тоже не вернуться? — спросила Ворона.

— Потому-то я и вернусь! — сказала Кукушка. — Обожаю крушить традиции, если они мешают мне жить.

— Да, — сказала Ворона. — А если мы не вернемся, нас хватятся и полетят искать. И тоже не смогут вернуться.

— А тебе-то стоит ли возвращаться? — рассмеялась Незнакомка. — Вот прилетишь и застукаешь у благоверного гостьюшку.

— И что? — чуть не плача, спросила Ворона. — Что мне до его влюбленностей? Я люблю его со всеми влюбленностями. И пока мне живется, я буду жить. И пока мне нравится, буду любить. А если он меня не любит... причем здесь я? Разве это в нем что-то меняет? Наконец, наконец мне удалось взять нужную высоту. Правда, я все равно скачусь кубарем, но опять буду карабкаться вверх. Я побеждаю себя и не могу победить. Но я вернусь, и победа будет за мной! — надменно произнесла она.

— Да, — сказал Рыжий Петух. — Я тоже собираюсь вернуться. Я люблю свеженьких, а у вас товар лежалый и задохлустный.

— Ну, о тебе-то вообще речи нет, — сказала Незнакомка. — Ты давно умер.

— Эка важность, умер! — сказал Рыжий Петух. — Если кое-кто и при жизни живет мертвецом — в мертвый ус не дует, так почему бы мне не пожить после смерти? Я был на пиру, — сказал Рыжий Петух, — но не утолил ни духа, ни плоти. Сколько там осталось яств и вина! И я уверен, в эту минуту мне наливают еще и подбрасывают добавку. Эй, кричат мне, куда ты запропастился, Луженый Желудок? Я здесь! — отвечал Петух и звякнул шпорами. — Эй, кричит хор, а твоя последняя книга, Быстрая Мысль? Мы хотим дочитать ее! Я здесь! — крикнул Рыжий Петух и звякнул шпорами. — Я выскочил на ветерок, а теперь возвращаюсь.

— Тыфу, пропасть, до чего я влюблена в него, — пробормотала Кукушка. — Ах, как жаль, что он умер! Я украду у Ритки его галстук и расхватаюсь всему миру.

— Я с вами, — сказал Пересмешник. — У меня многодетная семья, без меня сгинут. И брат Гулин не умеет жить.

— И я, — сказал Венценосный Журавль. — Забыл сказать первой жене, я встретил бывшего соседа, и он передал ей привет.

— Мы полетим и предупредим всех, чтоб не уле-

тали в День Отлета, потому что не смогут вернуться, — сказала Кукушка.

— Все! — гордо подхватила Марья Романовна Орлан. — Восхитительно благородная мысль. Между прочим, я еще с утра собиралась совершить подвиг. С утра своей жизни.

— Я не полечу, — сказала Бородатая Неясыть. — Хорошо, что ко мне успели прописать внука.

— Мы все должны остаться! — веско сказала Елена Григорьевна Зеленый Кардинал. — Вот так! А тех, кто нарушает порядок, мы накажем.

— Уж непременно, — сказала Незнакомка. — Вот вы! Те, кто желает поиграть в благородство. Сейчас я скажу заветное слово, и у вас исчезнут крылья.

— Эка важность, крылья! А мы на энтузиазме долетим, — усмехнулся Рыжий Петух.

— Как без крыльев?! — встревожилась Марья Романовна.

— Никак, — сказала Незнакомка. — Вы разобьетесь. Уж вас-то точно стол потянет вниз. Или вы собирались совершить подвиг задаром, как пообедать в гостях?

— Но в конце концов, почему я должна заботиться о людях, от которых и благодарности не дожидаться? — задумчиво произнесла Марья Романовна. — Поди и не расскажут нигде, что это я...

— Конечно. Никто и не узнает, — согласилась Незнакомка. — Что им, чесать языки больше не об что? А вы, — обратилась она к Козодою, — вы-то, надеюсь, наш?

— Я как большинство, — не открывая глаз, сказал Козодой.

— Ну и раззява! Крепко тебя жена и теща потоптали! — расхохоталась Кукушка. — Тремя целыми и одной сломанной.

— Поделом, — сказал Козодой. — Я прожил чужое. Я украл жизнь у одного идиота-чиновника с сытой физиономией, выставленной на обозрение под ветровым стеклом «Волги». Моя была другой, — сказал Козодой. — Она снилась мне по ночам, моя собственная жизнь, и она была другая.

И он впервые открыл глаза. И в форточках его глаз все увидели летний переулочек. А там, в переулочке, как будто была суббота, темнело и собирался дождь. И кто-то бежал по переулочку, но даль мешала рассмотреть, кто.

...И беглецу было двадцать лет, но вы можете и не верить — я, например, не верю цифрам с сытыми брюшками нулей. Он бежал от деда и нес могущественный словарь тарабарского языка, он изучал языки чужих пространств и чужих времен. Итак: переулочек — и некто, бегущий из конца в конец его, жаль, мы не знаем, какие там стены из желтого кирпича, какие по стенам развешены окна, о чем гласят вывески... И не видим, что возле стеклянной двери гастронома стоят свежеструганные ящички с темной шпательной вишни. А юный беглец — мне кажется, у него голубые глаза, и они видят то, что не видим мы. И лишь — осязание движения, присутствия ветра, фрагментарность: брусок пожелтевших тарабарских страниц под рукой и царятина на указательном пальце, ящички с вишней, перепрыгивающие через неподвижную тень, уносящая от него афишу стена, надвигающееся окно с красным цветком, запах дождя. Он — часть переулочка и неотделим от него, а позади: а-а, оборванец пожаловал, глотатель варварских наречий! — скачут, задыхаясь и отставая, облупившиеся от старости

слова деду: ерундой занимаетесь, юноша, сказать по буквам? Екатерина, Рузвелт, Уффицы, Надежда Дурова, у вас чудовищная компания, а вот бы... держите словарь, мне ни к чему, я в нем ошибся! Язык деревьев, язык птиц, животных, а? Да не домашних, к дьяволу этих обывателей! А хоть и домашних! Машинерия-алхимия... Вам открылась бы другая истина, другая.

А дождь был уже совсем близко, до дождя оставалось три дома, но последний — длинный, конторский. И в чужом окне, за дом до дождя, он увидел красный цветок в глиняном горшке, и не знал, как назывался цветок, и не знал, кто там жил, а раскрытая створка окна бормотала скрипичный мотив. В ней качались башины, стоявшие в переулке, и надвигавшееся небо, а над темной пропастью в раме надменно пламенел красный цветок, а башины казались крошечными и шаткими. И ему вдруг почудилось, что наоборот, — и тогда он остановился, — замкнутое пространство комнаты, таящееся внутри окна, находится не внутри, а снаружи: это он заключен в замкнутое пространство — переулочка, города, или подня, и окно выходит не сюда, а туда, и та неизвестная глубина, то чужое пространство бездонно и бесконечно...

— Итак, кто собрался назад, отлетай на три крыла в сторону! — скомандовала Незнакомка.

И они отлетели. И это были Кукушка, Ворона, Рыжий Петух, Пересмешник и Венценосный Журавль.

И Марья Романовна отлетела на полтора крыла, но стол тяжело качнулся и отбросил Марью Романовну назад.

— На этом столе лежал мой дед с разорванным сердцем, и папа, и мама. И мне казалось, если утащить его из дома как можно дальше... уж не казалось ли и им, что они его утащили... Одумайтесь, давайте останемся все! — крикнула она. — Мы тоже хотим поступить благородно, но это невозможно!

— Вы с нами? Я так рада! — крикнула ей Нина Петровна Соловей.

— Кому нужны старики? — спросила Райская Мухомовка. — Нечего с нами нянчиться. Без нас на земле просторней!

— А кто предупредит мою первую жену? — спросил Венценосный Журавль. — И внука, и сына, и сослуживцев, монахов и жены. Первой и второй? Материал на первую полосу! Какая сенсация!

— Ваш долг — не нарушать миропорядка! — отрезала Кардинал.

— Или вы никогда не любили? — спросила Ворона, поправляя очки.

— Никого! — гордо сказала Елена Григорьевна Зеленый Кардинал. — Потому что никто не заслужил моей любви. А я не намерена всучать драгоценность кому попало. Я хотела кого-нибудь полюбить, я ждала всю жизнь, но никто, никто... — и она посмотрела на Пересмешника. — А ты был самый последний и самый жалкий, — сказала она. — И я опять не смогла. Потому что ты пьяница и дурак. И врешь без памяти.

— Да, — сказал Пересмешник. — И развоню на земле, что вы любили меня безответной любовью. Уж врать так врать!

— Эй, Кукушка, у вас же нет детей! — жалобно крикнула Марья Романовна Орлан.

— Зато у меня куча любовников, у них есть дети, — сказала Кукушка. — Ах нет, оставьте. Я по-

лечу, потому что я слишком вжилась в роль. А кукушки кукуют, кому сколько жить. И возьму да и накукую всем вечную жизнь. Да! — коварно сказала Кукушка. — Вы только мечтали о подвиге, а мы его совершим.

— Послушайте, — умоляюще крикнула Марья Романовна. — Ну ведь подвиги совершают только тогда, когда надо выбрать, что совершить: преступление или подвиг. У нас же нет такого выбора! И мы имеем полное право не совершать его, потому что нас никто не осудит. Потому что так устроен мир.

— А почему бы его не переустроить? — спросила Кукушка.

— Мир устроен не так, — сказал Рыжий Петух. — Совсем не так, как вы думаете. Жаль, что вы прожили жизнь в ВАШЕМ мире.

— А мой ничуть не хуже! — обиженно крикнула Марья Романовна. — Нисколько не хуже!

— Но он оказался конечен, — заметил Рыжий Петух. — Вы правы. Выбора нет! — с любезной улыбкой заметил Рыжий Петух. — Выбора не бывает, сказал знаменитый философ. Любый выбор плох, сказал знаменитый писатель. Но я могу поступить только так! — и Петух победительно звякнул шпорами. — Да ведь и вы не можете поступить не так, как вы поступаете!

— Спойте на прощанье, — попросила Кукушка Нина Петровна Соловей. — Вы неплохо поете. Накукуйте и нам вечную жизнь.

— Ну нет, у меня изжога с сантиментов, — сказала Птица Сирия. — Им предлагали райскую жизнь, а они захотели расколоть черепа в черепки. И черт с ними, пусть кокают.

— Я буду петь не для вас, — сказала Кукушка. — Для них! И если я разобьюсь, то с песней на устах, дьявол меня дерит! А если песня останется незаконченной — и жизнь останется незаконченной. Значит она и не закончится! А вы... а вам придется жить столько, сколько услышите.

И тогда Птица Сирия произнесла заветное слово, и у них исчезли крылья.

И они понеслись вниз.

А птицы смотрели им вслед, сидя на колышках садовой решетки. И несколько минут они слышали, как поет падающая Кукушка и подтягивают мотивчик Ворона, Пересмешник и Венценосный Журавль с Рыжим Петухом. А Кукушка пела Песню со Словами. И она пела о том, что хоть она и Кукушка, а интуиция подсказывает ей, что они не разобьются, а упадут на раскидистое дерево, настоящее земное дерево, потому что настоящие деревья растут только на земле, не в небе же им расти! И они останутся живы, и предупредят всех, что не надо улетать в День Отлета, потому что с этой увеселительной прогулки не возвращаются. И никто не будет улетать, и на земле наступит вечная жизнь.

И они услышали, как «Эй! — крикнул вниз Рыжий Петух, — мы возвращаемся, купите красных цветов и поставьте их всюду: на столы, на тумбочки, на пол, на подоконник...»

Иду душой озябшею согреться...

Юрий СУХОВ

* * *
 Нам первого опавшего листа
 Совсем не жаль.
 Еще вершина лета.
 И зеленью окрепшею одеты,
 Тенисты неоглядные леса.
 Глядим на первый признак седины,
 Как на каприз изменчивой погоды.
 О чем тужить?
 Какие наши годы!
 Неисчислимы будущие дни.
 Но как-то утром осень принялась
 Сорить вокруг
 Листою пожелтелой.
 Ужели наше время пролетело?
 А что осталось детям после нас?

ДВА ВЕТРА

Полыни клоч, что дым у ног.
 Стою на склоне дня.
 Шальные ветры двух дорог
 Наотмашь бьют меня.
 Один зовет:
 — Спешу за мной!
 Ты не устал шагать?
 Другой свистит:
 — Ступай домой!
 Там ждет старуха-мать.
 Один внушает:
 — Медлишь зря, сомнения уйми.
 Другой:
 — Ты столько растерял.
 Вернись и подними.
 Сошлись два ветра.
 Кто их свел?
 В округе стон и вой.
 Один нетерпелив и зол,
 Безжалостен второй.
 — Ты к цели не дойдешь, кружа
 У брошенных могил!
 — Ты столько в жизни задолжал,
 Пора платить долги!
 И первый рвет,
 И рвет второй, как лодку с якорей:
 — Вперед!
 — Домой!
 — Вперед!!
 — Домой!!!
 — Скорей! — Скорей! — Скорей!

Вон горизонт — рукой подать,
 Но догони пойдя.
 Потери б надо подобрать,
 Да где они? — найди...

Стряслась глубокая беда.
 Еще не кончен путь,
 А ни туда и ни сюда
 Я не могу шагнуть.

* * *
 Смотри, где раньше жили кони,
 Уже ни окон, ни замка.
 Смотри, в селе у нас хоронят
 Последнего фронтовика.
 Сиротский день дождит уныло,
 Идут за гробом, говор глух,
 Родные, что поближе жили,
 Друзья да горсточка старух.

В costume ношеном, неброском
 Лежит покойный сух и строг,
 Исполня в жизни свой отцовский,
 Солдатский и крестьянский долг.

За долгий век, чего не понял,
 Он правдой мерил, как умел,
 И были кони — прежде — кони,
 В ряду его всedневных дел.

Сменялись листопады снегом,
 Заматерел над яром бор,
 Сменялись сани на телеги,
 И всем был нужен конный двор.

Но день иной, духовно скуден,
 Пришел в казенной суете.
 Не те уже в деревне люди
 И речи многие не те.

Как бы в обряд поминовенья —
 За что всю жизнь болел душой! —
 Былые, ветхие владенья
 Он перед смертью обошел.

И так и сяк мирок недужный
 На новый лад примеря в стык,
 Он ощутил свою ненужность,
 Отброшенность и духом сник.

Он прожил тихо, но по чести,
 И дума поздняя горька,
 Что не нашлось пути оркестру
 Сюда, уважить старика.

А между тем, в дожде, в тумане,
 Из бытия сходя на нет,
 Людей смывались очертанья,
 И затекал машинный след.

Свинцовых луж мерцали блики,
 И вслед, не ведая вины,
 Орал дурным, нездешним криком
 Слепой динамик со стены.

Л. Фомину

* * *
 Река туман клубит и плавит,
 А из тумана по утрам
 Торжественно и величаво
 Восходит над округой храм.

На этом островке зеленом
 Луг, пашня и сосновый лес
 Неутоленно, удивленно
 Готовы слушать благовест.

Но окон выбитых глазницы
 Давно безжизненно пусты,
 И обезглавлена звонница,
 И сбиты с маковок кресты,

И трещин острые разводы,
 Как складки скорбные у рта.
 Старухи даже мимоходом
 Не крестятся на ворота.

А храм восходит из тумана
 Печалью тихой над рекой,
 Незаживающею раной
 Всезрящей совести людской,

С которой век не рассчитаться,
 С какой не вносят камень в дом.
 И только ей одной воздастся
 Великим праведным стыдом.

За дел и мыслей раздвоенье,
 За бездуховный мрак пустынь,
 За осмеянье и забвенья
 Извечных истин и святынь.

Она, себя сжигая, будит
 Немые души по утрам:
 Вставайте и смотрите, люди,
 Восходит над округой храм.

* * *
 Как эту осень
 В сердце унести,
 Все охватить и памятью и взглядом:
 Изысканность последнего наряда
 И ветра вздох,
 Как тихое «прости».

Сорвет октябрь
 Оцепененье дрем,
 И ветви обозначатся нагие.
 Настанет срок —
 Нахлынет ностальгия
 В леса и сердце знобким декабрем.

Не растопить тяжелый снег седины.
 Но что грустить...
 Испытанное средство:
 Иду душой озябшею согреться
 У рдеющих рубинами рябин.

NOVEMBER

5'91

Рисунок Николая МООСА

Праздник бессмертия

Рассказ

Тысяча лет прошла с того дня, как гениальный химик Фриде изобрел физиологический иммунитет, впрыскивание которого обновляло ткани организма и поддерживало в людях вечную цветущую молодость. Мечты средневековых алхимиков, философов, поэтов и королей осуществились... Города — как в прежнее время — уже не существовало. Благодаря легкости и общедоступности воздушного сообщения люди не стеснялись расстоянием и расселились по Земле в роскошных виллах, утопающих в зелени и цветах.

Спектротелефон каждой виллы соединял квартиры с театрами, газетными бюро и общественными учреждениями. Каждый у себя дома мог свободно наслаждаться пением артистов, видеть на зеркальном экране сцену, выслушивать речи ораторов, беседовать со знаковыми...

На месте же городов сохранились коммунистические центры, где в громадных многоэтажных зданиях были сосредоточены магазины, школы, музеи и другие общественные учреждения.

Земля превратилась в сплошной фруктовый лес. Специальные лесоводы занимались искусственным разведением дичи в особых парках...

Не было недостатка и в воде. Ее получали при посредстве электричества из соединений кислорода с водородом... Освежающие фонтаны били каскадом в тенистых парках. Серебрящиеся на солнце пруды со всевозможными породами рыб и симметричные каналы украшали Землю.

На полюсах искусственные солнца из радия растопили льды, а по ночам над Землей поднимались электрические луны и разливали мягкий ласкающий свет.

Одна только опасность грозила Земле — перенаселение, так как люди не умирали. И народное законодательное собрание одобрило предложенный правительством закон, по которому каждой женщине в про-

должение своей бесконечной жизни на Земле разрешалось оставлять при себе не более тридцати человек детей. Родившиеся же сверх этого числа должны были по достижении пятисотлетней зрелости переселяться на другие планеты в геометрически закупоренных кораблях. Продолжительность человеческой жизни позволяла совершать очень далекие путешествия. И, помимо Земли, люди проникли на все ближайшие планеты Солнечной системы.

II

Встав утром с роскошной постели из тончайших платиновых проволок и алюминия, Фриде принял холодный душ, проделал обычные гимнастические упражнения, облачился в легкую термоткань, которая давала прохладу летом и согревала зимой, и позавтракал питательными химическими пластинками и экстрактом из переработанной древесины, напоминающим по вкусу бессарабское вино. Все это отняло около часа. Чтобы не терять даром времени, он — совершая туалет — соединил микрофоном уборную комнату с газетным бюро и выслушал новости мира.

Радостное ощущение силы и здоровья переполнило все его тело, крепкое и стройное, как будто состоящее только из костей и мышц.

Фриде вспомнил, что сегодня в двенадцать часов ночи исполняется ровно тысячелетие человеческого бессмертия... Тысяча лет!.. И невольно мысль его стала подводить итоги пережитого...

В соседней комнате — библиотека собственных сочинений Фриде, около четырех тысяч томов книг, написанных им. Здесь же и его дневник, прерванный на восьмьсот пятидесятом году жизни, шестьдесят огромных фолиантов, написанных упрощенным силлабическим способом, напоминающим древнюю стенографию.

Далее — за кабинетом — художественное ателье, рядом — скульптурная мастерская, еще далее — зал в стиле вариэноктюрн, сменившем декадентский, — здесь Фриде писал стихи, — и, наконец, симфонический зал с клавишными и струнными инструментами, на которых играл путем всевозможных механических приспособлений, достигая тем необычайной полноты и мощи звука. Вверху, над домом, была устроена физико-химическая лаборатория.

Гениальность Фриде была разносторонняя и напоминала гениальность одного из его предков по матери — Бэкона, оказавшегося не только великим ученым, но и драматургом, произведения которого долгое время приписывались Шекспиру. В течение тысячелетия Фриде показал успехи почти во всех отраслях науки и искусства.

От химии, где, как ему показалось, он исчерпал все силы и возможности своего ума, Фриде перешел к занятиям скульптурой. В течение восьмидесяти лет он был не менее великим скульптором, давшим миру много прекрасных вещей. От скульптуры он обратился к литературе: за сто лет написал двести драм и до пятнадцати тысяч поэм и сонетов. Потом почувствовал влечение к живописи. Художником он оказался заурядным. Впрочем, техникой искусства он овладел в совершенстве, и, когда справлял пятидесятилетний юбилей, критики в один голос пророчили ему блестящую будущность. В качестве человека, подающего надежды, он проработал еще около пятидесяти лет и занялся музыкой: сочинил несколько опер, имевших некоторый успех. Так в разное время Фриде переходил к астрономии, механике, истории и, наконец, философии. После того он уже не знал, что делать... Все, чем жила современная культура, его блестящий ум впитал, как губка, — и он опять вернулся к химии.

Занимаясь лабораторными опытами, он разрешил последнюю и единственную проблему, над которой долго билось человечество еще со времен Гельмголь-

ца,— вопрос о самопроизвольном зарождении организмов и одухотворении мертвой материи. Более никаких проблем не оставалось.

Работал Фриде по утрам. И из спальной отправился прямо наверх — в лабораторию.

Подогревая на электрическом нагревателе колбы и наскоро пробегая в уме давно известные формулы, которые не было надобности даже записывать, — он переживал странное чувство, все чаще посещавшее его за последнее время.

Опыты не интересовали и не увлекали его. Давно во время занятий он уже не испытывал того радостного энтузиазма, который когда-то согревал душу, вдохновлял и переполнял всего его высшим счастьем. Мысли неохотно двигались по избитым, хорошо знакомым путям, сотни комбинаций приходили и уходили в повторяющихся и наскучивших сочетаниях. С томительным тягостным ощущением пустоты в душе он стоял и думал:

«Физически человек стал — как Бог... Он может господствовать над мирами и пространством. Но неужели человеческая мысль, о которой люди христианской эры говорили, что она беспредельна, — имеет свои границы? Неужели мозг, включающий только определенное количество нейронов, в состоянии произвести также только определенное количество идей, образов и чувств, — не более?..»

Если это так, то...»

И ужас перед будущим охватывал Фриде.

С чувством глубокого облегчения, чего никогда не бывало прежде во время занятий, он вздохнул, услышав знакомую мелодию автоматических часов, возвещающую о конце работы...

III

В два часа Фриде был в общественной столовой, которую посещал ежедневно только потому, что здесь встречался с членами своего многочисленного потомства, большинство которых он даже и не знал.

Он имел около пятидесяти человек детей, две тысячи внуков и несколько десятков тысяч правнуков и праправнуков. Потомством его, рассеянным в разных странах и даже в разных мирах, можно было бы заселить значительный город в древности.

Фриде не питал к внукам и детям никаких родственных чувств, какие были присущи людям прошлого. Потомство было слишком многочисленно для того, чтобы сердце Фриде вместило в себя любовь к каждому из членов его семьи. И он любил всех той отвлеченной благородной любовью, которая напоминала любовь к человечеству вообще.

В столовой ему были оказаны знаки публичного почтения и представлен совсем еще молодой человек, лет двухсот пятидесяти, — его правнук Марго, сделавший большие успехи в астрономии.

Марго только что возвратился из двадцатипятилетней отлучки; он был в экспедиции на планете Марс и теперь с увлечением рассказывал о путешествии. Жители Марса — мегалантропы — быстро восприняли все культурные завоевания Земли. Они хотели бы посетить своих учителей на Земле — но их громадный рост препятствует им осуществить это желание, и теперь они заняты вопросом о постройке больших воздушных кораблей.

Фриде рассеянно слушал рассказ о флоре и фауне Марса, о каналах его, о циклопических постройках марсиан... И все, о чем с таким пылом говорил Марго, нисколько не трогало его. Триста лет тому назад он один из первых совершил полет на Марс и прожил там около семи лет... Потом он совершил еще два-три коротенькие прогулки туда же. Каждый уголок поверхности Марса знаком ему не хуже, чем на Земле.

Чтобы не оскорблять все же правнука невниманием, он спросил:

— Скажите, юный коллега, не встречали ли вы на Марсе моего старого приятеля Левионаха, и как он поживает?

— Как же, встречал, наш уважаемый патриарх, — с живостью ответил Марго. — Левионах занят теперь сооружением грандиозной башни, величиною с Эльбрус.

— Так я и знал, так и знал, — загадочно улыбаясь, проговорил Фриде. — Я предсказывал, что в известном возрасте всех марсиан охватит страсть к большим сооружениям. Однако, юный коллега, до свидания... Мне надо спешить по одному важному делу. Желаю вам успеха.

IV

Маргарита Анч, цветущая женщина лет семисот пятидесяти, последняя жена Фриде, связью с которой он начинал уже тяготиться, была президентшей кружка любителей философии. Еще за несколько верст до ее виллы Фриде фонограммой дал знать о своем приближении.

Фриде и Анч жили отдельно, чтобы не стеснять самостоятельности друг друга.

Анч встретила мужа в алькове тайн и чудес — изумительном павильоне, где все было залито мягким ультрахромолитовым цветом, восьмым в спектре, которого не знали древние люди с их неразвитым чувством зрения — подобно тому, как еще раньше дикари не знали зеленого цвета.

Красивый шелковый туникон, — до колен, чтобы не стеснять движений, — свободно и легко облегал ее стройные формы. Распущенные черные волосы волнистыми прядями упали на спину. И ароматом тонких и нежных духов веяло от нее.

— Очень рада видеть тебя, милый Фриде, — сказала она, целуя мужа в большой и выпуклый, точно изваянный из мрамора лоб. — Ты мне нужен для одного важного дела...

— Я это предчувствовал, когда ты в последний раз говорила со мной по телефоноскопу, — ответил Фриде. — Признаюсь, меня немного удивил тогда твой таинственный вид... Ну, в чем же дело? Почему такая экстренность?

— Я хотела так, мой милый, — с кокетливой улыбкой сказала Анч. — Может быть, это каприз, но... иногда приходят желания, от которых трудно отказаться... Кстати, где мы встречаем сегодня ночью Праздник бессмертия? И сегодня же, если ты помнишь, исполняется ровно восемьдесят три года со времени заключения между нами брачного союза...

«Однако...» — подумал про себя Фриде и с неохотой ответил:

— Не знаю!.. Я еще не думал об этом.

— Но, конечно, мы встречаем его вместе? — с легкой тревогой спросила Анч.

— Ну, разумеется, — ответил Фриде. И от того, что неприятное чувство разливалось внутри его, он поспешил заговорить о другом: — В чем же твое важное дело?

— Сейчас сообщу, мой милый... Я хотела приготовить к новому тысячелетию сюрприз. Идея, с которой ты познакомишься, вот уже несколько десятков лет занимает меня и, наконец, только теперь вылилась в окончателюю форму.

— Гм-м... Что-нибудь из области иррационального прагматизма? — пошутил Фриде.

— О, нет! — с грациозной улыбкой ответила Анч.

— В таком случае, что-нибудь из области политики? — продолжал Фриде. — Вы, женщины, в этом отношении всегда хотите идти впереди мужчин...

Анч засмеялась.

— Ты великолепный угадчик, милый. Да, я приступаю к организации общества для совершения гражданского переворота на Земле, и мне нужна твоя помощь... Ты должен быть союзником в распространении моих идей. Тебе — при твоем влиянии и связях в обществе — это очень легко сделать.

— Все будет зависеть от характера твоих замыслов, — подумав, возразил Фриде. — Наперед я ничего не могу тебе обещать.

Анч слегка нахмурила тонко очерченные брови и продолжила:

— Идея моя заключается в том, чтобы уничтожить последние законодательные цепи, которыми люди еще связывают себя на Земле. Пусть каждый человек в отдельности осуществляет то, что в древности называлось государством, — является автономным... Никто не смеет накладывать на него каких-либо уз. Центральной же власти должна принадлежать только организация хозяйства...

— Но ведь по существу так в действительности и есть? — возразил Фриде. — Скажи, чем и когда стесняется воля граждан?

Анч вспыхнула и горячо заговорила:

— А закон об ограничении деторождения женщин тридцатью членами семьи? Разве это не ограничение? Разве это не дикое насилие над личностью женщины? Правда, вы, мужчины, не чувствуете на себе гнета этого закона.

— Но ведь этот закон вытекает из экономической необходимости?..

— Тогда надо предоставить решение его не случайностям природы, а мудрому вмешательству сознания... Почему я должна отказаться от тридцать пятого сына, сорокового и так далее — и оставить на Земле тридцатого? Ведь мой сороковой сын может оказаться гением, тогда как тридцатый — жалкой посредственностью!.. Пусть на Земле остаются только сильные и выдающиеся, а слабые уходят с нее. Земля должна быть собранием гениев...

Фриде холодно заметил:

— Все это неосуществимые фантазии, которые к тому же не новы — были высказаны полтора столетия тому назад биологом Мадленом... Нельзя ломать порядки, которые являются наиболее мудрыми... Между прочим, должен сказать тебе, что женщины древней эпохи так не рассуждали. У них было то, что называется материнским состраданием: слабых и уродливых детей они любили более, чем сильных и красивых... Нет, я отказываюсь быть твоим союзником... Мало того, в качестве члена правительств, председателя «Совета Ста», я накладываю свое veto на твои действия...

— Но ты — как гений — не должен бояться переворотов!..

— Да... Но как гений я предвижу весь тот ужас, который произойдет на Земле, когда вопрос о раселении будет решаться свободной волей граждан. Начнется такая борьба за обладание Землей, от которой погибнет человечество... — Правда, человечество неминуемо погибнет и по другим причинам, замкнется в безвыходном круге однообразия, — закончил Фриде, как бы рассуждая сам с собою, — но зачем искусственно приближать роковой момент?..

Анч молчала. Она никак не ожидала отказа.

Потом, холодно повернувшись строгим классическим профилем к Фриде, сказала с обидой:

— Делай, как знаешь!.. Вообще я замечаю, что в последнее время как будто чего-то недостает в наших отношениях... Не знаю, может быть, ты тяготишься ими...

— Может быть, — сухо ответил Фриде. — Надо наперед свыкнуться с мыслью, что любовь на Земле не вечна... В течение моей жизни — ты восемнадцатая

женщина, с которой я заключил брачный союз, и девяносто вторая, которую я любил...

— Ну, конечно!.. — сказала Анч, гневно закусив губки, и розовые пятна выступили на нежно-золотистой коже ее лица. — Но вы, мужья, почему-то требуете, чтоб женщина оставалась верна вам до конца, и почему-то только себе присваиваете право изменять ей первыми...

Фриде пожал плечами:

— Право сильнейшего, на котором ты только что строила свою теорию...

Анч от возмущения вся задрожала, но искусно овладела собой и с гордым спокойствием заметила:

— Итак, мы расстанемся... Ну, что же?.. Желаю вам успеха в вашей будущей жизни.

— От души желаю и вам того же! — стараясь не замечать яда ее слов, ответил Фриде.

Единственное чувство, которое он испытывал, было чувство тягостного томления... Тридцать один раз при объяснениях с женщинами пришлось ему слышать эти слова, с одним и тем же выражением в лице, голосе и глазах...

«Как все это старо!.. И как надоело!..» — думал он, усаживаясь в изящный, похожий на игрушку, аэроплан...

V

Вечер Фриде провел на воздушном поплавке, на высоте пяти тысяч метров, в многочисленной компании молодежи, собравшейся по случаю приезда Марго. Сидели за большим круглым вращающимся столом, верхняя крышка которого подкатывалась на воздушных рельсах, принося и унося цветы, фрукты и веселящий возбуждающий напиток, необычайно ароматный и приятный на вкус.

Внизу феерическими ослепительными огнями блестяла Земля. По сети гладко накатанных дорог катились автомобили спортсменов, позволявших себе иногда в виде редкого удовольствия этот старый способ передвижения. Электрические луны, разливая фосфорическое сияние, роняли мягкий голубой свет на сады, виллы, каналы и озера, — и издали в игре полусветов и полутеней Земля казалась затканною прозрачной серебряной сеткой.

Молодежь с восхищением любовалась красотою открывающейся перед нами картины, особенно не видевший Земли двадцать пять лет Марго...

Он повернул механический рычаг. И кресло, на котором он сидел, поднялось на стержне над столом, так что всем собравшимся стало видно говорящего:

— Друзья!.. Предлагаю тост и гимн в честь Вселенной!

— Великолепно!.. — радостно подхватили собравшиеся. — Тост и гимн!

Во время пиршеств часто пели национальные гимны, составленные композиторами, патриархами семей. Поэтому вслед за первым предложением Марго сделал второе:

— Друзья!.. Так как нашему столу оказана честь присутствием здесь нашего уважаемого патриарха Фриде, то предлагаю спеть его гимн «Бессмертный».

И взгляды всех устремились на Фриде. Он сидел, погруженный в свои мысли, и — когда было произнесено его имя — склонил в знак согласия голову.

Под аккомпанемент величественного симфонического стройные мужские и женские голоса запели гимн, написанный в звучных и смелых мажорных тонах.

Благословенна единая душа вселенной,

разлитая и в песчинках, и в звездах,

Благословенно всеведение, потому что она является источником вечной жизни.

Благословенно бессмертие, уподобившее людей богам!..

Торжественным хоралом плыли звуки, казавшиеся молитвенным вздохом самого неба, приблизившего к Земле свои загадочные и глубокие дали...

Только Фриде сидел по-прежнему безучастный ко всему, что делается кругом... Когда гимн был окончен, взгляды всех опять устремились на него. И один из более близких к Фриде внуков, химик Линч, взял на себя смелость спросить:

— Уважаемый патриарх! Что с вами?.. Вы не принимаете участия в пении вашего любимого гимна!

Фриде поднял голову... Сперва у него мелькнула мысль, что не следует омрачать веселье молодежи никакими сомнениями, но сейчас же на смену ей пришла другая: рано или поздно все неизбежно будет переживать то же самое, что и он.

И Фриде сказал:

— Этот гимн — величайшее заблуждение моего ума... Всеведение и бессмертие заслуживают не благословения, а проклятия... Да, будь они прокляты!..

Все удивленно повернулись к патриарху. Он сделал паузу, обвел присутствующих полным глубокой муки взором и продолжал:

— Вечная жизнь есть невыносимая пытка... Все повторяется в мире, таков жестокий закон природы... Целые миры создаются из хаотической материи, загораются, потухают, сталкиваются с другими, образуются в рассеянное состояние и снова создаются. И так без конца... Повторяются мысли, чувства, желания, поступки, и даже самая мысль о том, что все повторяется, приходит в голову, может быть, в тысячный раз... Это ужасно!..

Фриде крепко сжал руками голову. Ему показалось, что он сходит с ума...

Кругом все были ошеломлены его словами.

Через мгновение Фриде заговорил снова, громко и строго, точно вызывая кого на бой:

— Какая великая трагедия человеческого бытия — получить силу Бога и превратиться в автомат, который с точностью часового механизма повторяет самого себя!.. Знать наперед — что делает марсианин Левионах или что скажет любимая женщина!.. Вечно живое тело и вечно мертвый дух, холодный и равнодушный, как потухшее солнце!..

Никто из слушателей не знал, что ответить. Только химик Линч, через некоторое время опомнившись от первого впечатления, произведенного на него речью, обратился к Фриде со словами:

— Уважаемый учитель! Мне кажется, есть выход из этого положения. Что, если возродить частицы мозга, пересоздать самого себя, перевоплотиться!..

— Это не выход, — горько усмехнулся Фриде. — Если такое перевоплощение и возможно, то оно будет значить, что мое настоящее, сейчас существующее «я» со всеми моими мыслями, моими чувствами и желаниями исчезнет бесследно... Будет мыслить и чувствовать кто-то иной, незнакомый мне и чуждый. В древности люди слагали басни, что душа человека после его смерти входит в другое существо, забывая о своей прошлой жизни. Чем же будет отличаться мое обновленное и возрожденное состояние от прежних умирания и перевоплощений во времени, в которые верили дикари? Ничем... И стоило ли человечеству тратить гений на то, чтобы, достигши бессмертия, вернуться в конце концов к старой проблеме смерти?..

Фриде неожиданно оборвал речь, откатился в кресле на перрон площадки и, посылая прощальное приветствие, сказал:

— Простите, друзья, что я вас покидаю... К скорбию своему вижу, что своею речью нарушил веселье вашего стола...

И уже приговаривая к тому, чтобы лететь на Землю, он с аэроплана крикнул:

— Так или иначе, только смерть может положить конец страданиям духа!..

Этот загадочный возглас поразил всех и родил в душах смутные предчувствия какой-то надвигающейся беды... Марго, Линч, а за ними и прочие откатили свои кресла на перрон и долго встревоженными глазами следили, как в ночном просторе качался и плыл, сияя прозрачными голубыми огнями, аэроплан Фриде...

VI

Фриде решил покончить с собой самоубийством, но предстояло затруднение в выборе способа смерти. Современная ему медицина знала средства оживлять трупы и восстанавливать отдельные части человеческого тела. И все древние способы самоубийства — циан-каль, морфий, углерод, синильная кислота — были непригодны...

Можно было разбить себя на миллионы частиц взрывчатым веществом или взлететь на герметическом корабле вверх и обратиться в одного из спутников какой-нибудь планеты... Но Фриде решил прибегнуть к самосожжению и притом в его древней варварской форме, на костре, хотя техника его времени позволяла сжигать радиом в одно мгновение громадные массы вещества.

— Смерть на костре!.. По крайней мере, это будет красиво...

Он написал завещание:

«За тысячу лет существования я пришел к выводу, что вечная жизнь на Земле есть круг повторяемости, особенно невыносимых для гения, самое существо которого ищет новизны. Это одна из антиномий природы. Разрешаю ее самоубийством».

В алькове тайн и чудес он воздвиг костер. Прикрепил себя цепями к чугунному столбу, около которого сложил горючие вещества.

Окинул умственным взглядом то, что оставляет на Земле.

Ни одного желания и ни одной привязанности! Страшное одиночество, о котором понятия не имели в древности, преследует его... Тогда — в прежнее время — были одиноки потому, что среди окружающих не находили ответа на искания духа. Теперь же одиночество — потому, что дух ничего более не ищет, не может искать, омертвел...

Без сожалений Фриде покидал Землю.

В последний раз вспомнил миф о Прометее и подумал:

«Божественный Прометей добыл когда-то огонь и привел людей к бессмертию. Пусть же этот огонь даст бессмертным людям то, что предназначено им мудрой природой: умирание и обновление духа в вечно существующей материи».

Ровно в полночь выстрелы сигнальных ракет возвестили о наступлении второй тысячелетней эры человеческого бессмертия. Фриде нажал электрическую кнопку, запалил зажигательный шнур, и костер вспыхнул.

Страшная боль, о которой он сохранил смутные воспоминания из детства, исказила его лицо. Он судорожно рванулся, чтобы освободиться, и нечеловеческий вопль раздался в алькове...

Но железные цепи держали крепко... А огненные языки извивались вокруг тела и шипели:

— Все повторяется!..

Белый шарик Матроса

ВИЛЬСОНА

Повесть

Владислав
КРАПИВИН

Рисунки
Евгении Стерлиговой

Третья встреча

1

Мама схватила Стасика за локоть, привела в дом. — С ума сошел! Хочешь опять в больницу?

Она еще что-то говорила, ругала Стасика, но не сердито, а жалобно. Он почти не слушал. Вытирал о рубашку мокрые ладони. Потом потерянно сел на свою твердую кушетку, съезжился. Билось в голове: «Белый шарик... Белый шарик...»

Значит, Шарик помнит его! Ищет...

Конечно, Стасик тоже помнил о Шарике. Все время помнил — от прыжка из вагона до нынешнего вечера. Но память эта держалась позади постоянных тревог и забот. Сперва были хлопоты с новорожденной Катюшкой, потом постоянные скандалы с запившим отчимом, а дальше — еще страшнее... Когда пере-

Продолжение. Начало в № 6

ехали и жизнь сделалась спокойнее, Шарик стал вспоминаться сильнее. Но Стасик боязливо отодвигал мысли о нем. Во-первых, скребла виноватость: не нашел он тогда Шарика в траве у насыпи — значит, бросил его. Во-вторых, каждый раз оживал страх: ведь как ни крути, а после встречи с Шариком оба раза случались несчастья... А кроме того, если здраво подумать, ясно, что никакого Шарика нет (потому что не может такого быть на свете!), а есть его собственная, Стаськина, выдумка, этакий сон наяву. Но так ведь можно и вовсе умом сдвинуться. Недаром, если Стасик слишком задумывался, мама говорила: «Очнись. Ты прямо совсем какой-то не от мира сего...» Что это такое, каждому ясно: малость чокнутый...

Всю осень Стасик неосознанно опасался брать в руки круглые предметы. А вот сейчас забылся, слепил снежок — и сразу...

— Опять ты погрузился в размышления, — сказала мама. — Не третьеклассник, а Сократ какой-то... Дай сухие пеленки.

Стасик даже не спросил, кто такой Сократ. Машинально подавал пеленки, а сам думал, что надо подождать до завтра. Если не случится никаких неприятностей, значит, Шарик в его несчастьях не виноват. И тогда Стасик слепит новый снежок... или нет, снежный шарик опять растает, надо найти какой-нибудь прочный. Ладно, Стасик найдет. И тогда... неужели опять? «Ты — Стасик?» — «Ты — Шарик?»

— Ложись спать, — велела мама. — А то проспишь и опоздаешь на уроки, было уже такое...

Стасик не опоздал. Но на первом же уроке Эмма Сергеевна вкатила ему двойку за то, что выучил не то стихотворение.

Ну, если бы вовсе не выучил, а то ведь просто перепутал! Они оба про счастливую Родину и товарища Сталина, который заботится о советских детях.

— Надо слушать, когда диктуют задания, а не хлопать ушами, — сказала Эмма Сергеевна. Вообще-то она была нормальная учительница, кричала не часто и лишь изредка хлопала линейкой по стриженным затылкам, да и то самых гвалтливых. А сегодня просто непонятно, что на нее нашло: — Совсем головы дырявые стали! Бестолочи...

Стаськины слезинки упали на крышку старой изрезанной парты. С досадой на сплошную несправедливость он выговорил:

— Там же все одинаковое. Счастливое детство... Сплошное счастье...

— Ты по-рас-суж-дай! — Эмма Сергеевна так шарахнула указкой по столу, что с белесой доски посыпалась меловая пыль. — Сатирик нашелся, Михаил Зощенко! Знаешь, что бывает с такими?

Стасик сжался. Мама сколько раз учила: «Не болтай лишнего. Дети ляпают языком, а родители расплачиваются».

До звонка он просидел съезжившись, да и на других уроках не оставляло его предчувствие близких бед. И он не удивился и почти не испугался, когда по дороге домой встретил Чичу, Хрына и еще одного — из тех, кто гонялся за ним в сентябре.

— Ви-ильсон! Матросик! Какая встреча!

— Да, Вильсон. А тебе завидно, — сумрачно сказал Стасик, чтобы скорее побили и отпустили. — Вильсон, это ведь не Чича... Бледная Чичка в ж... затычка.

Все кончилось довольно быстро. Несколько раз его нули, сунули носом в жухлую траву — она темнела в оттаявшем из-за оттепели газоне. Сдернули валенки, напихали в них талого снега, этими же валенками надавали Вильсону по башке и по спине, перебросили их через дорогу. Ответили еще подзатыльник и ушли, голоса наспех приспособленному к слуху частушку, в которой было лишь два приличных слова: «Вильсон» и «ни фига».

Стасик варежкой вытер лицо, перешел раскисшую улицу, вытряхнул из валенок снег, натянул их на промокшие ноги и с сумрачным удовольствием подумал, что мамы слова о больнице, наверно, сбудутся. И зашагал навстречу новым несчастьям.

Мама, узнав про двойку, сказала, что хотела дать Стасику трешку на кино, а теперь он пускай сидит дома, раз такой бестолковый.

— Ну и ладно. Ты все равно не дала бы. Если бы не двойка, придралась бы к чему-нибудь другому... Всегда так...

— Ты как с матерью разговариваешь! У тебя совесть есть?

— Нету, — сказал Стасик с ощущением, что катится в пропасть. — Откуда она у меня, если ни у кого нет... Все только кричат, ругают, жить не дают. Вот уйду, куда глаза глядят...

Он знал, что куда не уйдет от мамы и Катьки, но сейчас было до того тошно... Мама почему-то не предложила тут же шагнуть на все четыре стороны. Постояла рядом.

— Садись обедать, несчастье ты мое... А потом, уж ладно, иди в кино. Только сперва дров принеси, я для стирки воду нагрею...

В маленьком деревянном кинотеатре «Победа» шел старый фильм «Золотой ключик». Он вполне мог сгладить и скрасить жизнь. В этой кинокартине такие замечательные приключения и такая хорошая песня:

Далёко-далёко за морем
Стоит золотая стена,
В стене той волшебная дверца,
За дверцей большая страна...

Вместо намоченных валенок Стасик надел мамы сапоги и с трешкой в кулаке потопал в «Победу». Но в кассе билетов на ближайший сеанс не оказалось. Какой-то мальчишка, постарше Стасика (и симпатичный такой, улыбчивый), весело предложил:

— Мальчик, надо билетик? У меня лишний.

Стасик обрадовался, отдал три рубля. Но когда сунулся в двери к контролерше, та заорала на него: билет оказался вчерашний.

Вот тебе и «волшебная дверца».

Два часа бродил Стасик по улицам, чтобы не вернуться домой раньше срока и не объяснять про свое ротовейство. Уже начинало темнеть. Сырой ветер съедал остатки рыхлого снега. Ну что за зима! Сплошные слезы... И жизнь такая же...

Дело, конечно, не в погоде, а в людях. В тех, кто управляет Стаське жизнь... Впрочем, на Эмму Сергеевну он не очень обижался: на то и учительница, чтобы двойки ставить. На мальчишку, продавшего негодный билет, особой злости тоже не было. Жаль только, что такой хороший с виду, а скотина. Но, в конце концов, его дело понятное: он свою выгоду искал. А вот Чиче-то и приятелям его что надо? Что за смысл травить Вильсона? Откуда вот эта радость: поймать виноватого и поиздеваться властью?

Нет, пока живут на свете всякие чичи, никакого счастливого детства не будет, сколько про него стихов ни учи. Конечно, товарищ Сталин у себя в Кремле о советских детях помнит и заботится. Но ведь каждого не разглядишь, хоть на самую высокую кремлевскую башню заберись. И про Бледного Чичу он, конечно, не знает, какой тот подлюга... Ну, а если бы даже и знал, то что? Побежал бы заступаться за Стасика? Держи карман! Если уж он, такой мудрый и великий, за взрослых-то заступиться не может, за тех, которые ни за что в лагеря сидят... Мама Стасику шепотом объяснила, что от Сталина эти несправедливости просто скрывают, а сам он за всем уследить не в состоянии: так много дел и мало времени. Ну, вот именно: мало времени. Стал бы он разве тратить

его на какого-то третьеклассника? Сказал бы небось: разбирайтесь сами.

А как с Чичей разберешься? Иногда Стасик начинал придумывать для него самые ужасные казни, но тут же бросал. Потому что казнь — это ведь мучительство беззащитного. Какая от этого радость, противно только. И получается, что сам еще хуже Чичи. А вот если бы отомстить по-настоящему!

Но для этого надо набраться сил и как следует надавать Чиче в боевой славной драке! Только Стасику никогда не справиться с ним даже один на один. А Чича к тому же без приятелей не ходит... Был бы у Вильсона друг — тогда другое дело. С настоящим, навеки надежным другом ничего не страшно. Как в песне из книжки «Сердца трех»:

Подходи, кому охота!
Гей, нам жизнь недорога!
Мы спина к спине у грота
Отобьемся от врага!

Грот — это средняя мачта на корабле. Из-за нее лезут, надвигаются пиратские рожки. Но Матрос Вильсон и его Друг прижались покрепке спина к спине и чертят воздух абордажными клинками. Подходи, кому охота! Р-раз — один враг покотился по палубе. Р-раз — и еще двое...

! Хорошо мечтать, шагая по хлипкому дощатому тротуару. Доски — как расшатанная палуба. Но потом все равно возвращаешься с палубы на слякотную улицу. И друга нет. А Чича завтра, возможно, встретится снова...

Дома опять не горело электричество. Пламя в керосиновой лампе мигало и прыгало, потому что сырой ветер сотрясал ставни и стекла. Стасик готовил домашние задания, а думал все о том же: о своей жизни, о Чиче, о Белом шарике. О том, как хорошо было бы найти друга (такого, как Левушка на портрете у Полины Платоновны). И о том, что никогда он, конечно, никого не найдет и что завтрашний день будет серый и унылый.

Потом Стасик пошел на кухню. Там уже все собралось, даже мама пришла с Катюшкой на руках. Ругали погоду, Андрей Игнатьевич решил всех успокоить:

— Да ладно вам про климат причитать, бабы. Войну пережили, а уж слякоть нашу... Все одно скоро Новый год...

— Молчи ты, — цыкнула на него тетя Глаша. — До Нового года ишшо дожить надо. Ишшо реформа денежна будет, не знам, как обернется. А у тебя Новый год на уме, потому что лишня рюмка перепадет.

«Одно и то же...» — думал Стасик. Он сидел у печки на охапке дров. Не интересно теперь было ни пламя в печи, ни экранчики керосинок. А ветер измывал душу...

— А и правда скоро Новый год! — неизвестно чему обрадовалась Зяма. — Я сейчас!..

— Куда, оглашенная! — крикнула на нее мать. Но Зяма убежала и скоро вернулась с картонной коробкой.

— Буду игрушки перебирать. Через три недели елка... — И приглашающе посмотрела на Стасика.

Но Стасик не пошел смотреть елочные игрушки Зямы. Три недели до Нового года — это еще вечность. А если праздник и каникулы наконец придут, потом что? Снова бесконечная зима, за ней слякотная холодная весна и лишь в мае, почти через полгода, появятся листья... Стасик содрогнулся от тоски: как давно он не видел лета!

Прошлое лето было погибшим — сперва лагерь с Чичей, потом больница, а за ней дождливый с непролазной грязью август. В начале сентября только и

выдалось два теплых денька, да и то все испортил случай с поездом и потерянным Шариком...

Мама, которая весь вечер с беспокойством поглядывала на Стасика, сказала просительно:

— Может быть, и ты игрушки принесешь? Вместе с Зямой посмотрите.

— Не хочется.

Так он и сидел, скорчившись, на твердых поленьях. Но остальные жильцы дома вдруг заинтересовались новогодними украшениями. Видно, все соскучились по празднику. Даже Полина Платоновна сказала, что на этот раз тоже поставит у себя елочку.

— А то, как Левушка в училище уехал, ни разу не ставила... У меня ведь тоже игрушки есть, некоторые совсем старинные, сейчас таких не делают.

Она — маленькая, кривобоко-сутулая — принесла из своей комнаты ящик с бисерными картинками на стенках — тот, что всегда стоял на комоде. Видимо, был этот ларец совсем не тяжелый. Поставила на пол. Все подошли, подсели ближе. У Стасика шевельнулось любопытство. Но не настолько, чтобы вставать с поленьев. Он подвинулся и замер опять.

Однако через минуту мама оглянулась и позвала:

— Стасик, тут такие чудеса... Посмотри, какой мальчик.

Какой там еще мальчик? Не могут оставить человека в покое... Но все же он подошел. Мама отдала Катюшку Зяминой бабушке и держала за петельку елочный шарик. Белый, будто из фарфора. На шарике нарисован был рыжий веселый мальчик в синей матроске, он бежал и палкой гнал перед собой обруч... Но не в мальчике дело! Главное — сам белый шарик! Страшно или не страшно, к беде или к радости — не имело теперь значения. Это была судьба. Не уйти, не отвернуть. И, шагая навстречу судьбе, Стасик протянул к шару ладони:

— Я подержу, можно?

— Возьми, возьми, Стасенька, — почему-то обрадовалась Полина Платоновна. Стасик взял. Шарик был легонький, как яичная скорлупа. И случилось то, что должно было случиться.

— Стасик! Это ты?

— А кто же еще? — мысленно отозвался он. — Сам знаешь, что я... — Отошел и опять сел на поленья. Шарик держал перед собой.

— Стасик... — Слова, как горячий шепот, щекотали кожу рук и в то же время звенели в голове. — Ты почему так долго не отвечал? Куда подевался?

— Я не подевался... Ты сам тогда потерялся в траве.

— Надо было взять любой шарик.

— Не до того мне было... Тут такое... всякое...

— Да знаю я... — Шарик отозвался вполне человеческим вздохом. — Я ведь давно за тобой наблюдал. Только поговорить не мог. Все ждал, что какой-нибудь шарик возьмешь, без него я не умею. А ты никак...

— А я боялся, — сказал Стасик напрямик. И даже с вызовом.

— Чего боялся?

— Тебя... Ты всегда появляешься перед какой-нибудь бедой.

— Ну и чушь ты молотишь! — возмутился Белый шарик совершенно по-мальчишески. А Стасик неуверенно огрызнулся:

— Ага, «чушь!» То Чича, то больница, то поезд...

— Балда. Я, что ли, Чичу на тебя насылал? Или я заставлял тебя микробов глотать? Или, может, я тебя в вагон заталкивал?

— Я в вагон залез, потому что тебя спасал... И чуть не уехал неизвестно куда! Хорошо, что поезд остановился...

— Дурак! А кто, по-твоему, остановил поезд?

— Ты?!

— А может, ты сам? Или дяденька машинист?.. Я такой запас энергии на это высадил! Чуть пуп не сорвал, выражаясь по-человечески...

Да уж, выражался он по-человечески, дальше некуда. Все страхи Стасика улетучились. Он спросил с растущим ощущением счастья:

— Ты в любой шарик можешь вселиться, если я его возьму?

— Только в тот, который тебе нравится. Тогда импульс идет, и я... вот...

— Но ведь... тот снежок, вчера, он мне вовсе не нравился.

— Нравился. Ты просто сам не заметил. Ты его так ласково гладил и примерялся, как вляпаешься в спину тому... шпиону...

Стасик рассмеялся — громко, как во время игры на летнем дворе. Все оглянулись на него, а Зяма захихикала:

— Стась, ты чего? — И шагнула, оглобля, к нему! Зацепилась за табурет, полетела на пол, а головой — трах Стасика в колени. Он дернулся, сжал пальцы, чтобы не выронить шарик. А тот — хрусть, и посыпалась белая скорлупа.

Стасик закричал, будто на него кипяток вылили. Треснул Зяму по тощей спине двумя кулаками, расковырял об осколки ладони, убежал к себе. И долго рыдал, укрывшись с головой полушубком. Дергал ногами, когда мама сперва ругала его за скверное поведение, а потом ругать перестала и успокаивала, говорила, что Полина Платоновна покажет ему все свои игрушки и подарит любой шарик на выбор.

Стасик продолжал плакать в косматой душной темноте. Потому что какой бы шарик ни подарили, все равно он разобьется или потеряется, или отберут его, или случится еще что-нибудь злое и подлое. Потому что вся жизнь такая. Куда ни пойдешь — везде только и стараются отобрать последнюю радость. Везде чичи и трахоты. Даже Банный лог превратился в раскисшую улицу, где голые деревья и серые развалюхи...

Стасик дернулся, сжал кулаки, с ненавистью всадил их в подушку... Что-то затвердело в левом кулаке. Как орешек. Потом орешек вырос, растолкал стиснутые пальцы, и они... они обняли, ощутили гладкий шарик.

— Стасик...

Он сбросил полушубок, сел. В руке у него был белый целлулоидный мячик для пинг-понга. Обыкновенный, склеенный из двух половинок, с красным треугольничком-клеймом. Он знакомо теплел, щекотал словами:

— Стасик, не плачь. Теперь я никуда не денусь, всегда с тобой буду... потому что вот я, сам себя сделал...

Катюшка спала, мама за дверью о чем-то тихо гозорила с Полиной Платоновной. Стасик заплакал опять, уже без горечи, облегченно.

— Не плачь, — снова попросил Белый шарик. — Что тебе сделать, чтобы не плакал? А? Скажи...

— А что ты можешь? — улыбнулся сквозь слезы Стасик.

— Я пока не знаю... Но, наверно, что-то могу. Поезд вот остановил же...

«Ох, верно!» — вспомнил Стасик. И даже слегка испугался. Но тут же улыбнулся грустно и снисходительно:

— Нет, все равно то, что я хочу, не сможешь.

— А что хочешь?

Стасик сказал без надежды, без насмешки. Просто грустно поделился с Белым шариком:

— Вот если бы сейчас было лето...

...Стасик сидел в кресле перед широким зеркалом, по шее закутанный в простыню. Над головой чир-

кали блестящие, с солнечными искрами ножницы. Стасик видел в пятнистом зеркале себя, веселую молодую парикмахершу Маню, а за спиной у Мани открытое окно, в котором качал клейкими, молодыми еще листьями тополь.

Май

Простыня была куца, Стаськины коленки торчали из-под нее, как два дерзких кукиша. Волосы разлетались из-под ножниц, сыпались мимо полотняного края и щекотали незагорелую кожу, будто паучьи лапки. Стасик шевелил ногами и хихикал.

— Не дергайся, уши отрежу.

— Ну и отрежь! На кой они мне!

Маня была хорошая. Знакомая. Она жила в том же переулке, где Стасик, и не раз приходила в гости, на кухонные вечерние «посиделки» и чтобы обсудить с Зяминой матерью выкройку. И Стасик ничуть не расстроился, когда Эмма Сергеевна погнала его из школы в парикмахерскую, сказав:

— Ты что, собираешься на утреннике выступать таким заросшим чучелом? У нас будет инспектор горно! Марш стричься немедленно! А то я быстренько твою хилую тройку по арифметике переправлю на то, что заслужил, и будешь все лето ходить на занятия.

Ничего бы она, конечно, не переправила. Просто нервничала, потому что ее третий «Б» к выпускному утреннику готовил спектакль-монтаж «Кем быть?» Стасик должен был изображать моряка: «Я б в матросы пошел! Пусть меня научат!»

— У тебя космы из-под бескозырки торчат, как у беспризорника. Вот тебе три рубля и марш!

Стасик деньги не взял, гордо сказал: «Спасибо, обойдусь». Потому что Маня и в долг подстрижет.

...Маня отложила ножницы, взяла машинку. Зубчики защекотали затылок. Стасик в зеркале превращался в примерного лопухого третьеклассника. Впрочем, уже четвероклассник! Отметки за год выставлены, после утренника выдадут табель.

— Ну, всё. Смотри, какой красивый! — Маня сдержала простынку, обмахнула Стасика прохладной салфеткой, под локти высадила из кресла, повернула к старинному трюмо. Зеркало это, высотой под потолок, в раме с завитками, было украшением крошечной парикмахерской. Маня говорила: «От купца Чупрунова еще, венецианское стекло».

Стасик увидел себя в венецианском стекле — от новеньких желтых сандалий до остриженной макушки. И остался доволен. Галстук глаженный, из блестящего сатина (в пионеры приняли к Дню Победы). Белая рубашечка, тоже глаженная, новая. И легонькие летние штаны с широкой резинкой в поясе надеты первый раз, мама сшила их из остатков коверкотового отреза, который пошел ей на костюм. Этот материал она купила себе после уговоров соседок: «Хватит тебе, Галина, только над ребятишками трястись, надо и про себя думать, а то, глядишь, и жизнь пройдет. Пользуйтесь счастьем, раз уж повезло с облигацией...» И Стасик сказал: «Покупай, не раздумывай. Ты должна быть красивая и важная, как директор школы, на тебя в библиотеке люди смотрят». И мама купила темно-синий коверкот и заказала костюм. И правда, стала еще красивее. И на штаны Стасику осталось, даже с накладными карманами. «Только руки в карманы не суй, некрасиво»...

Из парикмахерских запахов одеколona и пудры Стасик выпрыгнул на улицу. В солнечный воздух, в запах свежих тополиных листьев. Ох и тепло! Будто уже полное лето! Стасик засунул кулаки в карманы,

зашагал широко и независимо и от радостных чувств засвистел неумело, но громко:

Артиллеристы, Сталин дал приказ...

Молоденький милиционер у входа в магазин «Когиз» сказал (видимо, от нечего делать):

— Чего свистишь? А еще пионер! Хулиганство...

— А я не хулиганскую песню свистю, а про Сталина, — бесстрашно и с капелькой злорадства заявил Стасик. Потому что попробуй теперь, прицепись к нему. — Нельзя, что ли?

Милиционер отвернулся, а Стасик зашагал дальше. И стал твердить про себя свою роль: «Я б в матросы пошел! Пусть меня научат...»

Утренник прошел как надо, зрители участникам спектакля старательно похлопали. Потом всем раздали табеля и отпустили по домам. И Стасик опять зашагал по майской улице. Свистел песню про «Варяга» и махал табелем с тройками по арифметике и физкультуре, четверками по русскому, по пению и прилежанию, пятерками по чтению, рисованию и поведению. Странное у него было ощущение — легкости и праздничного полусна: будто каникулы, теплый май, вся эта радость свалилась на голову неожиданно-негаданно. Будто не было зимы и весны, а только сказал он Шарик: «Вот если бы сейчас было лето» — и сразу...

Нет, конечно, были и зимние месяцы, и весенние, но они почти не запомнились, урывки какие-то. Может, и правда все это Белый шарик устроил? Надо сейчас прийти, взять его из горшка с геранью и весело потребовать: «Ну-ка, признавайся!»

Хотя нет, шарик сейчас уже не в горшке с цветком, а под подушкой. Герань мама отдала Полине Платоновне: кто-то сказал, что цветочный запах вредит Катюшке, ей трудно дышать...

А почему трудно?

Первый холодный лучик тревоги скользнул в Стаськино счастье. Стасик остановился, рукой с табелем потер лоб. Уже без прежнего удовольствия глянул на свое отражение в витрине. Это было широкое стекло с белыми буквами: АПТЕКА...

Мама же говорила утром: «Не задерживайся в школе, надо будет в аптеку сходить».

За лекарством для Катюшки! Еще одним лекарством... От прежних не было прока — целыми сутками кашель вперемежку со слезами. Уже целый месяц...

Как быстро тускнеет радость... Стасик бросился к дому бегом. А что, если прибежит сейчас, а там у же...

Мама в апреле вернулась из поликлиники с Катюшкой на руках вся какая-то придавленная, с серым лицом, как осенью, в дни похорон. И не выдержала, сказала Стасику:

— Говорят, что нет смысла в больницу брать. Врач так и объяснила: «Что поделаешь, хорошо, если до мая дотянет...»

— Да врет она! — перепуганно крикнул Стасик. — Не слушай ты, поправится Катя! Я тебе точно говорю!

Мама приободрилась:

— Конечно, поправится...

Но Стасик видел, что не очень-то она верит. И сам, глядя на нее, почти не верил... Но, с другой стороны, невозможно было поверить и в страшное.

Нельзя же так! За что ее, Катюшку-то? Она же крошечная! И славная такая, родная! Тянется к Стасику, когда увидит, улыбается, пузырьки пускает ртом. Сидеть научилась, даже подниматься пробовала, пока не заболела. Неужели же...

И что будет с мамой! У нее и так вон сколько седых волос...

Мама стояла во дворе у крыльца. Увидев Стасика, улыбнулась чуть-чуть:

— Ну, отмаялся в третьем классе, школьный дружок!

Стасик неловко протянул ей табель. Мама глянула, сунула табель в карман фартука, а фартук сняла, отдала Стасику.

— Я в аптеку сама схожу. Катя спит, ты посиди с ней. Если закашляет, приподними головку. Ну, ты знаешь. Да и бабушка Лиза скоро придет... А я — быстро...

Стасик видел, что маме страшно оставлять Катюшку, но хочется и оторваться хоть на несколько минут от горьких забот. Пройтись по теплу и солнцу, вздохнуть. Измучилась...

— Иди, не бойся,— сказал он.

Мама ушла. Стасик остался на крыльце, у которого уже буйно разрослись лопухи и горели солнышки одуванчиков. Ох как не хотелось в комнату, в запах лекарств, пелены и кислого ребеночьего пота, в запах болезни и страха. Но ведь Катюшка может проснуться в любой миг.

Когда-то он злился на ее надоедливый ночной рев, шептал даже: «Заткнулась бы ты, дура горластая». А сейчас отдал бы себя на любое растерзание — только бы она выздоровела!

Стасик вошел...

Дальше было опять похоже на сон.

У Катюшкиной кровати топтался мальчишка. Темноволосый, кудлатый, в пыльной белой майке, мятых зеленых трусиках, босой. С веселыми черными глазами. Откуда он тут?.. Но это удивление было не главным — Главное — Катюшка! Она стояла. Розовощекая, без всякого кашля и слез, держалась она за перильца кровати и смотрела на Стасика, пускала пузыри. Потом старательно, как на зарядке, присела несколько раз.

— Э, да она сырость напустила,— деловито сказал мальчишка.

— Она... почему так... не болеет? — выдохнул Стасик.

— Потому что поправилась.

— Когда?

— Только что...

— А ты... кто?

— Я-то? — кудлатый пацаненок удивился, но не по-настоящему, а с дурашливым весельем. — Не узнал, что ли? Яшка я!

Стасик мигал.

— Ну, Яшка я! Ты же сам хотел, чтобы я превратился!

Что было зимой

1

В какой-то книжке про корабли Стасик прочитал, что в старину придумали прибор для измерения скорости судна. Дощечка-поплавок, тонкий тросик с узелками и катушка. Называется все это «лаг». Дощечку бросают в воду, судно плывет, катушка вертит, узелки на тросе проскакивают сквозь кулак матроса. Сколько узлов проскочит за полминуты, столько, значит, миль корабль проходит в час...

И вот теперь Стаськина память рванулась и начала разматываться, как тросик лага при фантастической скорости. Каждый узелок — толчок воспоминания. Ведь было же, было столько всего этой зимой и весной сорок восьмого года!

...Прежде всего была радость, что Белый шарик — вот он и нигде больше не денется. Он сам это твердо пообещал. Теперь они всегда были вместе. Днем Стасик держал шарик в кармане, а ночью под подушкой. Всегда можно было разговоривать — даже на

уроке, если не надо ничего решать или писать. А уж ночью тем более! Руку под подушку, одеяло на голову — и нет уже комнаты с прикрученным огоньком керосиновой лампы, со скрипучей кроватью, в которой мама укачивает хнычущую Катюшку...

— Белый шарик!

— Вильсон!

Они договорились, что Стасик будет Вильсоном. Назло Бледному Чиче и всем врагам. Потому что крикнешь: «Вильсон!» — и эхо летит звонко, далеко, будто под звездным небом над океаном.

Они разговаривали про все на свете. Стасик рассказывал и печальное, и хорошее. Про свою жизнь, про кино «Золотой ключик» и «Мы из Кронштадта», про книжку «Ночь перед Рождеством» (теперь было не страшно). Про школу, про войну — то, что он о ней знал, про сказочность улицы Банный лог, про обрывы и станцию «Рька» на берегу... Шарик о многом знал больше Стасика, но знание это было для него как-то... ну, будто написанное черными буквами на белом листе. А когда говорил Стасик, получалось, как цветное кино. — Шарик сам признался в этом другу Вильсону.

Иногда Стасик просил:

— А сейчас рассказывай ты.

— Про что?

— Ну, про Кристалл. И вообще... как там у вас.

Белый шарик добросовестно пытался объяснить, «как там у нас». Узнал Стасик о больших шарах-наставниках, о Всеобщей Сети, об импульсах, которые надо излучать и принимать. Об идее Всеобщего Резонанса, при котором наступит во всем Великом Кристалле полная радость и постоянное счастье.

— Если постоянное, это ведь может надоест, — осторожно заметил Стасик.

— Ох, не знаю... Все равно до этого еще очень далеко. Даже бесконечно далеко. Всеобщая Сеть — она ведь хрупкая. Строишь, строишь, а черные покрывала рвут ее то там, то тут. И самому надо глядеть, чтобы под такое покрывало не угодить...

— А что за покрывало? Какое оно? — Стасика щекотал под одеялом жутковатый озноб.

— Да, в общем-то, ничего особенного... — В ответе Шарика скользнуло небрежное хвастовство. — Большие шары всё пугали: «Черное покрывало, черное покрывало! Не будешь слушаться, оно тебя...» А что оно такое, объяснить не могли. И сами дрожали, будто это нечистая сила какая-то... Ну, мне надоело, я начал собирать рассеянные импульсы информации, начал шарить по граням. По нашей и по соседней...

— Ты можешь понятнее-то рассказывать?

— Ага, ладно... В общем, я узнал. Есть в Кристалле черные шары. Про них мало кто знает, потому что они мертвые, ничего не излучают, а только все притягивают к себе, сильно-сильно. Создают вокруг себя гравитационное суперполе...

— Что?

— Ну, силу притяжения такую, страшно громадную... Иногда ее накапливается столько, что уже просто некуда деваться. И вот при каком-нибудь сотрясении граны это поле отрывается от черного шара и начинает жить само по себе. Плавает внутри Кристалла... Но оно не привыкло к такой жизни, хочет, чтобы внутри него был какой-нибудь шар. И вот, если кто окажется на пути, оно его хватит — и окутало! И тогда этот шар превращается в черный, в мертвый...

Стасику стало неуютно. Ожил страх замкнутого помещения. Но Белый шарик сказал с новой порцией ребячьего самодовольства:

— Ни фигя, я теперь знаю, как с ними расправляться. Недавно такой лоскут начал подъезжать к нашей пирамиде. Желтые близнецы причитают, как перепуганные тетушки. Красный шар говорит: «Все, друзья, кому-то из нас крышка. Отвлекайте его от малыша».

От меня то есть... А я разозлился, собрал энергию аж из самого нутра да как шарихну по этому покрывалу рассекающим импульсом! Раз-два! Крест-накрест! Оно и расплозлось на четыре части. И каждая часть вдруг начала таять, съезживаться... Ну, я тогда и понял! Если покрывало делается слишком маленьким, в нем не хватает внутреннего напряжения и оно распадается...

— Это было, когда ты два дня не отзывался?

— Ага... Потому что на рассекающие импульсы столько энергии уходит, что потом... Ну, как воздушный шарик, из которого воздух выпустили... Если я опять не буду отзываться, ты не беспокойся. Значит, просто силы восстанавливаю.

— А откуда ты их берешь?

— Силы-то? Из пространства. Только это долго...

— Но ведь оно пустое...

— Пространство? Кто тебе сказал!

И Белый шарик начал объяснять Вильсону, что такое разные пространства-границы, как они соединяются и пересекаются внутри Кристалла и сколько в них разных энергетических полей и всякого другого... Он это не раз объяснял. И лучше всего получалось по вечерам, на кухне, когда Стасик смотрел на светящееся окошечко керосинки. Шарик теплел в руке, оранжевый прямоугольник приближался, делался, как экран в кинотеатре, желто-красные полотна и объемы переплетались в нем, выстраивались в сложные лестницы и пирамиды. Их прошивали нити разноцветных импульсов. А шепоток Белого шарика щекотал взмокнувшую от волнения Стаскину ладонь. И в эти минуты все хитрости многомерных пространств становились понятными Стасику... Потом, когда он отрывался от экрана, почти все забывалось. Но Стасик не огорчался. Главное, что Белый шарик есть на свете и почти всегда рядом. Такой вот маленький неунывающий сказочный друг.

И все-таки порой Стасика беспокоило царапало желание разгадки. Кто же он, Белый шарик? Что это за страна такая — Великий Кристалл? Где она? Шарик вроде бы и не скрывал ничего, но ответы были непонятные:

— Великий Кристалл? Ну, как объяснить-то? Везде он, все мы в Кристалле. Только границы разные... Я бы с формулами тебе легко мог растолковать, но вы же в школе еще не проходили такую математику...

И все-таки он хитрил, обходил что-то главное, этот Белый шарик. Недаром так смутился, когда все отключилось.

Это случилось неожиданно, во время одной такой беседы на кухне. Как всегда, придвинулось, выросло перед глазами слюдяное окошечко керосинки. И вдруг среди оранжевых плоскостей и спирально закрученных желтых лент мелькнула темно-синяя щель, вросла в пространство, пересыпанное ключичими искрами и светящимися горошинами, опоясанное лентой серебристой пыли. Только на миг! Слово сознание Белого шарика неосторожно приоткрыло дверь в комнату, где пряталась разгадка.

— Стой! — мысленно крикнул Стасик. — Подожди... Значит... Выходит, Великий Кристалл — это все Мировое пространство?

Белый шарик аж завертелся в ладони. Но ответил ворчливо, как про самое обыкновенное:

— Я же тебе тыщу раз это объяснял.

— Ты не так объяснял. — Значит, Шарик — это... Стасика тряхнуло дрожью, обдало дыханием громадной межзвездной пустоты. — Значит, ты... звезда?

Белый шарик пульсировал и будто наливался горячим соком в стиснутом Стаскином кулаке. Молчал с полминуты. Потом ответил с капризно-скандальной ноткой:

— Ну и что? Ну, звезда... Что такого? Нельзя, что ли? — За этой ершистостью он явно старался спрятать неловкость и даже какой-то страх.

— Как... наше Солнце? — растворяясь в обморочном восторге, прошептал Стасик.

— И вовсе не «как». Солнце — желтый шарик, а я белый. И оно у вас уже взрослое, а я...

— А ты... ты с ним пробовал разговаривать?

— Ну зачем? — В ответе Шарика зазвенела досада. — Зачем оно мне? У меня и в своей грани много знакомых шаров... Я понимаю, этот Желтый шарик — хороший, раз оно твое солнце. Но мне-то нужен не он, а ты! У меня с тобой резонанс...

— Но ты же... такой громадный, а я... как пылинки перед тобой...

— Вот этого я и боялся, таких вот разговоров... Ты станешь теперь измерять, сравнивать... и не захочешь дружить...

— Нет... я все равно хочу, — неуверенно отозвался Стасик.

— Ты пойми! — В Шарике чуть ли не слезинки зазвенели. — Я вовсе даже не большой... Посмотри на небо — разве звезды громадные, когда ты на них глядишь? И я, когда с тобой...

— Ну чего ты расстроился-то... — неловко сказал Стасик.

— Потому что ты не понимаешь! Разве дело в массе и в размерах? Главное, что мы... похожие...

У Стасика неожиданно сильно защекало в горле.

— «Один и один — не один...» Да?

— Ага... — Белый шарик шмыгнул носом, если такое выражение применимо к звезде.

— Послушай... А тебя можно увидеть на нашем небе?

— Не... Я же из другой грани Кристалла.

— Ну ладно, — сказал Стасик. — Все равно это здорово...

Несколько дней Стасик ходил с горделивой радостью от того, что он дружит со звездой. Но и... сомнение скребло. Вдруг Белый шарик все это выдумал? Не нарочно, а поверил, как и Стасик, в свою сказку. А на самом деле он просто маленький волшебный шарик... Да, но ведь поезд-то он остановил по правде! Под силу ли такое небольшому шарикуну, даже волшебному?

Как бы то ни было, а скоро Стасик притерпелся к пониманию, что Шарик — звезда. Если это и правда, то звезда он там, далеко, у себя. А настоящий Шарик был вот он — всегда под рукой. Маленький, верный и откровенный друг.

А Белому шарикуну, судя по всему, того и было надо...

2

Конечно, время бежало не только в беседах с Шариком. Были уроки в школе, домашние задания, двойки по арифметике, за которые попадало от мамы. Удивительно, что Шарик всякие мировые сложности понимал, а помочь решить задачку за третий класс не мог, путался... Часто хворала Катюшка, с ней тоже хватало забот. Но было и хорошее.

Новый год все жильцы дома встречали вместе: на просторной кухне сдвинули столы. А елочки у всех были свои — у Стасика, у Полины Платоновны, у Зямы. Полина Платоновна дала Стасику немного старинных свечек, и они целый час горели, потрескивая, на хвойных лапах, а Катюшка глазела и улыбалась, будто что-то понимала...

Банный лог опять сделался сказочно-зимним, и Стасик с Зямой снова катались там на санях. В конце улицы висел зеленоватый месяц, светились в окнах огоньки, а неподалеку, на башне маленькой церкви весело тренькали рождественские колокола.

Андрей Игнатьевич сделал Стасику подарок. Отскрал под навесом среди рухляди ржавые коньки-снегурки, начистил их.

— На, катайся, как я когда-то.

Стасик прикручивал снегурки к валенкам веревками с палочками и учился кататься по обледенелому тротуару. А когда пришла сноровка, стал отпрашиваться у мамы на каток в недалекий сквер, который назывался «Сад имени Ворошилова». Там было весело, горели развешанные на проволоках лампочки, играла радиоло. И все было прекрасно, пока Стасику не повстречались Бледный Чича, Хрын и еще двое, Стасик их не знал. Тут уж все пошло, как по-заведенному. Вильсона — головой в сугроб, валенки — долой с ног, коньки с них содрали. «Только пикини кому, Матросик, ноги повидаегаем!»

— Чичка-затычка, — бессильно сказал им вслед Стасик. Натянул валенки и пошел домой. И не заплакал.

Он даже не очень разозлился сейчас. Злиться на Чичу и его гадов-приятелей было бессмысленно. Они для Стасика были уже как бы не люди, а какое-то неизбежное природное зло. Это все равно, что на плохую погоду обижаться, на слякоть, на мокрый ветер. Если попал под дождь, какой смысл его ругать? Все равно вымокнешь, если без зонтика.

А где взять зонтик от Чичи?

Маме Стасик сказал, что коньки отобрали незнакомые мальчишки. Мама, кажется, была даже довольна в глубине души: не будет сын бегать по вечерам на каток, где всякие опасности и хулиганы.

Шарика Стасик с собой на улицу никогда не брал: он хоть и волшебный, неисчезающий, но осторожность не мешает. И в тот вечер Шарик ворчливо сказал: — Если бы я был с тобой, Чича добром бы ноги не унес.

— А что бы ты сделал?

Шарик молчал.

— Ты что? Распылил бы его на атомы? — испуганно догадался Стасик. — Как тогда в лагере обещал?

— Я... не знаю. Ты хотел бы?

— Нет! Не хотел!

Совсем недавно Стасик думал о том, что Чича с дружками — не люди, а так, тупая злая сила. Но тут сразу спохватился с головой же он, Чича-то, с руками, с ногами. Человек все-таки.

— Нет, не надо... Ну, он подлый, конечно. Только... У него же мать есть, я ее видел, она в лагерь приезжала. Нормальная тетенька... Знаешь, как рыдать по этому дураку будет!

Шарик все молчал. Кажется, виновато.

— И вообще... — Стасик замылся. Как разъяснить попроще Белому шарик? У них, у звезд, может, совсем другие понятия. — Если мы это сделаем, тогда... значит, мы убийцы — ты и я. А это же самое страшное. Мы с мамой как-то разговаривали, она сказала, что ничего нет страшнее убийства. Потому что оно — непоправимое... Это только фашисты убивают и не мучаются. А мы что, из-за какого-то Чичи должны делаться как фашисты?

Шарик сказал неожиданно:

— Мама у тебя хорошая... У шариков мам не бывает.

— А откуда шарик берется? — Стасик был рад сменить разговор.

— Не знаю. Вспыхивают, вот и все...

— Прямо из пустоты?

— Наверно, да... Я Чичу и не хотел распылять, просто так спросил. А что с ним делать-то?

— По морде бы ему надавать, — мечтательно отозвался Стасик. — Ты не мог бы дать мне такую силу? Ну, влить энергию... У тебя ее вон сколько. Черное покрывало порвало, поезд остановил...

— Так это я сам. А другому как силу передашь?.. Да, наверно, тут и не в сила дело.

— А в чем? — обиделся Стасик. — Думаешь, мне смелости не хватает? А что в ней толку, если их всегда вон сколько! И все такие дылды!

Шарик задумчиво спросил:

— Может, мне самому попробовать наkostenять ему?.. А вдруг не рассчитаю, это ведь не поезд. Трахну посильнее толкающим импульсом, а от него рожки да ножки...

— Нет уж! — опять испугался Стасик. — Лучше не пробуй. Он рассыплется, потом не соберешь... Ты лучше вот что. Раз ты можешь всякое такое... раз для себя шарик сделал пластмассовый... Может, ты мне новые коньки сделаешь?

— Да это запросто! Если хочешь, можно с ботинками...

— Правда? Из ничего сделаешь?

— Нет, надо из чего-нибудь. Например, из поле-на. Главное, чтобы масса была примерно одинаковая. Тогда я перестрою вещество по заданному образцу...

— У меня ботинки тридцать третий размер. Но лучше делай тридцать четвертый, чтобы на теплые коньки... Ох, нет...

— Что?

— Мама сразу же спросит: откуда коньки?

— Ну и скажешь.

— Так она и поверит!

— Ну, давай прямо у нее на глазах сделаю!

— И знаешь, что тут начнется!

— Не знаю... Но начнется. Взрослые всегда боятся непонятного. Хоть и мама, а все равно...

Кажется, Шарик слегка надулся (не в прямом, а в переносном смысле):

— Тебе не угодить.

— Не во мне дело... Слушай! А ты можешь сделать несколько червонцев? Ой, не червонцев, их сейчас отменили, а новых... Или даже сотню! Только чтобы настоящие... Так, чтобы на коньки хватило и еще на еду осталось до зарплат! А?

— А мама спросит: откуда деньги?

— А пусть она сама их на улице найдет! В кошельке!

...Они обсудили, какой должен быть кошелек. Потертый, с кнопкой, называется «портмоне». А в нем несколько всевозможных двадцатипятирублевых, одна сотенная бумажка и кое-какая мелочь. Чтобы все было правдоподобно.

— Может, побольше сотенных? — щедро предложил Шарик.

— Хватит на первый раз. Чего жадничать!.. А как ты кошелек маме подсунешь?

— Знаю как. Ты в это дело не вмешивайся.

...Следующим вечером мама рассказывала на кухне:

— Вы представляете, иду из библиотеки, а на снегу рядом с тротуаром что-то чернеет. Смотрю — кошелек. Открыла, а там триста тридцать четыре рубля с мелочью...

— Везет хорошим людям, — заметил Андрей Игнатьевич и опасливо посмотрел на жену.

— Счастливая ты, Галина, — сказала Зямина мать. — Вот и новую юбку себе справишь...

— Да ты что! Думаешь, я себе взяла?

— А что? Кому-то подарила, ненормальная?

— Ну, человек-то, который потерял, он чем виноват? Ищет, наверно, переживает... Отнесла в милицию, протокол составили.

— Ты, Галя, или святая, или дура, — печально сказала Зямина мать. И закричала на Зяму: — А ты тут не торчи, нечего слушать, про что взрослые говорят!..

Стасик сунул пальцы в карман — Шарик там грелся и вертелся.

- Вот она, моя мама. Вся как есть. Понял?
 — Ничего,— сердито отозвался Шарик.— Перехватим.
 — Маму?
 — У вас ведь есть облигации?
 — Ой... Это чтобы выигрывать по займу? Пачка!
 — Ночью пошарю по номерам.

Андрей Игнатьевич звонко кричал на кухне (он на радостях пропустил рюмочку):

— Я же говорил: хорошим людям завсегда счастье! Ты хоть что делай! Это надо же, пять тыщ! Ты, Галина, молодец!

— Да в чем же я молодец-то? — счастливо смущалась мама.— Просто повезло раз в жизни. Принесла газету, стала номера проверять и глазам не верю: и номер, и серия сходятся... Ой, товарищи, я теперь все долги отдам, Стаське новое пальто куплю и еще на полгода нормальной жизни хватит...

При маминной тогдашней зарплате, в восемьсот пятьдесят рублей, пять тысяч — это просто богатство...

— И коньки с ботинками,— осторожно напомнил Стасик.

- Чтобы опять отобрали!
 — С ботинками не отберут.
 — Зато поколотят...

«А и правда»,— грустно подумал Стасик.

— Ну, тогда лыжи. С горок в Банном логе кататься. Там ребята нормальные, никто не пристаёт.

Когда легли спать, Стасик велел Шарiku:

— Рассказывай, как это у тебя получилось.

— Делов-то... Недавно розыгрыш был. В городе Киеве. На сцене такие штуки крутятся, вроде стеклянных бочек, а маленькие ребята из них пенальчики достают. Ну, как губная помада у мамы. У твоей... А в них бумажки с номерами. Ну вот, один мальчик и вытаснул...

— Слушай... а это честно?

— Нечестно деньги из воздуха делать,— слегка огрызнулся Шарик.— А тут все по правде. Надо было только постараться, чтобы мальчик нужный номер вытащил...

— А как ты постарался? Ты что... — Стасика вдруг обожгла радостная догадка.— Сам превратился в этого мальчика?!

— Вот еще! Просто прочитал все номера и подсунил ему под руку тот, который надо. Лучом-толкачом...

Стасик не отозвался на веселую рифму. Вздохнул огорченно:

— А я думал, ты превратился...

— С чего ты взял?

— Я не взял... Просто подумал: вот хорошо бы...

Матрица

1

Здесь надо сделать оговорку, отступление... Было ли то, что описано в предыдущей главе? С точки зрения земного жителя вопрос нелепый. Но Белый шарик был обитателем звездного мира, где свойства и законы совмещенных пространств иногда сплетаются в клубки неразрешимых загадок... Там проблема «было — не было» вовсе не кажется такой бессмысленной.

Взять, например, явление отраженных граней! Луч временно́го вектора, ударяясь о соседнее многомерное пространство, как о плоскость, уходит от него рикошетом, будто от зеркала. Причем бывает, что реальный источник этого луча быстро гаснет, а отражен-

ный в соседней грани начинает жить по своим законам, формируя вокруг себя собственное пространство и собственные события. Поди разберись: на самом деле они — или только отражаются?..

Стасик-то, конечно, о таких сложностях не подозревал. А Белый шарик задумывался. Ведь, в конце концов, это именно он лихо двинул Вильсона по вектору Времени вперед почти на полгода. За один миг! От той секунды, когда услышал Стаськины слова (просто крик души!): «Вот если бы сейчас было лето» — до майского дня, когда Вильсон оказался в парикмахерском кресле.

Двинуть-то двинул, но сколько энергии это стоило! (И опять большие шары бранили его за легкомыслие). А основная сложность в том, что на темпоральном векторе с декабря по май возник, естественно, временной вакуум. Природа же, как известно, ни в чем не терпит пустоты. И свободный объем времени, словно бутылка с выкачанным воздухом, начал стремительно всасывать в себя поток событий.

Неясным осталось одно: случились эти события на самом деле или они — только продукт отраженного вектора? Если они были, то почему и Стасику и Яшке многое воспоминалось потом скомканно и урывками. Почему, например, Белого шарика не беспокоило, что с марта все сильнее кашляла сестренка Вильсона? Нет, он помнил это и даже несколько раз делал из хлебных крошек и горошин очень нужные для Катюшки лекарства, которых не оказывалось в аптеке. Но тревоги Шарик не ощущал. Может, потому, что все чаще был занят своими звездными делами? Или дело в том, что все это было не по правде?

Но как же не по правде? Вон в углу у двери стоят Стаськины лыжи, купленные в январе. Вон на Вильсона штаны, сшитые из обрезков костюма, который мама заказала на неожиданно свалившиеся деньги. И галстук пионерский. Значит, весной в самом деле приняли Стаську в пионеры (он все боялся, что не примут из-за двойки по арифметике)...

А главное — вот он, рядом с Вильсоном, Яшка. Не было бы Яшки, если бы не случилось тогда, зимой, разговора: «А я думал, ты превратился...» — «С чего ты взял?» — «Я не взял... Просто подумал: вот хорошо бы...»

Нет, нельзя сказать, что такая Стаськина мысль была неожиданной для Белого шарика. Смутное и даже какое-то стыдливое это желание появилось, когда Шарик подглядывал Стаськины сны. А может, и не только подглядывал, может, и подсказывал иногда. По крайней мере, Стасик этих снов утром не помнил, а Шарик они впечатывались в память навсегда.

Стасик то пробирался среди сплетенных ползучим кустарником скал, то бежал по песку вдоль очень широкой и очень синей реки за уплывающим пароходом, то искал кого-то на узких улицах незнакомого города... И в конце концов находил! Другого мальчишку. Веселого, бесстрашного, с ясным лицом — похожего на того, который был в комнате Полины Платоновны на портрете. И тогда начинался самый хороший сон. Стасик и этот мальчишка запускали с крыши самодельный самолет, ловили в лесной траве светящихся кузнечиков, летали, обнявшись, на доске качелей, подвешенной не к веревкам, а к солнечным лучам. И дрались иногда с бледными чичами.

Чич было много. Они нападали толпой. Но как нападали, так и откатывались, прижимая к синякам и ранам немытые лапы. Потому что Вильсон и его друг сражались самозабвенно... Чаще всего бой шел на скалистой площадке, у тесного входа в пещеру. Там, в этом гроте, было спрятано какое-то сокровище. Какое — не знали ни Стасик с другом, ни их враги. Но

в темной глубине пещеры горело желтым светом окно с плавно закругленным верхом и переплетом в виде буквы Т. И нельзя было подпустить пиратов к этому теплому и доброму окну. Звенели сабли, кортики и ятаганы, синий пистолетный дым ключьями застревал среди горячих камней, бледные враги с воем катились вниз, теряя разные треуголки и башмаки. И к двум пацанам в синих матросках и красных галстуках с блестящими пряжками подступиться не могли. Потому что те стояли спиной к спине и так сверкали клинками, что ветер летел, будто от пропеллеров...

Шарик смотрел на это со стороны. Со смесью радости, зависти и ревности. Потому что не он отбивался от врагов спина к спине с Вильсоном. А так хотелось быть на месте того мальчишки!

Да, чтобы дружить с мальчиком по-настоящему, надо стать мальчиком самому. Конечно, можно сказать, что в душе Белый шарик и так был мальчишка. Но это утешение годилось лишь до поры, до времени. Душа душой, а хочется, чтобы в жизнях друзей побольше было одинакового. Чтобы зимой вместе на лыжных горках, а летом на реке; чтобы вдвоем бегать в кино «Победа» на «Золушку», «Чапаева» и трофейных «Мушкетеров». Чтобы знать эту жизнь, как Стаска — на вкус, на запах, на ощупь. И чтобы — спина к спине, когда встретится компания Чичи. «Держись, Матрос Вильсон! Они не пройдут!..»

И чем дальше, тем сильнее хотелось этого. Но Шарик боялся признаться Стасику в таком желании. Во-первых, почему-то очень стеснялся. Во-вторых, было страшно, что мальчишка из него, из Шарика, не получится.

Нет, само физическое превращение в мальчика не казалось Шариком трудным. Хитрости живых клеток ему были известны, и создать в своем сознании матрицу мальчишечьего организма ничего не стоило. Этакий штамп, чтобы потом — шлеп — и готов пацан с головой и ушами, с руками и ногами, лет десяти с виду. Но что внутри этой ушастой головы? Как быть с характером и прочими неуловимыми нейро-энергетическими полями, которые называются словом «душа»? Для души матрицу не слепишь. И если сейчас — тяп-ляп и готов мальчишка, то это будет наверняка второй Стасик. Второй Матрос Вильсон. Потому что ничьей другой мальчишечьей души Белый шарик не знал. А зачем Стасику двойник? Он и от себя-то не в восторге, а тут, пожалуйста — еще один такой же!..

Конечно, хорошо бы влиться в мальчишечье тело уже со своей собственной душой и характером. Но вот тут-то и начинался главный страх: есть ли у него, у Белого шарика, эти человеческие свойства? Одно дело жить в пластмассовом шарике и откликаться резонансом на Стаськины мысли и чувства. Другое... Вот получится ли это «другое»?

...Впрочем, скоро он сообразил, что какой-никакой характер у него есть. Потому что не может портиться то, чего нет, а Большой Белый шар прямо заявил Шарик:

— Голубчик мой, я вынужден сказать, что порой твой характер делается невыносимым. Ты то и дело споришь со старшими.

— Дитя растет, скоро переходный возраст, — хмыкнул Красный шар.

— За такие «переходные» фокусы раньше быстренько попадали под черное покрывало, — прокричал Темно-красный шарик. Он, видимо, по старости лет забыл недавние события. Шарик только хмыкнул.

— Нет-нет, мы очень благодарны тебе за то, что ты так храбро раздался с покрывалом, — затопились, просто закудахали Желтые близнецы. — Но за-

знаваться — это очень-очень не хорошо. Это крайне повредит тебе в момент Возрастания...

— Еще больше повредит то, что он так безрассудно тратит энергию, — напомнил Большой Белый шар — Чтобы покрывало разодрать — это безрассудно, да? Это вы сейчас так говорите, а тогда...

— Ну, хорошо, хорошо... Но нельзя же теперь жить за счет одного подвига. Надо думать о постоянных обязательствах и о будущем. А ты тратишь энергию на посторонние дела, на игрушки.

— Моя энергия, хочу и трачу, — буркнул Шарик. Впрочем, негромко, про себя.

А про постоянные обязанности он не забывал. Не надо думать, что он проводил со Стасиком дни и ночи, беседовал да сны смотрел. Когда необходимо, он занимался своими звездными делами. Его серия двойных веерных импульсов дала в Сети такой резонанс, что о «Белом малыше» заговорили по всей округе.

Были, правда, и просчеты, а один факт совсем скандальный. Шарик засмотрелся Стаськиным сном про полет на зеленом аэроплане и постыдно прозевал отраженный импульс переменной частоты аж из самого дальнего запределья. А перехватить его и направить по касательной к большой дуге Сети мог только он, Белый шарик: он один в этой области пространства имел нужный отражательный индекс. И прошляпил!

Тут уж он услышал про себя много чего. И не только от шаров-воспитателей, а от всех ближних и дальних соседей. И ответить нечего... И понял Шарик, что чувствовал друг Вильсон, когда забыл закрыть печную вышку, умчался с лыжами на горки Банного лога и выстудил комнату. «Растяпа безмозглая, только улица у него на уме! Катя и так кашляет, а ты в доме Северный полюс устроил! Вот запру лыжи в чулан!..» И ясно было, почему Стасик не огрызнулся и не обиделся, а только потер место, по которому попало скрученным фартуком. Чего уж тут...

2

Однажды Шарик спросил:

— Вильсон, ты опять не помнишь, что видел во сне?

— Ой, помню! — обрадовался Стасик. — Здорово было! Мы... с каким-то мальчишкой, с хорошим таким, пиратов лупили! Они лезут снизу по скалам, а мы — ж-жах! ж-жах!.. Какую-то пещеру защищали. Только я не понял, при чем тут пещера? Зачем она?

— Наверное, это грот в скалах, — осторожно разъяснил Шарик. — У тебя же песня любимая: «Мы спина к спине у грота отобьемся от врага»...

— Не-е! — Стасик даже сморщился. — Ты что говоришь! В песне грот — это мачта!

— Какая мачта? — Шарик расстроился. Зря, значит, делал этому сну подсказку.

— Обыкновенная! Самая большая на корабле. С реями, с вантами, наверху клотик.

— Что? К...лотик?

— Ну да! Не знаешь разве? Такой шарик плоский... — Стасик засмеялся. — Вот будешь подолгу под подушкой лежать, тоже сплужишься, как клотик...

— К...лотик... А лотик? Это что такое? Есть такое слово?

— Не знаю... Может, маленький лот? Такая штука, чтобы глубину измерять с корабля.

— Нет... это что-то другое, — незнакомо, даже как-то отчужденно отозвался Шарик. Он и сам не понимал, что с ним. Непонятное, полужаночное мелькнуло в памяти яркой щелью. Слово приоткрывшийся на миг вход в иное пространство. Не в свое, звездное, не в Стаськино, а в какое-то третье...

— Ты чего испугался? — забеспокоился Стасик.

— Я нет... я... ага, испугался! Ты вот что... Не толкай меня под подушку каждую ночь, а то и правда сплущусь. Положи меня в горшок с геранью! Да не бойся, никуда я не денусь!

— Ну, пожалуйста... А, может, лучше я тебе специальный домик сделаю? Из картона, разноцветный...

— Нет! В горшок с цветком!

— Ну, как хочешь,— растерянно и обиженно сказала Стасик. И уложил целлулоидный мячик в черные земляные крошки под герань, у горшечной кромки.

...Сразу не стало Стаськиной комнаты. Окна сделались высокими, со сводчатым верхом и частыми переплетами. Вместо рыжего фанерного шкафа — большие, под потолок, часы. Лиловый кот сидел на тумбочке и терся щекой об угол граммофона. Из граммофонной трубы торчала крокодиля зубастая голова.

И мальчик, стоявший посреди комнаты, был не Стасик. Лохматый, большеголовый... И появившаяся перед ним женщина совсем не походила на маму Вильсона. Очень прямая, в длинном черном платье с блестящими, с высокой седой прической, в пенсне. Сердито сверкали стекляшки.

— Фаас ту вертраахт!..

«Ты что же это натворил! — понял Белый шарик. — А ну, подойди сюда, негодник...»

...Мальчишка поправил на плече широкую лямку, заправил мятую рубашку в старые, с обтрепанными у колен кромками штаны и сказал снисходительно:

— Подумаешь... Вы даже и шлепнуть-то как следует не умеете...

— Я не знала, что у тебя в штанах столько пыли. В следующий раз заматаю себе рот полотенцем, чтобы не чихать. И возьму линейку из пальмового дерева.

— Вы же давно сломали ее о лысину директора гимназии! Сами рассказывали.

— У меня есть другая, покрепче... — Женщина отвернулась, будто опять собиралась чихнуть, но мальчик мигом учуял, что она старается не засмеяться. И засмеялся сам:

— Мадам Валентина! Вы вовсе и не сердитесь!

Она сказала с притворной печалью:

— Лотик, ты чудовище! Как я могу не сердиться, если ты чуть не загубил самый главный мой эксперимент! Ведь это еще маленький робкий росток. Над ним даже дышать надо осторожно, а ты мажешь клеем и лепишь на него какую-то гадость!

— Какую гадость?! Я окошко сделал. Вы же сами говорили, что Вселенная — это дом для всего человечества!

— Действительно, говорила. Но...

— А кристаллик — модель Вселенной! Значит, тоже дом, только маленький. А какой же дом, если без окошка?

— Гм... Но если бы ты все испортил?

— Я же осторожненько...

Оба они — Лотик и мадам Валентина — смотрели теперь на цветочный горшок, в котором лежал Шарик. Тогда Шарик бросил импульс-анализатор в часы, отразил его от стекла на циферблате и направил обратно — чтобы увидеть себя.

Но его, Белого шарика, в горшке с геранью не было. За терракотовой, кромкой торчал из влажной земли синевато-прозрачный кристаллик размером с огрызок толстого карандаша. И на одной из граней его горело сделанное из желтой фольги окошко. Будто на елочном домике...

Жутковатое чувство пустоты, падения, замирания испытал Шарик. Потому что было непостижимо: вроде бы есть он на свете и в то же время его нет...

... — Ты почему не отвечаешь? — обиженно тербил его Стасик. — Опять, что ли, импульсы ловишь в своем Кристалле?

— Подожди. Я вспоминаю...

«Лотик... Лотик... Лотик...» Ребята постарше звали его Головастиком...

Жутковатая пустота рассеялась. Выросли на ее месте башни города с тесными улицами, статуями рыцарей и звонкими трамвайчиками, бегущими по откосам городского холма... Картина за картиной, случай за случаем... Будто он, Шарик, сидит с Вильсоном в кинотеатре «Победа» и считывает импульсом с экрана полузнакомый фильм.

— Вильсон! Ты когда-нибудь слышал о городе Реттерхальме?

— Не-а... Где это?

Если бы знать, где. И в какое время. И вообще — откуда все это? Может, просто сон?

Разве шарики могут, как люди, видеть сны?

И, кроме того, обычный сон — это ведь скомканное отражение того, что было.

А что же все-таки было?

Чтобы не обидеть Вильсона и чтобы разобраться самому, Шарик попробовал рассказать то, что вспоминалось. Насколько мог связно и по порядку:

— Слушай... Неизвестно где и давным-давно был старинный город Реттерхальм. Это означает «рыцарский шлем». Там жила ученая женщина Валентина фан Зеехафен. Она изучала всякие науки... И вот она догадалась, что Вселенная — это громадный кристалл. И чтобы лучше изучить его свойства, стала выращивать в цветочном горшке модель Кристалла...

— Разве так бывает?

— Значит, бывает... А у нее жил мальчик, сирота. Раньше его воспитывали три тетушки, но он удрал от них.

— Сильно обижали?

— Да нет, не очень. Но Лотик разозлился на них. Они сдуру подписали вместе с другими жителями города один глупый приговор, чтобы выгнать из города мальчика Гальку...

— Кого? Это же девчоночье имя!

— Полное имя — Галиен Тукк... Его обвинили там за что-то совсем не справедливо. Не помню за что... А он был другом Лотика... А потом этот Галька пробрался на вражеский броненосец, который шел по реке, чтобы обстрелять город...

— Разве тогда были броненосцы?

— Были. Старинные, с трубой, как у самовара, с большущей пушкой. Назывались — мониторы... Галька не дал бомбе упасть на город...

— Как не дал?

— Задержал в полете своим энергополем, он умел... А то бы она разнесла чуть не весь Реттерхальм...

— Как атомная?

— Может быть... Но он не дал. Всех моряков с монитора взяли в плен, а Гальке поставили в Реттерхальме памятник.

— Значит, простили его!

— Еще бы!.. Но он жителей не простил. И ушел из города вместе с капитаном монитора, когда того освободили.

— С врагом?

— Оказалось, что он не враг... В общем, я сам не все понимаю. Путается многое... Помню только, что Лотик потом отправился искать Гальку. Взял с собой его сестренку и ушел...

— И отыскал?

— Не знаю...

— Ну, тогда не интересно... — Стасик не любил

плохие и неясные концы в историях, книжках и кино.—
А почему ты вспомнил про это?

— Само вспомнилось...

Эти воспоминания тянули за собой другие: обрывки разных событий, видения городов, которых не было в Стаськином пространстве... Но Лотик вспоминался чаще всего. Он поливал особым раствором вырастающий в цветочном горшке кристаллик, а тот следил за лохматым Головастиком с любовью и ревнивым интересом. А Шарик в своих воспоминаниях следил за ними обоими. И порой вживался в их дела настолько, что забывал о своей собственной природе. О том, что он — Белый шарик. Ему казалось, что он маленький кристалл, поселившийся под геранью, а потому сознание перемещалось, и он становился Лотиком. Человеческим ребенком из города Реттерхальма.

...— Дорогой мой, безрассудство, конечно, протитательно детскому возрасту, но в известной доле. А ты переходишь допустимые пределы. Я всегда был снисходителен к твоим склонностям, ибо и сам в детстве позволял себе лишнее. Однако сейчас должен заявить: оглянись, голубчик, и скажи себе «стоп»... Мужчина с румяным лицом и закрученными усами смотрел усмешливо и строго. Сидел он, откинувшись в кресле и закинув ногу за ногу. Его круглый животик распирал красно-розовую атласную ткань полосатого жилета. Это был, безусловно, Красный шар.

Мальчик перевел взгляд с полосатого живота на побитые носки своих башмаков.

— Ну, чего я опять такого сделаю-то?

— И ты еще спрашиваешь...— Лысовато-седой, тоже полный дядька в светлом костюме в круглых очках покатал головой. Он стоял у окна и смотрел на улицу, а не на мальчишку. Потому что смотреть на отпетого нарушителя порядка и приличий было, видимо, неприятно.

— Он еще спрашивает! — разом сказали две худые тетки в апельсиновых платьях. Они сидели рядышком — одинаковые, с прямыми спинами и высокими желтыми прическами. — Да за такие дела тебя следует засадить под замок на целую неделю!

— Фиг, — сумрачно сказал мальчик Шарик. — Я уйду.

Сморщенный старичок в бордовом халате со скрипом повозился в кресле-качалке, окутал себя дымом из трубки и прокряхтел, что «пора драть». И Шарик опять сказал «фиг».

Красный шар заколыхался в смехе:

— Ну-с, это любопытно. Куда же ты удерешь на сей раз?

— Все туда же! Да-да, понятно! — закудахтали Желтые тетушки-близнецы. — Опять к этому хулигану Вильсону!

— Почему это он хулиган? Вы его не знаете... — И знать не хотим!

— Дело не в том, хулиган он или пайнык, — вздохнул Большой Белый шар. — Я понимаю, если бы ты подружился с каким-нибудь шариком, пускай даже в самой отдаленной грани... А этот, как его... Ста-сик... он же пылинка, живущая на поверхности... даже не настоящего шара, а детеныша одного пожилого Желтого шарика. Мы все выяснили! Он обитатель какого-то неопостижимо крошечного антимира. А ты на про-

никновение в этот микромир тратишь чудовищную энергию!

— Вам-то что... — буркнул Шарик.

— Не смей грубить! — взвизгнули тетушки.

— Не надо волноваться, сударыни. — Большой Белый шар повернулся к мальчику всем своим грузным корпусом. Снял очки и замахал ими, отмеряя слова: — Дело не в нас, а в тебе, сударь мой. Ты расходуешь запасы энергии не-ра-ци-о-нально! Вопреки законам общего развития. И эти законы отомстят тебе. Когда наступит момент Возрастания — а он на носу! — окажется, что нужного жизненного запаса в тебе нет! Не накопил...

— Ну и что?

— А то, что останешься недоразвитым, — подал голос Красный шар. — Не дитя, не взрослый, а так...

— И не сможешь принести ни малейшей пользы Великому Кристаллу, — веско уронил Большой Белый шар самый тяжелый аргумент. — А в таком случае, зачем ты вообще на свете?

Шарик молчал, теребя галстук пыльной матроски. Он еще не знал, зачем он на свете. Может, как раз для того, чтобы дружить со Стасиком. И одна из Желтых тетушек догадалась о его мыслях:

— Он полагает, что его главная задача — общение с микробом...

«Сами вы микробы», — подумал Шарик. Нет, видимо, не подумал, а вырвалось вслух. Тетушки одинаково всплеснули руками. Темно-красный шарик выпустил дым, будто начиненное черным порохом и лопнувшее от взрыва ядро. Красный шар надул щеки.

— Ты, голубчик, в самом деле окончательно распустился!

— Да, пора принимать меры, — сухо сказал Большой Белый шар. — Ступай в свою комнату и не смей выходить, пока не позовут.

— Ну и пожалуйста... — Он поддернул штаны и пошел к себе. Дверь он запер изнутри. Сел на облезлого деревянного коня и, качаясь, стал думать: что же дальше?

...Нет, что ни говори, а характер у него есть. И душа. И все, что полагается нормальному мальчишке. И, значит, пришло время превращаться в белокурого стройного пацана, в Стаськиного друга, который с ним «спина к спине — у грота»...

Вылепить себя можно из чего угодно: из кучи песка, из соснового кругляша, из мешка с прошлогодней картошкой. Но на первый раз лучше взять что-то похожее на настоящего мальчишку.

Сперва Шарик думал о бронзовой скульптуре мальчика Гальки, что стоит в старинном Реттерхальме на обрывистом речном берегу. Он отыскал уже этот город и этот маленький памятник, хотя оказалось, что грань Реттерхальма и его временной вектор сильно смещены по отношению к Стаськиному. Однако Шарика смущала мысль, что статуя сделана специально в честь Галиена Тукка, спасителя города. Если Шарик оживит ее, получится самовольство и самозванство... Может, выбрать для себя какого-нибудь безымянного гипсового горниста? Их много прямо там, в Турени... Но все они какие-то лупоглазые, с тупо-благонаравными лицами. Чего доброго, станешь сам таким...

Была еще одна подходящая статуя: мраморный мальчишка в глухом закоулке обширного парка. Гибко выгнувшись, мальчик стоял на заросшем лопухами постаменте, запрокинув голову, и вскидывал в тонких руках воздушного змея.

Парк рос в другом, не в Стаськином мире, и не в пространстве Реттерхальма. И далеко впереди по времени. Шарик не раз видел его в своих отраженных воспоминаниях и удивлялся: откуда это и зачем? Парк никак не был связан с Реттерхальмом, с Лотиком и Галькой. Откуда он взялся? И мраморный мальчик...

Но чем дальше, тем все чаще казалось Шарик: неспроста это...

...В дверь застучали.

— Зачем ты заперся? Открой сию минуту.

— Ага, как же...

— Не бойся, мы хотим еще раз поговорить с тобой.

— Опять ругать будете!

— Вы слышите, что он говорит?.. Почему ты такой неблагодарный?

А он вовсе не был неблагодарным, помнил все хорошее: как шары жалели его, как учили, как иногда и баловали... Но сейчас мальчику Шарик хотелось плакать.

— Господа! Он снова ударит к своему Вильсону!

— Да! Удери!

— Что ты в нем нашел?

— А потому что... с ним хорошо! А вы только воспитываете...

За дверью замолчали. Потом Красный шар покашлял:

— Мы это для твоей же пользы.

Шарик не слушал. Подбежал к окну, вскочил на подоконник, толкнул створки. И прыгнул со второго этажа...

...Сразу все стало на свои места, мысленная игра кончилась. Белый шарик опять висел в пустоте, в центре звездной пирамиды, а большие шары буквально обстреливали его своими укоризненными импульсами. Но Белый шарик больше не отвечал. Собирал силы.

Запускающий змея

1

Расплывчатое воспоминание о старом парке обрело теперь ясность. Парк лежал рядом с длинным зданием старинной постройки. Видимо, это была школа, потому что среди могучих дубов, столетних лип и разросшихся кленов часто гуляли мальчики в темной одинаковой одежде с лампасами и позументами. Ребят было немного, вели они себя не шумно и в заросшем уголке парка, где стоял мраморный мальчишка со змеем, почти не появлялись. Даже днем. А уж ночью — парк, без сомнения, был пуст совершенно. Поэтому Белый шарик выбрал ночное время.

Он протянул через три пространства, точно вдоль вектора Времени, тончайшую нить мгновенного импульса. Скользнул по этой нити сознанием, слыша за собой замирающие оклики бдительных шаров. И через миг невидимым лучом вошел в заросли.

Было темно и тихо. Ветки и листья не шевелились. Шарик ощущал их неторопливо и с опаской. Он ощущал боязливую радость и замирание, словно пацаненок, впервые забравшийся в чужой сад. Но когда луч-разведчик тронул теплое, не остывшее за ночь плечо мраморного мальчишки, Белый шарик успокоился. Будто встретил доброго приятеля. «Здравствуй!...»

Луч осторожно вошел во впадинку под мраморной ключицей, и Шарик заполнил энергией микроскопические поры каменного тела. Заполнил собой. Стал мальчиком, запускающим змея.

Но он оставался пока мраморным мальчиком — закаменевшим в броске. Надо было превратить мельчайшие кристаллики известняка в клетки живого тела.

Получится? До сих пор Шарик был уверен, что да. А сейчас испугался. Ведь он не знал, как это делать. Только чувствовал, что может. Но если чувство это — обманчивое? Вдруг от решающего импульса мраморное тело не оживет, а рассыплется на куски? Тогда — что?

Жаль мраморного мальчишка со змеем, хотя он и неживой. А кроме того, что будет с самим Белым.

шариком? Вдруг тоже разорвется и перестанет существовать? Впервые страх реальной гибели холодком прошелся по Шарикю.

Шарик чувствовал, как энергия слабеет от беспокойства. А тут еще одна тревога коснулась его. Извне! Кто-то вышел на заросшую лужайку рядом со скульптурой.

Этого еще не хватало! Превращаться на глазах у постороннего было невыносимо. Белый шарик замер. То есть он замер внутренне, в душе, а внешне он и так был каменный. Его заполняла тяжелая застылость нечувствительных мышц. Шарик рассердился на себя и сосредоточил внимание.

Он понял, что на лужайке появился еще один мальчик. Живой.

Зачем?

Белый шарик бросил в мальчишку пучок незаметных импульсов-анализаторов. Тот оказался постарше Стасика, щуплый, с мягкими волосами (они разлетелись, когда мальчик резко оглянулся). Трава шелестела по шелковистым штанинам его пижамы — видимо, ночной гуляка только что выбрался из постели.

От мальчишка веяло теплом, но в тепле скользнула зябкая струйка печали и беспокойства. Всех причин этого Белый шарик понять не сумел. Их было много, Шарик улавливал лишь одну — связанную с тем, кого мальчик держал в ладошке.

Этот «кто-то» был маленький, но не птичка, немышь, не бабочка... И вообще он состоял не из биоткани. Но в то же время был отчаянно живым. Клубок тревоги, радости, грусти и виноватости жил в руке у мальчишки. Шарик ощутил, как излучение рвется сквозь тонкую мальчишечью ладонь. Мальчик и сам чувствовал это. Сказал малышу полупшепотом:

— Вот, пришли уже... Не бойся, теперь скоро.

— Я не боюсь,— соврал маленький. Это он не словами сказал, а ответил мыслью, импульсом. Так же, как Шарик разговаривал со Стасиком.

Неужели у незнакомого мальчишки тоже был шарик?

Белый шарик увеличил мощность пучка-анализатора, чтобы прощупать глубже, понять: кто там? И тут же резко сбавил напряжение. Потому что в последний миг его остановило ощущение разгадки. Вот-вот откроется что-то знакомое и очень горькое. Такое, что лучше не вспоминать. Захотелось даже рвануться назад, повиснуть в знакомой пустоте пирамиды под охраной больших шаров... Но Белый шарик запретил себе это. И ждал, замирая.

Мальчик взял из травы небольшую доску, положил ее в нескольких шагах от статуи. Долго возился, подкладывая под доску разбитые кирпичи и что-то считая шепотом. Потом прошептал чуть громче:

— Ну, все, Яш... Попробуем?

«Яш...» — толкнулось в Шарике это коротенькое слово. Даже не имя, а полуимя, намек. Шарик содрогнулся всем своим энергополем, опять ослабел и уже без страха, со сладко-печальной покорностью перестал сопротивляться памяти.

Он знал уже, что в руке у мальчика небольшой, ростом с мизинец кристалл. Не просто знал, а ощущал его! Настолько ощущал, что почти слился с этим живым кристаллическим малюткой, выросшим в цветочном горшке мадам Валентины. И когда мальчик прижал малыша к щеке, Шарик на себе ощутил тепло этой щеки.

Кристаллик сказал чуть виновато:

— Попробовать нельзя, надо сразу. Если я упаду назад, ты не найдешь меня в траве.

— Тогда готовься. Давай не будем прощаться долго.

«Не будем... — отозвалось в Белом шарике. — Я тебя не забуду, пускай хоть вспыхну...»

Шарик чувствовал все, что излучает маленький кристалл. А излучал он и боязнь полета, и твердую решимость, и печаль расставания, и виноватость, что покидает друга. И нетерпение!

— Счастливой дороги, Яшка.

Мальчик на миг еще крепче прижал малыша Яшку к щеке. И быстро опустил его на конец доски...

Белый шарик опять ощутил замирание — такое, как у человека перед прыжком в пустоту. Но понимал все отчетливо: «Вот и вернулся ты по вектору Времени к мигу своего рождения... Случайно так вышло? Или какой-то закон?»

Но это было еще не рождение. Еще только старт перед полетом во тьме — томительным и бесконечно долгим, до встречи со случайной космической пылинкой, от столкновения с которой вырастет и разгорится белым светом масса новой звезды... «Не забуду, пускай хоть как вспыхну...» А ведь забыл! И даже сейчас ты, Белый шарик, не можешь вспомнить все, что было... Кто же этот мальчик-то? Почему все так переплелось?

...Мальчик вскрикнул и ударил пяткой по концу доски. Другой конец швырнул Яшку в ночную высоту. И малыш-кристаллик помчался в черный зенит. С нарастающей скоростью. Толкаемый то ли волей мальчишки, то ли собственным желанием.

Мальчик и сам ринулся за улетающим кристалликом — душой и мыслью. А следом за ним рванулся в импульсе-полете Шарик. Он скоро обогнал мальчишка и летел, летел за Яшкой в межзвездной пустоте, не замечая времени, пока предчувствие близкого столкновения и вспышки не остановило его. И он испуганно заскользил по вектору назад — в прежнюю точку, в прежнее время.

Но, кажется, со временем Шарик ошибся. На час или два. По крайней мере, когда он опять оказался внутри мраморного тела, мальчишка на лужайке не было. Только в спящем биополе деревьев и травы легким облачком висело другое поле — след мысли и ощущений тех, кто здесь недавно прощался друг с другом. Этаким запахом печали...

Но где же он, этот мальчишка?!

Надо его найти! Расспросить! Все вспомнить!

Отчаянное желание — бежать, встретиться! — сотрясло Шарика. Это была мучительная и сладкая дрожь, как судорога последнего озноба, когда иззябший человек попадает в теплую комнату. Шарик почувствовал, как упругим делается тело, как щекочущее разбегается по нему густая сеть кровеносных сосудов.

Мраморный мальчик — Белый шарик — стал настоящим!

Да, но змей-то остался мраморным. В руках у статуи он выглядел взлетающим, легким, но для живых детских рук его тяжесть оказалась непосильной! Чтобы каменный пласт не грохнулся на голову, Белый шарик изо всех сил толкнул змея в одну сторону, а сам рванулся в другую... И полетел с постамента!

2

Он тут же вскочил — с негромким, но настоящим человеческим воплем. Первый контакт с местной природой оказался знакомством с крапивой. Танцуя, как дикарь, Белый шарик выскочил на низкую безобидную траву. Подпрыгивал и ладонями сгонял с кожи боль ожогов. Горячий зуд исчезал быстро, и уже через минуту случившееся показалось Шарикю смешным. Он сказал себе назидательным голосом тетушек-близнецов:

— Так бывает с каждым, кто суется куда не положено...

Потом вздохнул, потянулся, замер. Последнее щекотание крапивных укусов пропало, а другие ощущения были ласковыми. Трогал кожу теплый воздух. Упал на плечо — словно крылышком задел — разлапистый платановый лист. Мягко пружинила под ступнями прохладная трава. Даже белые мохнатые звезды казались ощутимы — словно касались плеч и лица лучами с пушистыми кисточками на концах. И Шарик сейчас в голову не приходило, что эти дрожащие огоньки — шары, живущие в глубине Великого Кристалла. Просто с ночной Земли смотрел первый раз на звездный небосвод затаивший дыхание мальчик.

Смотрел и чувствовал. Вбирал в себя запахи травы, листьев, древесной коры. Ощущал сквозь заросли дыхание недалекого большого города — с его асфальтом, камнями, озоном от электрических моторов, радиопешотом антенн... Видел, как на постепенно светлеющем небе проступает черный рисунок листьев... Дрогнула ветка, пискнула во сне какая-то птица... Все это было таким радостно-неожиданным, что сбивалось дыхание.

Да, он ведь дышал!

Вбирать в себя воздух, смотреть мальчишечьими глазами, осязая все живыми нервами — это было совсем не то, что познавать мир с помощью импульсов-разведчиков. Конечно, импульсы могли дать всякой информации не в пример больше человеческих нервов. Но чтобы вот так — мгновенное счастье от случайного ветерка, от легкого вскрика птицы или касания лохматой головки белоцветы — этого импульсы в себе не несли...

Вся эта новизна так завораживала, кружила голову, что мысли о мальчике и Яшке отодвинулись, почти позабылись. Такое легкомыслие, конечно, было бы невозможно для Белого шарика — звездного жителя Великого Кристалла. Но для мальчика, сбежавшего из дома в неведомый край, — вполне нормально.

И мальчик этот в полумгле робкого рассвета наугад побрел с дужайки, где остался опустевший постамент.

За тем участком парка, видимо, никто не ухаживал. Стеной стояли сорняки. Белый шарик продирался сквозь неподатливые стебли и большие листья с твердыми, как жест, краями. Они и шуршали по-жестяному. И царапались. Но даже это царапанье нравилось Шарик: он чувствовал, он жил как человек.

Потом начались мелкие кусты с мягкой листвой, которая влажно липла к коже. И наконец Шарик опять выбрался на открытое место. Рассвет набирал силу, но деревья еще казались черными. Шарик огляделся: куда идти? В общем-то, все равно. Спокойно и беззаботно было в эту минуту на душе у Белого шарика. Он опять потянулся, вобрал легкими и кожей посвежевший воздух раннего утра. Снял с плеча листик, выбрал из спутанных волос две репейных головки. Ладонью покатал их по руке от плеча до локтя. Их покалывание и щекотание тоже было приятным.

«Как игрушечные ежики», — пришло Шарик в голову чисто человеческое сравнение. Он улыбнулся и... тут же вздрогнул от нового толчка тревожной памяти. «Ежики!» — это было не только название колючих зверьков. Это было имя, а точнее, ласковое прозвище мальчика. Того, кто забросил в пространство Яшку... Именно «Ежики», а не «Ежик»... Память словно прорвала!

Ежики жил здесь, в этой школе! В лицее!

Его привезли сюда, потому что он остался один! Ему сказали, что мама погибла в катастрофе!

Он не верил! Он искал ее, изматывал в этих поисках силы и душу! И только один у него был друг, один помощник — маленький кристаллик-талисман Яшка...

На Яшку и была у Ежики последняя надежда...

«Но я и в самом деле помогал ему!» — сказал себе Шарик. И сам же ответил, потому что некуда было деться: «Помогал, пока не приспичило сделаться звездой».

«Но... я и сделался! Это была моя цель!»

«А что случилось с ним? С Ежики? Когда ты улетел...»

«Пока... пока, наверно, ничего! Ведь по здешнему времени я улетел совсем недавно! И Ежики, наверно, просто спит сейчас. Или бродит где-нибудь по парку...»

«Значит, я не зря вернулся, — с облегчением подумал Белый шарик. — Значит, не случайно...»

Самое время было отыскать Ежики! Чтобы защитить его от недругов и бед. «Видишь, я опять пришел! Не бойся никого!»

Это надо сделать скорее! Потому что очень уж томит и грызет смесь вины и печали — тоскливое чувство, которое у людей называется «совесть».

Но куда идти? Белый шарик обвел глазами обступившие поляну дубы и липы. И увидел, что среди темных стволов движется желтый огонек.

На полянку вышел мальчик со свечкой. Нет, не Ежики, поменьше. Даже поменьше Шарика. Тощенький, босой, в майке и трусиках, с легкой пижамной курточкой на плече. Свечка он держал так, что она освещала его лицо. Задумчивое такое, серьезное...

Шарик уже понимал: ничто здесь не происходит случайно. И пошел навстречу мальчику.

Они остановились в трех шагах друг от друга. Мальчик смотрел вверх свечи. Потом сказал одними губами:

— Здравствуй.

— Здравствуй... Ты кто?

— Юкки... А ты?

— Я... — Белый шарик вдруг смутился и растерялся. И выговорил сбивчиво, неожиданно для себя: — Я... Яшка...

Мальчик опустил пониже свечку, наклонил к плечу голову.

— Правда Яшка?... Как быстро ты вернулся. — Не было в его словах удивления.

— Разве ты меня знаешь?

— Нет. Но я догадался, что ты тот Яшка... — Мальчик поставил свечку на заросший пень от дуба. Дрожащий огонек стал бледным, потому что делалось все светлее. Мальчик подхватил курточку и опять выпрямился. Молчаливый, понимающий.

— Я... не быстро вернулся, — насупленно объяснил Белый шарик. — Это так получилось. Потому что меня оттянуло назад по вектору...

— Это бывает, — сочувственно сказал Юкки.

И тогда Белый шарик... нет, не Шарик, а мальчик Яшка виновато и нерешительно спросил:

— А Ежики... ты его знаешь?

— Конечно!

— А он... где?

Юкки вздохнул:

— Он ушел. Недавно... Но ты не бойся, с ним все будет в порядке.

— Да!!

— Да. Он ведь уже на Кольце... И мама его жива...

— Да? — опять сказал Яшка.

— Посмотри сам. Видишь, свечка горит! Если о ком-то спрашиваешь, а она не гаснет, значит, человек — живой.

— Ты для этого и ходишь со свечой? Чтобы узнавать про всех? Это анализатор?

— Просто я играл в темноте, — объяснил Юкки. И добавил чуть уклончиво: — Всякие бывают игры.

— А Ежики... Где его теперь искать?

— А зачем? — отозвался Юкки и глянул пристально. — Разве ты его ищешь?

«А ведь в самом деле!» — ахнул про себя Яшка. Вспомнил! Будто ветром дохнуло из распахнутого окна: — Стасик...»

Но как же теперь быть?

— Иди к тому, кто ждет, — сказал Юкки. — А Ежики... Ему и так будет хорошо.

— Да? — сказал Яшка с легкой ревностью, но и с облегчением. — Ну, что же... А... куда идти?

И он сник, чуть не заплакал обыкновенными ребячьими слезами. Потому что лишь сейчас понял, какую сотворил глупость! Не было тут никакого Стасика, он остался в далеком прошлом. И города Турени, скорее всего, не было. Здесь другая грань Кристалла, другой мир, другое время! Белый шарик могучими энергетическими импульсами сумел бы пробить бесконечную толщу многомерных пространств и вернуться по вектору назад, к Стасику. А мальчик Яшка это сделать не сможет...

Что же теперь? Оставить здесь, в траве неподвижное мраморное тело, уйти по лучу в свою звездную пирамиду и начинать все сначала? Но Белый шарик уже привык именно к этому лохматому поцарапанному мальчишке, который помог ощутить ему земной мир. И который умеет запустать воздушных змеев!.. Расстаться с ним навсегда — это было теперь почти все равно, что помереть!

Яшка сказал тоскливо, не Юкки, а себе:

— Если бы просто через грани, я и в таком виде пробился бы. А назад сквозь время никак...

Юкки откликнулся негромко, но уверенно:

— По-моему, тебе надо на Дорогу.

— Что?.. Наверно, да, надо! — с надеждой воскликнул Яшка. Он сразу понял, что речь идет не о простой дороге, а о Дороге. В этом слове было обещание счастливого выхода.

— Я тебя провожу. Только... — Юкки скользнул по Яшке глазами. — Ты что, так и пойдешь... без всего?

Лишь сейчас Яшка, словно Адам, вкусивший запретное яблоко, осознал, что он наг, и устыдился. Впрочем, не сильно. Юкки смотрел без насмешки, только озабоченно.

— Давай я тебе что-нибудь принесу...

— А, чепуха! — Поддавшись радостному импульсу вздохновения, рванул Яшка лопух, прижал его к бедрам и единым толчком энергополя сотворил на себе такие же, как у Юкки, зеленые трусики. Только они получились мягкие и пыльные, как сам лопух. Но это был пустяк! Из второго лопуха — мягкого и белесого — вышла белая майка. Юкки не удивился. Спокойно одобрил:

— Хорошо у тебя получается.

— Если надо будет, я еще что-нибудь сделаю, — похвалялся Яшка. — Вот хотя бы такую же курточку...

— В точности такую же не сделаешь, — возразил Юкки с грустинкой. — Это Ежики мне оставил, когда уходил на Кольцо...

Совість опять царапнула Яшку. И снова кольнула его ревность. Но уже звенело в нем нетерпение:

— А где Дорога? Далеко?

Юкки чуть улыбнулся:

— Недалеко. Начало Дороги всегда рядом. А там уж как получится... — Он взял Яшку за руку очень теплыми пальцами, шагнул. Яшка послушно двинулся следом. Скоро на пути оказался бурливый, скачущий по донным камням ручей. Через него было перекинуто могучее бревно с грубой корой. Юкки стал на него, потянул Яшку.

— Теперь закрой глаза. Обязательно.

— Свалюсь ведь!

— Держись за меня крепче, иди осторожней... Яшка вцепился в локоть Юкки. Пошел, зажмурив-

шись и нащупывая подошвами рубчатую кору. Ойкал тихонько от страха и от того, что снизу било влажным холодом и колючими брызгами...

Потом это разом кончилось, и ноги обдало пыльным теплом.

— Всё! — звонко сказал Юкки, и разнеслось рассыпчатое, как стеклянные пластинки, эхо.

Яшка распахнул глаза. Вымощенная серыми плитами дорога лежала среди волнистого песка. Но песка было немного — от дороги шагов по двадцать в обе стороны. А дальше начиналось темно-синее небо. Оно оказалось всюду: с боков, впереди и над головой. Маленькое белое солнце висело высоко и грело песок и камни. И Яшкины плечи. Оно светило ярко, но вместе с ним светили и лучистые звезды. А слева, из-за песчаного края, медленно выползал розовый, громадный, в оспинах кратеров шар Луны.

Дорога с желтыми лентами обочин висела среди этого солнечно-звездного мира прямой полосой и терялась в бесконечно далекой точке. Это впереди. А зади?

Яшка рывком оглянулся. Зади было то же самое: небо и путь, убегающий вдаль. Ни ручья, ни деревьев. Ни Юкки...

Одиноко стало Яшке. Не по себе. Но все-таки он был Белый шарик и в глубине души помнил, что уйти отсюда и вернуться в привычный мир звездной пирамиды может в любой миг. А пока... Яшка поддернул трусики и зашагал по теплым камням.

3

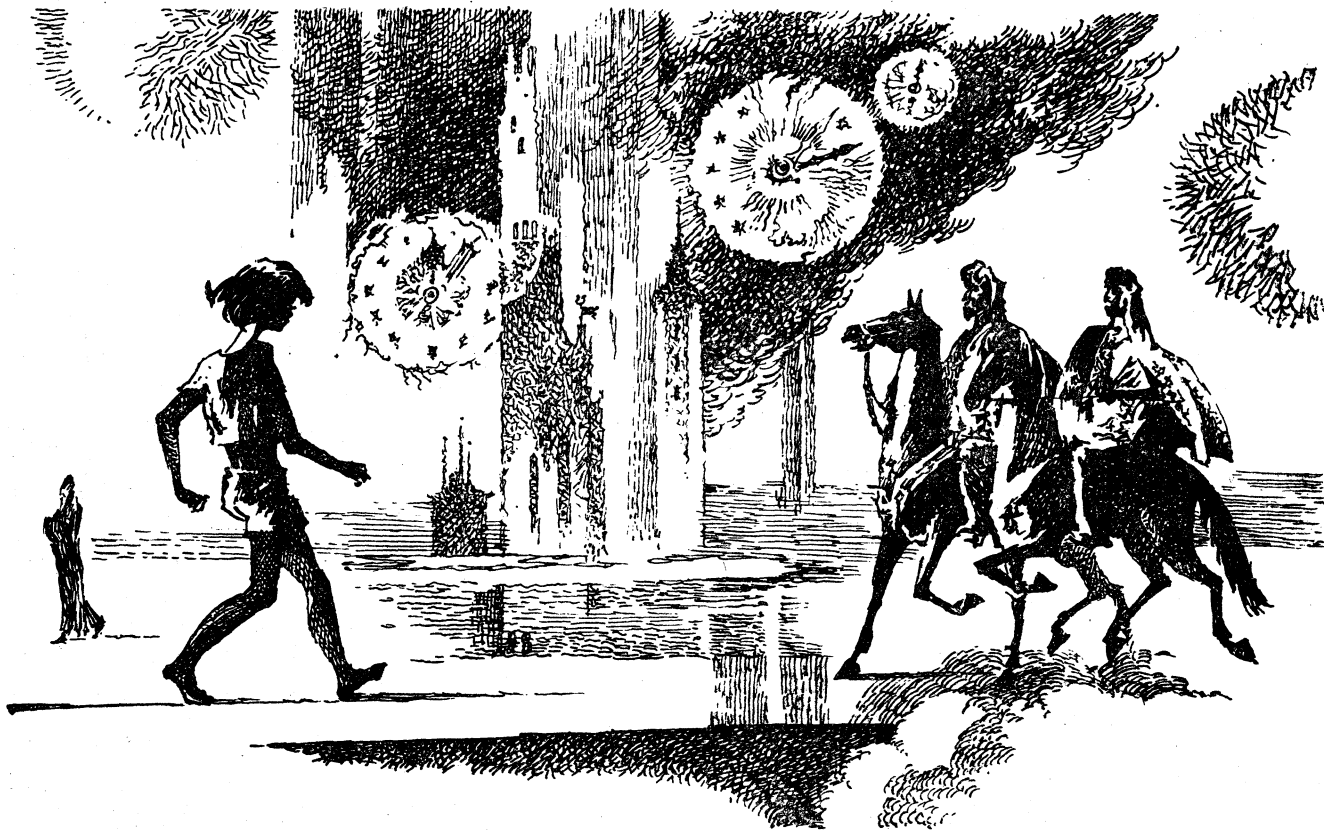
Скоро Яшка привык к Дороге и перестал чувствовать одиночество. Тем более, что время от времени он видел людей. Они возникали в сотне шагов, будто из воздуха, двигались навстречу Яшке и пропадали у него за спиной. Проехали два всадника на гнедых тонконогих жеребцах — смуглые, в белых плащах и тюрбанах, с крючконосими строгими лицами. Поперек сидел у них лежали длинные ружья. Яшка струхнул, но всадники приложили к груди коричневые ладони и поклонились на ходу. Яшка растерялся и тоже неловко поклонился... Прошла женщина в темном длинном платье с маленькой девочкой на руках. Девочка спала. Женщина молча и печально глянула на Яшку... Потом проскочил по другому краю дороги рыжий мальчик поменьше Яшки. Он был в матросском костюме и толстой проволокой с крючком гнал перед собой обруч от бочки. Обруч подскакивал, а на мальчишкиной сандалины хлопал отстегнутый ремешок. На Яшку этот конопатый даже не взглянул. Ну и подумаешь...

Оказалось, что и сама Дорога вовсе не однообразна. Каменные плиты порой сменялись отшлифованной гранитной брусчаткой или потрескавшимся асфальтом. Песок по сторонам тоже тянулся недолго. Скоро обочины зазеленели. В траве мелькали то пуанцовые шарики клевера, то золотые звездочки осота, то высокие торчали розовые свечи иван-чая. А один раз было и так, что Яшка целых полчаса шел среди рослых цветущих подсолнухов.

Кое-где стояли у обочин старые дуплистые ясени.

Вдали иногда чудились крыши и блестящие башни городов, порой среди звезд появлялись и плыли, как белые луны, циферблаты часов. Они были разной величины и показывали разное время, а на некоторых стрелки бегали, как на секундомерах, — поди разберись, что к чему. Яшка и не пытался разобрататься. Просто шагал без устали и смотрел. Он верил Юкки и знал, что рано или поздно Дорога приведет к Вильсону.

Временами над Дорогой нависали решетчатые полупрозрачные мосты без начала и конца, и по ним

проносились разноцветные вагоны. Низко проскочил трескучий старинный самолет с красными крыльями и самоварной трубой. Труба дымилась, сквозь стеклянные стенки капота было видно, как ходят шатуны и вертятся медные колеса мотора. На стекле и меди горели солнечные искры. Похожие на бублики колеса пронесли метрах в пяти над Яшкиной головой, обдало ветром от пропеллера. Яшка даже присел. А потом увидел, как впереди на Дорогу легко падает что-то белое, квадратное.

Он подбежал. На камнях лежал воздушный змей.

Обычный змей, с рейками крест-накрест, с мочальным хвостом. Он был сделан из половинки газетного листа, и на листе этом Яшка прочитал заголовок: «Туренская правда».

Он обрадовался так, словно самого Стасика увидел. Конечно же, змей был знак того, что встреча близка! Ура!.. Змей — звонкий, легонький. От уздечки тянулась суровая нить. Не длинная, метров пять. Ну ладно, сгодится и такая. Яшка умело (будто и правда делал это тысячу раз) намотал нитку на большой палец правой руки. А левой взял змея за уздечку. И — вперед!

Встречный воздух ударил в натянутый газетный лист, подхватил. Нитка, сматываясь, задержала палец, заскользила сквозь левый кулак. Потом рванула палец, как леска с попавшейся шукой — конец был привязан. Яшка оглянулся на бегу. Змей летел следом. Но — вот чудо-то! — он уходил все выше. Нитка непонятным образом удлинялась. Скоро змей был уже так высоко, что задел в небе один круглый циферблат. Тот покатился вниз и далеко позади Яшки грохнулся с фаянсовым звоном.

«Не влетело бы — с веселой опаской подумал Яшка и припустил еще быстрее.

Быстрее полетел в лицо и встречный воздух. Он был теперь влажный, с запахом мокрых тополей, будто недавно здесь прошел дождик. А может, так и было? Во впадинах плит блестели водяные зеркальца: в них вспыхивали искры солнца и звезд. Попадались и большие лужи. Яшка весело разбрызгивал их, а через одну, широченную, решил перепрыгнуть. И перепрыгнул! Но поскользнулся и шлепнулся так, что в ушах словно затрещали будильники. Змей, конечно, оторвался и пропал.

Яшка посидел, помотал головой, усилием воли прогнал из костей и мускулов боль. Уперся в плиту ладонями и глянул в лужу, на краю которой приземлился.

Из гладкой воды смотрел на Яшку лохматый любопытный пацаненок. С круглым лицом, вздернутым носом и удивленно приоткрытым ртом.

«Это... кто же?.. Это я, да?»

Ну и ну! Совсем не похож он был на мраморного мальчугана в парке. Тот — весь такой ладный, гибкий, красивый, а этот... Костлявый, голова большая, плечи узкие... Головастик.

«А ведь Головастик и есть! — понял и узнал он. — Лотик, вот ты кто!»

Значит, вон как повернулось! Настолько крепко засела в Белом шарике память об этом приемыше мадам Валентины, что в него, в Лотика, он и превратился... Конечно! Мраморный мальчик — он ведь без души, просто оболочка. А что такое человеческие привычки и характер, ребячьи радости и капризы, кристаллик Яшка узнавал от восьмилетнего Головастика. «Ведь я и раньше представлял себя таким! — вспомнил он. — И когда дружил с Ежики, показывался ему в таком вот виде! На экране...»

Напоминание о Ежики опять кольнуло Яшкину со-

весть. И чтобы отвлечься, он досадливо спросил себя: «А что я — один только Лотик? От самого меня, что ли, ничего во мне нет?» И поглядел на отражение сердито и требовательно.

Нет, из лужи смотрел все-таки не Лотик, а именно Яшка. Постарше Лотика и не такой уж «головастик». И хитроватые черные глаза были смелее, чем у того реттерхальмского малыша... Ну, не красавец, конечно, да что теперь делать-то? Не превращаться же в другого. Во-первых, скорее всего, и не получится. А во-вторых, даже и нечестно как-то. Раз уж он такой — Яшка! — значит, такой и есть. А красота — тьфу на нее! Невеста он, что ли! Главное, что получился настоящий человеческий мальчишка. Ловкий! (Яшка попрыгал по-обезьяньи на краю лужи). Загорелый! (Он повертел плечом с шелушащейся кожей). И — неглупый! (Отражение сделало серьезную гримасу).

Впрочем, серьезности хватило на две секунды, а затем Яшка (для самокритики!) показал себе язык. Убедившись, что отражение поступило так же, Яшка задумался: чем бы удивить двойника? Но, посидев у лужи несколько секунд, удивился сам. Вот чему: перестали отражаться звезды и солнце! Над головой они горели по-прежнему, а в темной воде исчезли. Побледнел, почти растаял и перевернутый в луже сам Яшка, а за слоем воды, как за стеклом, открылась пустота с цепочкой огоньков.

Это был туннель!

Ну что же, если над Дорогой могут возникать мосты, почему бы под Дорогой не появиться туннелю? Удивительно было другое. Яшка видел этот подземный коридор как бы сразу во всех направлениях. Всеми нервами ощущал его длину и ширину.

По туннелю тянулась черная полоса антиграва — полотно для стремительных поездов городского сообщения. Бетонная труба коридора плавно изгибалась. «Кольцо!» — понял Яшка с резким испугом. Испуг был не напрасен: по антиграву мчался мальчик — испуганно рвался вперед! Мелькали, почти размазываясь в воздухе, коричневые ноги, за спиной трепетала, будто флаг, курточка из легкой тетрактани. Искрами пота и слез блестело запрокинутое лицо...

«Ежики!»

Ежики не мог ни слышать, ни видеть. Он был вообще уже не на Земле. Земля предала его! И он был теперь не мальчик, он был вектор, прорубающий силовые линии и грани Кристалла. И хотел одного — удара и вспышки! Чтобы превратиться в звезду! Может быть, там, в новом мире, найдет он то, что отобрали у него здесь: дом, друзей... маму!..

— Не надо! Не смей! — зашелся криком Яшка. Потому что нельзя стать звездой от удара о встречный поезд. Кольцо — не Космос. — Ежики, стой!

Белые отблески фар летели по бетонным закруглениям. И вот из-за поворота вынеслась яркая стеклянная сигара головного вагона. Равнодушно блестя глаза-линзы автомашиниста.

— Не надо!

Ежики мчался. Но, видимо, в последний миг вся его природа, все существо ужаснулось налетающей гибели, восстал! Тело Ежики выбросило перед собой могучий заряд защитного энергополя, а само отлетело к бетонной стене.

Время загустело, замедлилось в сотни раз, и Яшка в этом вязком потоке растянувшихся мгновений видел, как головной вагон колоссальной силой инерции плющит, сминает, рвет силовую решетку поля, а Ежики — уже без памяти, переворачиваясь в воздухе, падает к рубчатому краю вагонной подошвы. И было ясно, что защитное поле не выдержит. Ему не хватит самой малости! Резиновые рубцы чиркнут Ежики по волосам, зацепят, затянут между подошвой и полосой антиграва, и...

Яшка крикнул с надрывным всхлипом. Взмахнул сомкнутыми ладонями и, как топором, врубил между поездом и Ежики плоскость рассекающей импульса. Поезд засвистел, чиркая вагонами о невидимую стенку. Поле Ежики свернулось в кокон и сквозь бетон, сквозь черноту межпространственного вакуума швырнуло мальчишку в другой мир. В седые одуванчики холмистого луга...

Яшка обессиленно лежал на краю лужи и видел в зеркале воды, как Ежики поднялся, пошел среди травы, встретил на тропинке паренка с велосипедом. Как они вдвоем двинулись к одноэтажным домикам поселка. И как Ежики вдруг побежал навстречу женщине, которая вышла из низкой зеленой калитки...

Потом опять отразились звезды. Задражали, расплылись в пятнышки, превратились в маленькие желтые окошки, словно в глубине засветился огнями ночной городок.

Яшка закрыл глаза и лег на спину. Отпечатки окошек танцевали под веками, словно квадратные бабочки. Плита давила затылок и костлявые лопатки. Сердце кояотилось... (А в центре звездной пирамиды нерозно пульсировал, бился, разгораясь и затухая, Белый шарик — под испуганные вопросы и восклицания больших шаров. Импульсная нить между Белым шариком и мальчиком Яшкой вибрировала и дергалась, как нитка змея на неровном ветру. Потому что шархнуть рассекающей импульсной плоскостью на таком расстоянии и через несколько граней — это даром не пройдет...)

«Эх ты, Юрки... — подумал Яшка. — Говорил, что все будет в порядке...»

«Но ведь, в конце концов, и там все в порядке. Может, все, что было, не случайно?»

Наконец Яшка разомкнул ресницы. Небо над ним оказалось голубым, светлым. Не было звезд, а были маленькие ватные облака. Солнце сверкнуло из-за облака, лучами ударило по лицу. Яшка заморгал, сел.

Он был теперь на твердом песке, у воды. По желтой воде шлепал колесами коричневый буксир. Неподалеку чернела на отмели старая баржа, от нее пахло теплым ржавым железом. Железом пахло и от рельсов, которые тянулись вдоль берега. А за рельсами поднимались заросшие откосы...

Яшка встал и зашагал по песку. Скоро он оказался у зеленого домика с башенкой и плавучими причалами. Здесь былолюдно и шумно. От пристани подымалась между заборов и складов тропинка. Она вывела Яшку на старую, поросшую майской молодой травой улицу с разномастными, косо стоящими домами, с лесенками и мостками. На ржавой табличке он прочитал: «Банный лог».

Прыгая по дощатым ступеням, по косо лежащим гранитным плитам, Яшка — вверх, вверх! — проскакал Банный лог до конца, свернул в Катерный переулочек и увидел длинный приземистый дом с мятыми жестяными теремками над водосточными трубами.

Одно окно было распахнуто, но его целиком закрывала марлевая занавеска. Это было то самое окно, Стаськино.

Яшка подошел на цыпочках. Чуть-чуть отодвинул марлю. Никого он в комнате не увидел, лишь в деревянной решетчатой кровати кто-то дышал. Тихо и неровно. Яшка скользнул через теплый, с облупившейся краской подоконник. Пахло лекарствами и делянками. Яшка на цыпочках подошел к кровати. Крошечная девочка в распашонке тяжело, беспокойно спала, прижав к бокам сжатые кулачки.

Было ясно, что дышать ей мешала клейкая противная жидкость, скопившаяся в легких. Яшка постоял, напряжив плечи. Накачивая силы, сосредоточивая волю. Накрыв девочку тугим коллаком энергополя. Приказав ему вывести из легких коллаком энергию

жидкости — между молекулами мышц, кожи и рубашонки. Морщась от отвращения, собрал в воздухе всю эту гадость в комок и взглядом швырнул его из комнаты между краем занавески и оконным косяком. И сжег невидимой вспышкой... Затем убрал поле и взглядом приласкал, успокоил /спящего крошечного человека. Щеки у девочки зарозовели, она задышала чище, ровнее. Расслабила ручонки.

Яшка смотрел на девочку с любопытством и с тайной, самому непонятной ласковостью: какая кроха! Наверно, еще ничего не понимает...

Девочка забавно улыбнулась во сне. Потом открыла глаза. Сморщила нос и тихонько чихнула. Яшка засмеялся. Девочка вдруг вскинула ножки, дернула ими и села.

— Ты кто? — весело сказал Яшка, хотя, конечно, знал, кто это.

Девочка подползла к барьеру кровати и вдруг уверенно, колченого поднялась, хватаясь за палочки. Заулыбалась опять. И, держась за верхний брусок, насколько раз резво присела. Словно поплясать захотела.

Яшка засмеялся. И услышал за дверью шаги Вильсона...

Часть третья

ЯШКА

Детдомовец

1

— Яшка я! Ты же сам хотел! Вот я и есть! — несколько раз повторил он. И наконец сообразил: Вильсон же не знает его нового имени! — Ну, Шарик я! Белый шарик!

Стасик даже о Катюшке забыл. Сказал тихо, испуганно:

— Врешь...

— Почему? — обиделся Яшка.

«Почему»!.. Нет, Стасик не сомневался, что Белый шарик может превратиться в мальчика. Но разве... в такого вот? В тощего лохматого замухрышку! Не то цыганенок из табора за вокзалом, не то просто беспризорник.

Яшка понял. Переступил на желтых солнечных полицах босыми ногами.

— Я и сам хотел... Ну, чтобы как на портрете у Полины Платоновны. А вышло вон что. Ну, раз я такой...

Что-то сдвинулось в душе у Стасика. И уже не от неверия, а от смущения он глупо сказал:

— Докажи.

Мальчик посмотрел из-под волос уже без веселых искорок.

— Дурак ты, Вильсон. А кто вылечил Катю?

— Ты? — сказал Стасик радостно и виновато (а Катюшка все приседала, держась за планку, и улыбалась).

— А может, ты? — отозвался Яшка уже с ехидцей.

Это была последняя капля. Все изменилось вокруг и в самом Стасике, хлынуло на него горячее счастье. Потому что все разом! И Катюшка здоровая, и лето пришло, и Белый шарик вот он, живой, настоящий! Главное, что это ОН. А какой с виду, вовсе и не важно... Нет, важно! Замечательно, что он не киношный Тимур, которого Стасик наверняка стеснялся бы, а настоящий веселый Яшка!

Даже у самых сдержанных мальчишек бывают в жизни моменты, когда чувства не сдержать. Потом и вспомнить неловко, а в этот миг в душе кипенье радостных слез. Стасик облепил Яшку, уткнулся носом в его голое плечо, зашептал:

— Хороший ты мой... Ты насовсем пришел, да?

У Яшки сладко защебетало в груди и в горле. Он закашлялся. Погладил торчащие под рубашкой Стаськины лопатки.

— Ну, чего... ладно... Гляди, Катюшке надо пеленки менять.

— А ты ее как вылечил? Полностью?

— А че, наполовину, что ли? Делов-то...

— Мама с ума сойдет от радости!

Мама не сошла с ума. Но радости и правда было много. И страха: а вдруг это лишь короткое облегчение в болезни? Тут же мама потащила Катюшку в поликлинику. Участковая врачиха, недавно предрекавшая печальный конец, была в отпуске. А замещавшая ее докторша рассердилась:

— Что вы морочите голову! Здоровый ребенок! Потом посмотрела записи в истории болезни и только плечами пожала.

Зямина бабушка сказала, что вечером пойдем в церковь — с благодарственной молитвой Богородице. Мама украдкой сунула ей деньги: пусть поставит свечку, самую большую. Соседи шумно обсуждали счастливое выздоровление самой младшей жительницы дома. И в общей этой радости никто особенно не обратил внимания на пацана, которого Стасик привел с улицы. Нашел себе нового приятеля, ну и ладно... Мама покормила их макаронами с жареным луком и отпустила Стасика гулять до вечера.

Вот это был день! Наверно, самый счастливый.

Яшка сразу предупредил:

— Ты сегодня меня ни о чем не спрашивай. Давай жить по-человечески. Будто мы с тобой всегда так, давно...

Стасику того и надо! Он потащил Яшку показывать город. Сперва, конечно, Банный лог и реку. Был паводок, река затопила на левом берегу деревья, и минареты торчали, как маяки... У пристани пыхтели сразу три парохода, и шумела рядом с дебаркадерами толпа, как на ярмарке.

Все это Яшка видел совсем недавно, когда с Дороги попал на берег. Но тогда не обратил внимания, а теперь смотрел на пристанскую жизнь как бы глазами Вильсона. Казалось бы: ну, пароходы, ну, люди. Ну, утесовская песня из репродуктора на башенке: «Шаланды, полные кефали...» Но было в этом что-то праздничное, приморское, почти сказочное! И праздник этот на весь день заразил Яшку и Стасика радостью, трепетной, как пароходные вымпела и флаги на ветру...

Потом они пошли в Городской сад. Стасик разменял пятирублевую бумажку, которую на радостях дала ему мама. Два рубля потратили на карусель с деревянными конями, три — на маленькую порцию мороженого. Лизали по очереди зажатый между вафлями молочно-сахаристый кругляшок и млели от удовольствия.

На главной площадке сада в этот день впервые пустили фонтан. Струи били из рогов чугунного оленя и сыпались в круглый бассейн. Там, конечно, шум, визг, брызганье — настоящий морской бой. Кое-кто залез через бетонный барьер в воду, а один даже упал — прямо в штанах и рубашке. Столько хохоту! Порезвились от души и Яшка со Стасиком. Пока всех

не разогнала тетка в брезентовом фартуке. Она орала и махала метлой...

Яшка и Стасик отдышались на лужайке у изгороди.

— Во, психопатка, — сказал Стасик, поглядывая сквозь кусты. — Жалко ей, что люди побрызгаются.

— А мне понравилось! — возразил Яшка. — Приключения и погоня!.. Вильсон, может, она это нарочно? Чтобы всем интереснее сделалось?

Яшка был еще наивный, не очень знакомый с жизнью.

Когда немного обсохли, Стасик предложил:

— Пошли в другой сад, в Андреевский. У меня там пацаны знакомые. Или в футбол поиграем, или еще как-нибудь. Айда?

— Айда! — вскочил с травы Яшка. — Мне все интересно! Хоть куда, лишь бы с тобой!

Но ребят в Андреевском саду они не встретили, а у дверей Клуба железнодорожников висела афиша — о том, что идет английское кино «Багдадский вор».

— Цветное... — завздыхал Стасик. — Я его ни разу не видел, а ребята в школе говорили, что картина — во!.. А деньги мы прогуляли.

Яшка почесал кудлатое темя и зачем-то бухнулся коленками в траву. Низко нагнулся.

— Ты чего? — испугался Стасик.

— Да ничего... Кузнечик тут, я поймать хотел... — Он запустил пальцы в карман на трусиках, которого Стасик раньше не замечал. Вынул две новенькие трешки. — Такие годятся?

— Ага... Откуда у тебя?

— Командировочные выдали, — уклончиво пошутил Яшка и начал отклеивать от коленок липкую чешую тополиных почек. Не стал признаваться, что деньги вместе с карманом сию минуту сотворил из листьев подорожника.

...Кино восхитило одинаково и Стасика, и Яшку.

— Только, по-моему, зря этот джинн-мальчишка превратился совсем в обыкновенного человека, — сказал Стасик. — Маленько волшебства все-таки не мешает. А?

— Не знаю, — вздохнул Яшка. — Мне сейчас хочется стать совсем-совсем обыкновенным.

Стасик глянул на него украдкой и застыдил свои слова. Он ведь совершенно забыл, кто на самом деле этот веселый, растрепанный и слегка чумазый Яшка.

Легкая тень отчуждения легла между ними. Нет, не отчуждения, а неловкости и какой-то опаски. Стасик сердито задавил в себе это чувство. Сказал деловито:

— Ночевать у нас будешь, да? Мама согласится, не бойся.

Был уже вечер, они шли по Первомайской улице, и низкое солнце мелькало над заборами среди рябин.

— Не... На ночь я уж к себе. А то мало ли что...

Стасик загрустил, но сказал понимающе:

— Попадет?

— Крик подымут. Особенно Желтые тетушки.

— А еще придешь? — Стасик вдруг очень заволновался. — Ты ведь не последний раз, да?

— Приду, приду! — Яшка переливчато засмеялся. — Завтра же! — И не осталось между ними даже намека на тень.

— А отсюда... как уходить будешь? Можно посмотреть?

Яшка слегка насупился. Еще днем приметил он у берега ржавую баржу, наверняка пустую. Туда он и заберется, поглубже в трюм. И тогда уж... Потому что не превращаться же в статую на глазах у Вильсона! Белый шарик знал характер друга и понимал, как это ударит по Стасикиным нервам... И куда Вильсон денется с каменным пацаном в тряпичных трусиках и майке? И сколько набегит любопытных... А в трюме

скульптуру никто не обнаружит. Вряд ли есть желающие шастать ночью по глубоким железным закоулкам. И уж тем более никогда не полезет в трюм Вильсон, Яшке-то известно, как не любит Стасик глухие и темные помещения. Конечно, Вильсон не виноват в этом страхе, просто натерпелся, бедняга...

— Ты проводи меня до реки, а там уж я сам, один... Смотреть не надо...

Опять грустно и с пониманием Стасик сказал:

— Тайна, да?

— Не тайна, не... может не получится, если кто-то смотрит. Импульс не пойдет. И тогда... вдруг какое-нибудь межзвездное нарушение... — покривил душой Яшка.

По Банному логу они опять вышли к пристани, оттуда к станции Река и поднялись до половины откоса. Яшка нашел место, где выступ берега скрывал от глаз баржу.

— Вот здесь и стой... Я пойду, а ты не смотри за мной и медленно считай до ста. Обещаешь?

— Честно-пионерско, — Стасик взялся за кончик галстука (он так и гулял сегодня в «парадной форме»; ох и будет от мамы за перемазанную рубашку!). — Значит, до завтра?

— Честно-пионерско, — серьезно сказал Яшка. Он, если строго рассуждать, не имел права давать такое слово, но Стасик поверил. Яшка поддержал Стасика за локти горячими пальцами и прыгнул за выступ, в бурьян...

Через минуту Яшка нырнул в люк на железной палубе. Ушибаясь, плутая в запахах ржавчины, забрался в дальний трюмный отсек. Сел, съежился, уткнулся лбом в колени. И невидимым лучом ушел сквозь пространство.

2

Побежали, по-ребячьи запрыгали счастливые летние дни. Потом... Стасику казалось, что лето промелькнуло стремительно. Однако пока оно шло — было бесконечным.

...В один из первых дней Яшка познакомился с Полиной Платоновной. Вот как это случилось. Никого дома не было, кроме ребят, уснувшей Катюшки и Зяиной бабушки, которая за ней присматривала. И Стасик решил показать Яшке фисгармонию.

— Смотри, педали надо давить по очереди, а клавиши нажимать... Вот... — Стасик сел к инструменту и довольно ловко сыграл «Капитан, капитан, улыbnись...»

— Пусти-ка... — попросил Яшка.

— Только сильно не жми, а то Катюшка проснется, громче этой штуки загудит.

— Не проснется, — рассеянно отозвался Яшка. Поставил босые ноги на педали. Положил на клавиши пальцы с грязными костяшками и нестриженными ногтями. Качнул, надавил. Низкая, но чистая нота вошла в тишину. Яшка пальцами левой руки пробежал по клавишам, вплеп в эту ноту робкий мотив. Послушал, наклонив к плечу голову. Не очень уверенно, однако так, словно уже знаком с инструментом, заиграл двумя руками. Что-то неровное, осторожное, печальное... И вдруг старенькая фисгармония вздохнула, как великан. Незнакомый, берущий за душу музыкой раздвинула комнату, впустила в нее ласково-тревожное пространство, пересыпанное огоньками, похожими на окна и фонарики далекого города... Это была странная песня, где сплетались и колыбельная, и мелодия дальних дорог. А потом в ней звучали Стасикины сыны с гудящим под ветром такелажом и пальмовыми берегами...

Яшка вдруг оборвал игру и оглянулся. И Стасик... В дверях стояла (как в прошлый раз!) Полина Платоновна. Маленькая, скособоленная, седая. Держалась за косяк, будто у нее кружилась голова. Смотрела на Яшку, а глаза у нее были необычно синие. Впрочем, Стасик лишь мельком отметил это, музыка не сразу отпустила его.

Яшка встал. Не как застигнутый врасплох растрепанный Яшка, а будто воспитанный ребенок в просторной гостиной у рояля. Сдвинул пятки, опустил руки, наклонил голову.

— Где ты научился так играть, мальчик?

Он сказал полупрошептом:

— Я не знаю... Извините, я просто так... Играю, вот и все.

— Феноменально... А чья это музыка?

— Я... не помню. Извините, — опять сказал Яшка.

Полина Платоновна подошла, положила сухую ладонь на Яшкину кудлатую голову, слегка запрокинула ее.

— Откуда ты, мальчик?

— Он... из детдома, — бухнул первое, что пришло в голову, Стасик. — Яшка, пошли! Мама на рынок сходить велела!

Они и правда пошли на рынок за зеленым луком, и по дороге Яшка спросил:

— А почему ты сказал, что я из детдома?

— А что надо было сказать? С неба упал?.. Слушай, а ты в самом деле не учился играть?

— А разве музыка учатся? Она у меня сама собой... Не знаю, как...

Конечно, вечером Полина Платоновна сказала маме, какой, оказывается, талантливый друг у Стасика. И мама наконец спохватилась:

— Слушай, я давно собираюсь спросить. Этот приятель твой... Яшка, кажется? Он откуда? Правда, что из детдома?

— Ага, из Заречного, — вздохнул Стасик. В Заречном поселке в самом деле был детдом. Далеко, на отшибе. В городе на «заречников» косились: недобрая была у детдомовцев слава. Стасик мамини опасения понимал и начал вдохновенно сочинять. Яшка, мол, не такой, как другие: не курит, не ворует и даже никогда не ругается.

— Мы на берегу познакомились, когда он один гулял. Он из детдома часто уходит, потому что не нравится ему там...

— А воспитатели не наказывают его за отлучку?

— Не-е... Там только вечером ребят считают, сейчас ведь каникулы. А днем если кого нет, другим в обед лишняя порция достанется...

Кое-что о нравах Заречного дома Стасик слышал от ребят и потому врал натурально. Мама вздохнула:

— Да, видать, кормят их не очень. Тощенький совсем... А почему он такой косматый? Ведь все детдомовцы стриженные...

— А... он не хотел стричься, упирался, как мог. А сейчас их парикмахер в отпуске...

— И раздетый все время бегаёт, в трусиках и майке. А сегодня день такой прохладный.

— Потому что... большие пацаны у него одежду стырили... то есть стащили. На папиросы поменяли, — опять выкрутился Стасик. Мама только головой покачала.

На следующий день было воскресенье, все оказались дома. И едва Яшка появился, женщины дружно взялись за него. Нет, ни о чем не расспрашивали, понимали, что нельзя беречь детдомовскому мальчонке душу, но зато весело и решительно вымыли его, остригли ногти, позвали Маню с машинкой и ножницами...

— Ох и зарос! — удивлялась Зямина мать. — Зинаида, а ну иди с кухни! Не видала, как мальчишек стригут?

— Только не очень коротко, — тревожилась Полина Платоновна. — Жаль такие волосы... Левушка тоже не любил коротко стричься. Его даже девочкой дразнили иногда...

Яшка подчинялся женским заботам без смущения, охотно.

— Я Стаськину ковбойку Яше подарю, — сказала мама. — Хотела еще и брюки серые, да посмотрела, там дыра на дыре...

— А пойдём-ка, Яша, со мной, — позвала Полина Платоновна. И увела его — чистого, подстриженного — к себе. Скоро Яшка появился перед всеми в костюме мужественного военного-полевого цвета. Это были штаны до колен и рубашка, подпоясанная желтым ремешком, как гимнастерка. На рукаве — вышитый значок: белые поленья и оранжево-красное пламя костра.

— Левушка носил... Был у них отряд имени Первой Конной, и он там горнистом... На сборы ходил в этой форме и на первомайский парад... Да не успел износить, вырос...

Все примолкли, будто сам Левушка появился здесь и тихо сел в сторонке. Многие ведь его знали и помнили. А мама... Она, может быть, Катю вспомнила. Не нынешнюю Катюшку, а старшую Стаськину сестру.

Зямина мать наконец сказала:

— Дах он же истреплет ее за неделю, красоту такую. На их, на окаянных, все горит.

— А и пусть треплет, — отозвалась Полина Платоновна негромко и суховато. — Не дело это, чтобы ребячья одежда лежала недоношенная. Ни от чего это не спасает...

Яшка смущенно переступил босыми ногами.

Но нашли для него и сандалии...

Тетя Рита, Зямина мать, оказалась права. Очень скоро Яшка извозил и пообтрепал свой костюм так, как Левушка не сумел это сделать за все пионерские годы. Потому что жизнь у Яшки и Стасика была бурная. Во-первых, они часто играли в зарослях на берегу. И в индейцев, и в партизан, и в «штурм крепости» (иногда и Зяму брали с собой и еще семилетнего Вовку Пантюхина, племянника парикмахерши Мани, — чтобы побольше народу было при штурме). А еще неподалеку от Банного лога был пустырь, который назывался «полянкой». Там гоңяли залатанный кирзовый мяч местные мальчишки. Когда они увидели, как играет в футбол Яшка, то чуть не каждый день приходили звать его. И Стасика заодно.

Стасик Яшкиным успехам не завидовал. Яшке и полагалось быть самым ловким, самым смелым. И рядом с ним Стасик испытывал защищенность от всех бед, от всех недругов...

А потом наступил день Стаськинского торжества, день Великого Отмщения. Судьба привела на полянку Бледного Чичу. Судьба — несчастливая для Чичи и его дружков.

Дружков этих было и на сей раз трое. Некий невзрачный Чебик (он зимой вместе с другими отбирал у Стасика снегурки), пухлый аккуратный Бомзик в вельветовом костюмчике и, конечно же, Хрын!

Ребята перестали играть. Видимо, Чичу знали здесь и не очень-то любили. Он вошел на полянку вихляющей походочкой.

— Физкульт-привет! Где «Динамо», где «Спартак»? Кто не скажет, тот дурак.

— Ты и есть последнее слово, — заявил в ответ Стасик. Нельзя сказать, что было совсем не страшно.

И все же он чувствовал — настало время! Посмотрел на Яшку. Яшка все понимал.

Чича Стаськиным словам удивился. И обрадовался:

— Ви-ильсон! Матросик! Ты что-то сказал, а?

Будь он поумнее, понял бы: Стасик зря нарываться не будет, есть у него какой-то боевой резерв. Но это же смешно и непостижимо — бояться Вильсона!

— Ах ты, моя курочка морская! У-тю-тю... — Чича растопырил пятерню и, приседая, пошел к Стасику. — Ох, а это кто? Что за новая фотография? — Он увидел Яшку. Тот быстро встал к Стасику спиной. Прижался.

Это твердое прикосновение полностью выгнало страх из Стасика. Пусть только подойдут!.. И они подошли — с четырех сторон. С ухмылками, с вихлянием. Ближе всех оказался Бомзик. Стасик не стал ждать — первым въехал ему ладонью по мягкому, как пельмень, уху! И тут же — костяшками по носу! Бомзик пискнул, присел. Стасик, яростно вдохновившись, обернулся к Хрыну. Тот мигал. Стасик нагнулся — и головой ему в пузо! Пришлось, правда, оторваться от Яшкиной спины, но это уже не имело значения. Бомзик скулил, Хрын сгребался, тарачился и хлопал развесистыми губами... Чича где?!

Чичу и Чебика лупил Яшка. При этом он похож был не на мальчишку, а на какое-то стремительное существо с десятком рук и ног — так они мелькали, осыпая врагов пинками и тумаками. Он летал между Чебиком и Чичей, и те, ошарашенные, почти не сопротивлялись. Чебик, наконец, побежал, обняв голову, а Бледный Чича (грозный Чичал) упал на четвереньки и завопил:

— Псих! Чё лезешь, тебя трогали?! Васяне скажу, он тебя... а-а-а! Уйди. Гунычу скажу, зарежет! Пусти, псих!!

Завершила короткий этот бой кавалерийская сцена. На глазах у притихших зрителей-футболистов Чича быстро-быстро бежал на локтях и коленках по заросшей клевером канаве, а Яшка сидел на нем задом наперед и ритмично впечатывая ему в штаны снятую с себя сандалию...

Но Яшке все-таки досталось.

— У тебя из носа кровь капает...

Яшка засмеялся, остановил кровь легким взмахом ладони. Но бурные капли уже успели испачкать на груди рубашку.

— Надо застирать, — озабоченно сказал один из мальчишек. — А то будет вам дома... Идите на колонку.

— Лучше на берег, — решил Яшка. Был уже вечер.

С обрыва Яшка и Стасик спустились по лестнице к станции, а оттуда к воде. Выстирали рубашку. Яшка так и натянул ее — мокрою. Стасика аж передернуло:

— Холодно ведь!

— Не-а. Сейчас высохнет.

И правда, рубашка высыхала на глазах. Стасик вздохнул. Он не очень любил, когда Яшка демонстрировал свое волшебство. Пусть лучше будет совсем обыкновенным... Хотя, надо признать, сегодня Яшкины неземные способности оченьгодились.

— Здорово ты их всех разнес! — радостно вспомнил Стасик.

— Почему я? — искренне удивился Яшка. — Мы же вместе.

— Ну уж, «вместе». Я только чуть-чуть, а ты вон как! Хорошо все-таки, когда в тебе это... звездная сила.

Яшка удивился еще больше:

— Какая сила? Я про это и не помнил. Просто лупил их! За все, что было... За то, как они коньки

у тебя... И в лагере... — Он поспел, вытер нос рукавом с поблекшей вышитой эмблемой. И сказал, насупившись от неловкости: — Если вдвоем, то можно без всякой звездной силы.

А Стасик — Яшкин друг Вильсон! — опять возликовал в душе.

ОКНО

1

Да, не по душе было Стасику Яшкино мелкое волшебство. Эти фокусы с трещками из подорожников, с лишними пулями для пневматических ружей, когда стреляли в тире Городского сада. Или с горстями карамели, которой он угощал на полянке мальчишек. С одной стороны, вроде бы приятно, интересно. А с другой... Какое-то ревнивое беспокойство портило Стасику радость. Раньше, когда Белый шарик еще не стал Яшкой, Стасик совсем не прочь был пользоваться его колдовской силой. А сейчас хотелось, чтобы Яшка был обыкновенным пацаном... И еще хотелось, чтобы он пореже исчезал в непонятных, чужих для Стасика пространствах Великого Кристалла...

Яшка все это чувствовал и не злоупотреблял фокусами. Однако совсем без них было не обойтись. Например, когда нужна стала справка из детдома... Впрочем, это случилось не скоро, в начале августа. А пока дни бежали вполне беззаботно. Катюшка (вот тут спасибо Яшке огромное!) росла здоровая и веселая. Очень рано стала говорить и в июне уже произносила: «мама», «фасик» (что означало «Стасик») и «кисей» (то есть «кисель»). Мама тоже повеселела, реже гоняла Стасика по всяким хозяйственным делам (пусть погуляет на каникулах) и даже стала отпускать с Яшкой купаться на мелководье.

Ох и радость это была: нырять с плеч друг друга или с хохотом брызгаться, стоя по грудь в теплой желтоватой воде! Или бросить мячик и плыть к нему наперегонки!

Один раз позабыли резиновый мячик дома, и Яшка сказал:

— А давай шарик. Ты же его всегда с собой носишь.

Стасик достал из кармана белый целлулоидный мячик — прежнее жилище Яшки (когда Шарик Яшкой еще не был). Швыряли его друг другу, гонялись за ним. А потом Яшка совсем развеселился и закинул шарик далеко-далеко: тот еле заметным поплавком запыргал на желтой ряби. Стасик забеспокоился:

— Мне туда не доплыть.

Яшка, который мог бы, конечно, переплыть и Черное море, видно, решил не хвастаться перед Вильсоном.

— Ох, я тоже не доплыву.

— Ну что ты придуриваешься!

— Да правда! Я же пока только по-собачьи умею, как и ты...

— Пропадет ведь шарик!

— Подумаешь! Пусть плывет! Зачем он, если я и так всегда здесь! — беззаботно сказал Яшка.

И Стасика опять окатило теплым счастьем...

Случалось, что Яшка исчезал суток на двое-трое. А один раз не появлялся даже неделю. И не только потому, что идея Всеобщего Резонанса требовала труда от всех шаров и от Белого шарика в том числе. Просто Яшка чуткими нервами угадывал, когда Стасик уставал. От игр, от беготни по знойным улицам, от реки и даже от него, от Яшки. Сам Стасик ни за что не признался бы в такой усталости. Но все же было хорошо иногда посидеть одному дома, пове-

зиться с Катюшкой, поваляться на кушетке с книжкой или поиграть в шашки с Зямой, которая очень ревниво относилась к Стаськиной дружбе с Яшкой...

Мама говорила:

— Что это твой друг ненаглядный не появляется? Я даже соскучилась.

— Воспитатели строгие, — вздыхал Стасик. — Особенно две Желтых тетушки. Такие зануды...

— Почему они желтые?

— Ну, прозвище такое. А есть еще Белый шар. Он у них главный... Не пускают Яшку.

Но скоро Яшка возникал опять — веселый, кудлатый. Он удивительно быстро оброс. А вернее, просто забыл, что надо превращаться в подстриженного мальчика. Ведь мраморный-то мальчишка, спрятанный в трюме баржи, был с локонами...

Однажды после трехдневной разлуки Стасик и Яшка так обрадовались друг другу, что загуляли на целый день. Сперва купались — до гусиной кожи и посинения, затем, сотрясаясь крупной дрожью, отогревались на горячем песке, после этого лезли в воду снова. Потом пошли на полянку, где компания под руководством конопатого Витьки Петуха строила «машину», чтобы кататься на ней по горкам Банного лога. «Машина» была обыкновенная двухколесная тележка с оглоблями, на каких обычно возят кадушки от водоквочки. Между оглоблями приспособили третье колесо, и Витька назвал эту конструкцию научным словом «трицикл».

«Трицикл», погромыхивая, прыгал по горкам вниз, бабки у калиток несердито ругались, куры мчались в подворотни, а двое-трое пассажиров орало от восторга. Остальные ребята бежали и придерживали «машину» за веревку, чтобы не занесло.

Но в конце концов не удержали. И веселье вмиг кончилось, потому что оказалось: маленький Вовка Пантюхин сидит в лебедь, тихонько плачет и встать не может. На плече кровь, а левой рукой пошевелить нельзя, видать вывихнута.

Ох и перепугались все! И дома достанется, и Вовку жалко.

Яшка положил ему на плечо ладони.

— Не плачь...

Вовка всхлипнул еще, хныкнул, мигнул... и заулыбался осторожненько. Царапины затянулись на глазах. Яшка легонько потянул его за руку.

— Не бойся... Вот и все. Не болит?

— Не-а... — Вовка заулыбался уже шире — заплаканный, щербатый, доверчивый. И встал...

Больше в тот день не катались. Петух сказал, что нужно усовершенствовать тормозную систему. Погоняли на полянке мячик и разошлись. Есть захотелось. Но Стасик и Яшка обедать не пошли. Понимали в глубине души, что добром это не кончится, но слишком уж беззаботное было у обоих настроение. Стасик на сей раз не стал дуться, когда Яшка, отвернувшись, превратил подобранный в канаве вылущенный подсолнух в половинку мягкого каравая. Сказал только:

— Опять лишнюю энергию тратишь.

— Ага, — вздохнул Яшка. — А есть-то охота.

Веселье и вольные, как два воробья, заскакали они, запрыгали через весь город в клуб сетевозальной фабрики, где шла старая, но замечательная кинокомедия «Цирк». Об этом они прочитали на афишной тумбе на углу Пароходной улицы. Однако афиша наврала: самый ранний сеанс начинался не в четыре часа, а в шесть. Ну и ладно! Погуляли еще по улицам, поторчали у витрины «Электротоваров», поглазели на новинку: игрушечную железную дорогу (паровозик и вагончики бегали, светфор мигал)...

Фильм был длинный, кончился около восьми. Вечер уже. Чтобы скорее добраться до дома, пошли на-

прямик, через стадион, потом через лог (не Банный, а настоящий овраг). Торопились, беспокоились. Прощедший длинный день гудел в головах — солнцем, усталостью и музыкой из кино. Стасик в маршевом ритме насвистывал колыбельную, под которую в фильме баюкали негретенка. Потом сказал:

— Интересно, где такого взяли, чтоб в кино снимать? Неужели правда из Америки?

— Может, покрасили?

— Не-е, видно же, что настоящий... Ох, Яшка, а что если бы ты однажды в негретенка превратился?! Вот толпа бы за нами ходила! Конечно, у нас равноправие, но все равно бы глазели...

— А мы и так будто негры. Только местами, — вздохнул Яшка. — Мама твоя опять скажет: «По каким трубам вы лазали! Коленки, как у арапов!»

— Она не только это скажет, — затуманился и Стасик. — Мы еще так подолгу ни разу не гуляли. Будет мне...

— Я с тобой пойду. Двоим-то, может, меньше попадет.

Солнце уже катилось за крыши.

— Давай, Яшка, скорее!

Но на пути к дому задержало их еще одно происшествие. На углу Пароходной и тихого Степного переулка Стасик замер, дернул Яшку к себе, оба укрылись за афишной тумбой.

— Смотри... Во, гад! Неужели опять к нам намылился?

— Кто?

— Да Коптельч же! Помнишь, я рассказывал?

Коптельч — сутулый, словно боящийся чего-то — семенял по мосткам вдоль забора.

— Вынюхивает что-то, паразит, — понимающе отозвался Яшка.

От столба к тополю, от тополя к палисаднику они двинулись за Коптельчем. Тот скоро нырнул в калитку у неприметных ворот. Стасик и Яшка прижались носами к щелям в воротах.

Коптельч в дом не пошел. Юркнул в легковушку, стоявшую посреди двора. В зеленую трофейную «BMW». Тут же с крыльца спустился дядька — в штатском пиджаке, но в голубой фуражке с малиновым околышем. Пошел открывать ворота. Яшка и Стасик шарахнулись, залегли в травянистом кювете.

Машина выехала. Дядька — уже без фуражки — вылез, притворил ворота, сел в машину опять. «Бээм-вэшка» укатила.

— Ну вот, — сказал Стасик, сдувая с губ семена одуванчика. — Правильно мама говорила, что он с этими...

— Да может, это все случайно. Подумаешь, фуражка. Может быть, это какой-нибудь демобилизованный...

— А машина-то! Она ихняя. Весь город ее знает.

— Ну и пусть! Не к вам ведь они поехали!

Но Стаськино настроение угасло — так же, как угасал над Пароходной улицей день. Зачем они следили за этим шпионом и пьяницей? Только время потеряли, и от мамы влетит еще больше...

Мама развешивала во дворе Катькины ползунки и пеленки. Оглянулась на звяканье калитки.

— А! Ну-ну... Явились, голубчики.

В сумерках не очень различимо было ее лицо, но Стасик знал, какое оно. Мама повысила голос:

— Я все соседние улицы обегала, всех ребят переспрашивала! Где? Куда девались? Может, уже на дне реки искать?

— Ну уж, на дне... — осторожно сказал Стасик.

— Ты мне поговори! Где вас носило?! Смерти моей хотите?!

Надо же такие слова сказать!

— Но мы ведь никуда не пропали! — Стасик для убедительности прижал к груди кулаки. — Мы — вот они! Значит, надо не ругать, а радоваться!

— Да-а?... Мама если и обрадовалась, то как-то странно. — А ну-ка иди сюда... радость моя...

И он подошел. И мама, вздохнув, огрела свою ненаглядную радость мокрой пеленкой между лопаток. И Стасик возликовал, потому что вот и все: не будет, значит, долгих выговоров и упреков! И вдруг подскочил Яшка:

— А меня тоже! Потому что мы вместе! У нас равноправие!

— С удовольствием, — сказала мама и вытянула пеленкой Яшку. Опустила руки и засмеялась. — Нет, ну в самом деле... Варвары вы... Теперь вот еще пеленку заново стирать, вы же, как черти, чумазые...

— Как арапы! — радостно откликнулся Яшка.

— Молчи уж, арап... Как ты теперь к себе в Заречный-то пойдешь? В такую даль один, на ночь глядя. Еще и от воспитателей влетит.

Яшка незаметно лягнул Вильсона и сообщил:

— А я отпросился. Ну, чтоб у вас переночевать...

— Ах как приятно! Одного шалопаю мне, конечно, мало!

— Ну, ма-ма! — завопил Стасик радостно и тревожно: вдруг она не разрешит?

— Ладно. А за все ваши фокусы завтра с утра — подневольный труд на плантациях. Будете окучивать картошку не только на нашей грядке, но и у Полины Платоновны. У нее спина болит.

— Подумаешь, «подневольный»! — Яшка встал на руки. — Мы и так!..

— А теперь марш по воду! Мне полоскаться надо. Вода была рядом, в колодце на огороде. Стасик и Яшка бросились в сени за ведром.

— Не греметь там, Катю разбудите!

— Ага!.. «Гремя огнем, сверкая блеском стали, пойдут машины в яростный поход!» — ликующе вопил Стасик. — Когда нас в бой пошлет товарищ Сталин!..»

— Вот он пошлет тебя сейчас... — пообещала мама. Стасик смеялся и барабанил по ведру...

Но на огороде он притих, и Яшка тоже. Над грядками стлался не то туман, не то какая-то дымка. Кто-то шелестел в ботве. Над забором висел большой розово-желтый полумесяц. Близкий-близкий, можно камушком добросить.

Повесили на крюк ведро. Цепь зазвенела, ворот заскрипел — будто брашпиль в кинофильме «Робинзон Крузо». Потом плеснуло, забулькало внизу. Вдвоем Стасик и Яшка завертели гладкую железную ручку, ухватили дужку, поставили плещущее ведро на край сруба. И, не сговариваясь, глянули вниз.

В черной квадратной глубине вздрагивал желтый светлячок.

— Ух ты... — сказал Яшка. — Что это там?

— Может, месяц отражается? — прошептал Стасик.

— Что ты... Месяц, он вон где.

— А что тогда? — Стасику страшновато стало и очень интересно. Сказочно так...

— Подожди...

Вода успокоилась. Желтое дрожащее пятно успо-

коилось тоже. И превратилось... в окошко! Маленькое, с переплетом, как буква Т. Словно прятался в колодезной мгле чай-то домик.

— Видишь? — прошептал Яшка.

— Ага...

— Значит, правда,

— Что?

— Я где-то слышал, что если так вот смотреть в темную глубину, окошко покажется. Неизвестно откуда... Только...

— Что? — опять прошептал Стасик.

— Ну, не всякому оно покажется, а тому... ну, в общеп, если он хороший человек.

— Что ж, значит, мы ничего люди, — вздохнул Стасик. — Мама ведь нас простила...

— Про тебя-то я и не сомневался...

— А про себя сомневался, что ли? — сердито спросил Стасик.

— Я вообще сомневался... что человек.

— Ну и дурень, — сказал Стасик с маминой интонацией.

Мама закричала со двора: «Где вы там опять провалились?»

— Идем! — откликнулся Стасик. И чтобы Яшка не обиделся на «дурня», спросил: — А где ты слышал такое? Про окно?

— Не помню. Может, от Лотика в Реттерхальме... У каждого существа в Кристалле должен быть свой дом с окошком...

Они потащили ведро. Вода выплескивалась на ноги, холоднющая. Зато в воздухе тепло пахло сладким пасленом. Месяц светил в спину и тоже будто немножко грел.

— Яш, а давай сделаем свой домики! На двоих! Вроде шалаша. И с окошком! Ночевать там будет.

— Давай! — обрадовался Яшка. — Лишь бы Зяма к нам туда не лезла...

Они умылись на дворе под гремящим рукомошкой. И через минуту уплетали со сковородки картофельные котлеты со шкварками. Так, что щеки скрипели, будто мокрая резина.

— Ой, — спохватился наконец Стасик. — Мама, ты ведь сама-то еще не ужинала?

— До ужина мне было, когда вас где-то носит нелегкая?.. Оставьте мне котлетку.

— Мы три оставим. Мы налопались до треска. Ага, Яш?

Яшка мягко положил вилку, подпер подбородок и смотрел на маму. Стасик тоже на нее посмотрел. Мама у двери склонилась над корытом, спиной к ребятам. В темных гладких волосах ее, в тугом валике на затылке блестя под лампочкой седые нити. Стасику вдруг стало так жаль маму, что намокли глаза. Яшка посмотрел на него — внимательно и чуть виновато, — потом снова отвернулся. Тихо дохнул на ладонь, вытер ее о лоб, медленно протянул руку в сторону мамы. Слово хотел дотянуться, погладить ее по голове. Не дотянулся, конечно, ладонью провел по воздуху... Седина стала быстро темнеть и пропала.

Стасик, чтобы не разреветься, закусил губу и стал разглядывать узор на потертой голубой клеенке.

2

Сосед Андрей Игнатьевич подарил ребятам (не смотря на ворчанье тети Глаши) два листа фанеры, кусок толя для крыши и большой обрывок рыболовной сети. Поэтому домик соорудили быстро. Поставили его в углу двора, у забора, где росли старые кустистые рябины. Вместо передней стенки натянули сеть, вплели в нее ветки и всякую траву. Как в лесной

хижине. Но и окошко, будто в настоящем доме, сделали тоже — в боковой стене. Для него нашлась настоящая маленькая рама с переплетом — видимо, от чердачного окна. Раскопали ее под навесом среди старой мебели. Стекол в раме не было, но Стасик и Яшка затянули ее яромасленной бумагой. Смотреть сквозь такое окно нельзя, зато оно хорошо светится, когда в хижине керосиновая лампа.

— Только не спалите свой дворец и себя, — говорила мама.

— Мы осторожненько...

Подмазывалась, конечно, к ним Зяма. Чтобы приняли в жильцы домика. Стасик и Яшка не гнали ее откровенно, однако не очень и приветствовали. Зяма дулась и один раз даже ревела. Но скоро мать отравила ее в лагерь на третью смену.

А маленького Вовку Пантюхина они всегда встречали по-хорошему. Он был трудолюбивый и ничуть не надоедливый.

Из поленьев и досок соорудили топчан, из старых ватников — постель. Теперь оставалось главное: чтобы Яшка мог ночевать здесь часто, не вызывая ни у кого подозрения.

И однажды вечером на кухне (когда Яшки не было) Стасик начал подъезжать к маме:

— Напиши письмо в детдом, чтобы Яшку отпустили пожить у нас. Ну, хоть на недельку!.. Спать в домике будем. А днем мы — и на рынок, и за хлебом, и посуду мыть, и пол...

— Свежо предание... — вздохнула мама. Она чего-то опасалась.

— Ну, что он, много лишнего, что ли, съест у нас? — в сердцах сказал Стасик.

— Дурень ты. Разве я об этом?

И вдруг вмешалась Полина Платоновна, которая варила на керосинке тыквенную кашу:

— Галина Викторовна, давайте я письмо напишу. Что приглашаю мальчика на свою ответственность. Мне будет приятно...

— Да что вы! — смутилась мама. — Я и сама...

— Нет-нет, позвольте мне. Очень вас прошу...

Так и сделали. А в ответ на письмо Яшка соорудил из тетрадного листа справку с лиловым штампом Заречного детдома и сообщением, что «воспитанник Скицын Яков 10-ти лет отпускается на каникулы к гр. Подбельской П. П. (Катерный пер., 3) на жительство и под ее ответственность с 4-го по 14-е авг. 1948 г.»

— А фамилию-то ты зачем такую сделал? — смущенно сказал Стасик. — Неправдоподобно как-то...

— Ох... Само получилось. Я же не знал, какую... Теперь фиг переделаешь, я справку уже показывал тете Поле.

— Ладно. Может, не заметят.

Полина Платоновна ничего не спросила, а мама, конечно, сказала:

— Это что же? У Яши такая фамилия, как у нас?

— Да! — вывернулся Стасик. — Мы, когда познакомились, сами удивились! Мы, наверно, потому и подружились, верно, Яшка!

Тот добавил правдоподобную деталь:

— Ага!.. Вообще-то, у меня правильно писать надо «Скитцын», да в детдоме всегда путают...

— Ну и ну... — Мама покачала головой.

— А у тебя седина пропала! — быстренько смеялся тему Стасик. — Ты заметила?

— Еще бы! На работе все мне только об этом и говорят. Спрашивают, не покрасилась ли так ловко. «У тебя, — говорят, — парикмахерша знакомая». А я что, с ума сошла на старости лет волосы красить? — Никакая не старость лет! Не выдумывай.

Иногда по ночам налетали грозы, и тогда в домике было жутковато, но все равно здорово. Дождь барабанно лупил по крыше, фанерные стены гудели, как гитарный корпус, в щелях и промасленной бумаге зажигалось белое пламя молний. Гром трахал, как снаряды в кино про войну. А Яшка успокаивал:

— Не бойся, Вильсон, я отведу напряжение, когда молния близко.

— Да не боюсь я,— боязливым восторгом шептал Стасик и прижимался под одеялом к теплому надежному Яшкиному плечу...

Но чаще ночи были ясные, и зеленоватыми лучами пробивалась сквозь траву и сеть луна. Тогда Вильсон и Яшка вели долгие разговоры. И Стасик понимал, что не всегда Яшка веселый и беззаботный... Однажды Яшка сказал:

— Иногда думаю: кто же я все-таки на самом деле?

— А разве... ты не знаешь?

— Бывает, что и не знаю. Белый шарик или Яшка?

— Ну... и то и другое...

— А можно ли, чтобы и то и другое? Человек и звезда...

— Но... ведь можно же! Раз ты есть, вот такой!

— А какой?.. Вильсон, знаешь, это я благодаря тебе понял, как хорошо быть звездой. Раньше казалось, что все обыкновенно, а когда стал тебе рассказывать про те свои дела, про Кристалл, то будто со стороны увидел...

— Ну и хорошо,— Стасик подавил невольную зависть.

Яшка сказал печально:

— А чего хорошего? Звезда-то из меня так, третий сорт... Или еще хуже. Шары правильно ругают...

— Чего правильно! Ты черное покрывало уничтожил!

— Ну, уничтожил... И еще кое-что сделал, только все равно мало. И даже там веду себя, как человек.

— А это, что ли, тоже плохо?— спросил Стасик ревниво.

— Не в том дело. Если бы я человек был настоящим...

— А ты какой? Искусственный, по-твоему?

— Может, и да... Я иногда боюсь, что просто играю в человека. Вы тут на земле живете так... по-настоящему. Трудности всякие бывают и горе. А я будто на праздник прихожу, в гости.

— Ничего себе «в гости»! Ты вон сколько хорошего сделал!

— Опять потому, что я не человек, а... шарик. А вот если совсем по-человечески, я, наверное, не умею.

Стасик помолчал, отодвинулся даже чуть-чуть. Спросил с тяжелой неловкостью, с боязнью горького открытия:

— А вот со мной... то, что ты подружился... Это, значит, тоже играешь?

— Нет,— выдохнул Яшка.— Это как раз по-настоящему... Иначе зачем бы я приходил к тебе? Ты, Вильсон, для меня... все равно, что весь Кристалл.

— И ты... Для меня...

Даже ночью, когда почти не видишь друг друга, даже шепотом — не очень-то легко делать вот такие, от души, признания. Связывает язык тяжкое смущение. Зато, когда скажешь, тепло становится и свободно — как на горячем от солнца берегу! И Стасик торпливо зашептал:

— Понимаешь, мне все равно. Звезда ты или комета, или... ну, самый простой мальчик. Главное, что это Ты. И ты не бойся, ты еще много хорошего делаешь. И по-звездному, и по-человечески. У тебя же столько сил...

— Не так уж много,— вздохнул Яшка.

— Много... Ты даже по времени умеешь летать. Туда-сюда...

— Ну и что...

— Я...— По Стасику холодной судорогой прошла вдруг догадка. О том, что можно сделать.— Яш... А ты ведь можешь оказаться у нас, чтобы раньше... ну, год назад?

— Могу. По обратному темпоральному вектору. Ну и что?

— А сделать так... чтобы патроны у Юлия Генриховича оказались с плохим капсулем. Чтобы осечка... Яшка молчал.

— Или это очень трудно?— с упавшим настроением спросил Стасик.

— Конечно, трудно. Но не в том дело... Известно ведь, что получится.

— Хуже-то все равно не получится!

Яшка ответил с непривычной, почти боязливой ноткой:

— Думаешь, я знаю, что такое Время? Никто не знает, даже самые мудрые шары... Конечно, можно замкнуть темпоральное кольцо. Но это локально... то есть на каком-то участке пространственной грани. И время будет бегать, как по кольцевым рельсам. Ну, помнишь, как паровозик в витрине?

Стасик помнил. Кивнул в темноте.

— ...Только это ведь не все Время, не полное,— задумчиво рассказывал Яшка.— Понимаешь, это как если бы рельсы разложили на деревянной площадке, а площадку пустили в реку. И получится, что замкнутое в кольцо время поплывет в потоке общего времени... И даже не общего. Река-то ведь движется вместе с Землей вокруг Солнца...

— А Солнце тоже куда-то летит...— вздохнул Стасик.

— Ну да!.. Вот видишь, какой сложный путь у паровозика. Кто его угадает?

— Значит, никак нельзя... чтобы патроны подменить...

— Нет, можно, наверно... Надо только посчитать... Ты лежи, потерпи...

И примолк Яшка, натянув до подбородка ветхое одеяло, и даже шевелиться перестал.

И Стасик притих. Ждал. Осторожно скребли по фанере набухшие гроздьи рябины. Где-то гукнул ночной автомобиль (уж не та ли «бээмвэшка?»). Прогудела сирена барки-самоходки у пристани... Луна двигала в темноте свои желто-зеленые пятна. Яшка почти не дышал. Может, уснул? А может... вообще унесся мыслями в свою звездную пирамиду?

Лунная полоса ползла по одеялу, добралась до Яшкиного подбородка, до губ. Губы шевельнулись:

— Можно, чтоб ружье не выстрелило... Только, наверно, лучше не будет.

— Почему не будет?

— Потому что тогда его... Юлия Генриховича... его в сорок девятом году арестуют. Это точно.

— Почему?

— Откуда я знаю? Такие уж у вас порядки.

— «У вас»,— горько сказал Стасик.

— Не обижайся...

— Яш... Ну, пусть! Все-таки это лучше, чем помереть! Потом все равно его отпустят.

— Нет, он умрет в тюрьме... А сейчас он все равно бы не жил, а мучился от страха. И вас бы мучил...

— Яшка, ну все равно. Нельзя же, чтобы из-за этого...

— И маму твою тогда... тоже могут взять,— еле слышно сказал Яшка.

— За что?!

— Потому что жена... А тебя и Катю в детдома. В разные...

Стасик обмер. Яшка объяснил виновато:

— Я не только считал варианты. Я... просто посмотрел, как бы это было.

— Яш... А если совсем далеко уйти по времени назад? И сделать, чтобы вообще ничего такого не было на свете. Может, Гитлера убить, пока он еще молодой? Тогда бы войны не было и фашистов, и шпионов не стали бы искать и всяких врагов народа! И невиноватых не забирали бы в тюрьму!

— Думаешь, одного Гитлера пришлось бы убить для этого? — жестко, не по-мальчишески спросил Яшка.

— А кого еще?

— Многих... Если скажу, ты сейчас все равно не поверишь.

Стасик молчал. Не только от обиды. Еще и от догадок, которые хотелось прогнать. Яшка заговорил примирительно:

— С прошлым надо быть вообще осторожным... Твоя мама в двадцать четвертом году была в Москве и там случайно познакомилась с одним человеком. Столкнулись в толпе, мама сумочку уронила, а он поднял... И потом он сделался твоим отцом... А не упала бы сумочка, и тебя бы на свете никогда не было. Видишь, от каких паутинных тонкостей все зависит: сделав полшага в сторону, и потянулась другая цепочка.

— А ты сделай полшага не в сторону, а куда надо, — хмуро сказал Стасик. — А про меня не волнуйся. Пускай меня и не будет. Лишь бы всем другим людям было хорошо. — И перепуганно напрягся: а вдруг и правда он сейчас исчезнет?

— Храбрый какой, — тихо и необидно усмехнулся Яшка.

— Ну и храбрый...

— Ты-то храбрый, а я нет. И не хочу, чтобы тебя не было... И где что менять в жизни, я не знаю. Да еще и убивать кого-то... Надо, чтобы потом, в будущем, было хорошо, а что случилось раньше, лучше не трогать. Вдруг еще хуже станет?

— Но если рассчитать как следует!

— А кто рассчитает? Тут даже все взрослые не справятся — хоть люди, хоть шары. А я ведь еще не взрослый. Мальчик, как ты. Только ты мальчик среди людей, а я среди звезд.

Окончание следует

Сергей
ГЕОРГИЕВ

Дракон

Прозрачная струйка дыма, скручиваясь, поднималась к высокому небу. Пахло свежим хлебом. Возле крыльца намело снегу выше колена, и не было никаких человеческих следов.

Мы потоптались у крыльца, оглянулись на деревню, поднял глаза к небу, а затем решительно толкнул дверь.

— Проходи, Мы, — приветствовала юношу Пу. — Проходи, гостем будешь! Отведай лепешки!

Пу, ловко орудуя деревянной лопатой, выхватывал из печи пышные, румяные хлеба.

— Говорят, у тебя самый вкусный хлеб в округе, — озираясь, сказал Мы.

— Да, это так, — согласился Пу, закрыв печь за слонкой.

— Но к тебе никто никогда не приходит, — прищурился Мы.

— Ты ведь пришел. — Пу вытер руки о фартук и легонько обнял юношу за плечи, увлекая в дом. — Отведай свежей лепешки, Мы! Хлеб хорош горячим! Я налью тебе молока!

Плечи Мы стали деревянными от прикосновения Пу.

— Твой дом не похож на фанзу, — сказал Мы, внезапно обнаружив себя сидящим за столом, с разломленной пополам дымящейся лепешкой в руках.

— Мой дом похож на мой дом, — ответил Пу.

— Я не привык есть за столом, — облизал сухие губы Мы. — Ты ведь знаешь это, Пу!

— Переходи на циновку, — предложил Пу. Лицо его в течение всего разговора оставалось неподвижным, шевелились только губы.

— Очень вкусная лепешка, — сказал Мы.

— Ты не за этим пришел, — покачал головой Пу.

Мы надолго умолк, не в силах выговорить заготовленной фразы. Пу не торопил юношу.

Наконец Мы поднял голову, сверкнул на старика глазами.

— Люди говорят, у тебя живет дракон! — почти выкрикнул Мы.

— Это правда, — коротко кивнул Пу. — Позволь, я подолью тебе молока.

— Люди говорят, что огненные всполохи по ночам — это твой дракон! Что леденящий душу грохот — это твой дракон! И когда дрожит земля — это тоже твой дракон!

— Да, — наклонил голову Пу. — Это мой дракон.

— Люди боятся... Люди очень боятся... Люди... — от волнения Мы смял податливую лепешку в комок.

— И совершенно напрасно, — безразличным голосом отозвался Пу. — Да, я выпускаю иногда дракона порезвиться. Но это совершенно безопасно, этого не надо бояться.

Старик и юноша опять надолго замолчали. В печи

потрескивали сухие дрова. В доме было жарко.

— Скажи, Пу,— вновь заговорил Мы.— Это правда, что с твоим драконом ты мог бы стать властелином мира?

— Да,— сказал Пу.— Это просто. Достаточно выпустить дракона на волю и показать людям.

— Но ты не сделал этого!

— Ты же сам знаешь,— подтвердил Пу.

— Скажи, Пу,— продолжал Мы.— Это правда, что ты, если бы захотел, мог уничтожить все живое в мире?

— Да,— сказал Пу.— Это совсем просто. Достаточно выпустить дракона и немного подразнить его.

— Но ты не сделаешь этого?— едва не закричал Мы.

— А зачем?— с некоторой даже тенью интереса спросил Пу.— Зачем и кому это нужно?

— Нет,— замолчал головой Мы.— Этого никому не нужно! Люди боятся этого!

— Если дракон уничтожит все живое,— продолжил Пу,— значит он должен уничтожить и меня, а затем самого себя! Ведь мы тоже живые!

— Это не самое страшное!— выдохнул Мы.— Люди боятся другого!

— Чего же?— заинтересовался Пу.— Можно ли уничтожить всех, но за исключением нас двоих? Остаться вдвоем в этом скучном мире? Вдвоем с драконом!

— Нет, нет!— Мы отбросил в сторону нелепый хлебный ком, который ему просто мешал.— Люди боятся, вдруг тебе придет в голову, Пу, уничтожить все... кроме нашей деревни!

— А какая разница,— пожал плечами Пу.— Мы вдвоем с драконом или втроем с деревней? Чем вы лучше или хуже других, которые будут уничтожены?

И вновь старик и юноша надолго замолчали. За окном мела поземка, и, наверное, скоро исчезнут и следы Мы возле крыльца.

— Послушай, Пу, а где он живет, твой дракон?— спросил вдруг Мы.— Где ты его держишь? В хлеву?

— Нет,— Пу подбородком показал в сторону.— Видишь, там в углу, на полу, перевернутый серебряный наперсток! Он там, под наперстком!

Мы вздрогнул.

— Дракон... такой маленький?

— Он огромный,— бесстрастно произнес Пу.— Дракон велик! Хочешь взглянуть?

— Нет!— испуганно вскочил Мы.— Нет!

— И правильно,— согласился Пу.

— Послушай, Пу,— сбивчиво заговорил Мы.— Обладая таким... таким... Ты не стал властелином мира! Хотя мог!

— Я достиг большего,— сказал Пу.

— Большого?! Чего же?!— не понял Мы.

— У меня прекрасный теплый дом на высоком берегу реки,— медленно произнес старый Пу.— И я пеку самый вкусный хлеб в округе.

Мы недоверчиво покачал головой.

— Но если тебе, Пу, не нужен твой дракон, ты мог бы подарить его людям! Нашей деревне хотя бы!

— Ты за этим пришел?— глядя юноше в глаза, спросил Пу.— Еще люди боятся, что будет с драконом, когда я умру?

— Что ты, что ты!— замахал руками Мы.— Кто посмеет убить тебя, Пу! Ведь у тебя дракон!

И опять они надолго замолчали, старик и юноша. — Теплый дом на берегу реки, самый вкусный хлеб в округе...— вслух повторил слова Пу Мы.

— Летними ночами в реке отражаются звезды,— подсказал Пу.

— Но ведь это все можно иметь и не обладая драконом!— пылко воскликнул юноша.

— Это было бы слишком просто,— задумчиво отозвался старик.— Это было бы слишком просто...

Мастер Лю

Большой дом мастера Лю до отказа наполнен часами. Часы висят на стенах, стоят в углах комнат, лежат на полках и столах. Это ничуть не странно, потому что мастер Лю — часовщик.

Часы мастера Лю стучат и тикают, злобно цокают невидимыми колесиками или горестно вздыхают.

Есть здесь старинные английские куранты с тусклым медным маятником и простенькие будильники, французский золотой брегет и судовой хронометр с русского крейсера.

Почти каждую минуту в доме мастера Лю раздаётся малиновый звон или ухажющий бой: это часы отмечают разные круглые и некруглые даты и веки.

Звон утихает в одной комнате и почти сразу же, в новой тональности, звучит в другой.

Дело в том, что все часы в доме мастера Лю показывают разное время.

На французском брегете, скажем, ровно половина второго утра, а будильник на тумбочке уверенно показывает шесть часов сорок две минуты. Значит через минуту покажется кукушка и прокукует полночь.

Все часы мастера Лю идут очень точно, они никогда не отстают и не забегают вперед.

Мастер Лю не китаец и даже не кореец. Просто иметь слишком длинную фамилию неудобно для заповинания и произношения, справедливо рассудил он, а чересчур короткую, как, например, А или Я, неприлично.

— Мастер Лю,— кричит в распахнутое окно гостиной один сосед.— Не пора ли собирать урожай груш, который час?

— Без двух минут три часа пополудни,— отвечает мастер Лю.— Пора или не пора, вам самому решать.

— Мастер Лю,— уже отеснил от окна первого соседа второй.— Скоро ли стает снег и наступит весна?

— Сейчас половина четвертого ночи,— глянув на другие часы, говорит мастер Лю.— Тридцать одна минута четвертого, если быть совсем точным. Значит скоро...

Мастеру Лю, перебивая друг друга, звонят короли и президенты, начальники космических программ и кинозвезды, ждущие своего часа.

— Пять часов пятнадцать минут,— терпеливо отвечает мастер Лю.

— Одиннадцать часов ровно,— переходит он в другую комнату, к нужным часам.

К мастеру Лю идут и идут люди. Они звонят ему и шлют телеграммы, и мастер Лю всем без исключения отвечает.

Конечно, у каждого человека имеются собственные часы. Электронные, кварцевые, обыкновенные, со стальной пружинкой.

Но... большой дом мастера Лю до отказа наполнен часами. Может быть, это имеет значение.

— Отец, а какое сейчас действительно время?— спросил как-то мастера Лю его сын.

— Двенадцать часов пятьдесят четыре минуты,— немедленно отозвался мастер Лю.

— Это точно?— покачал головой сын.

— Двенадцать часов пятьдесят четыре минуты,— семнадцать секунд,— присмотрелся к стрелкам мастер Лю.— Восемнадцать секунд! Девятнадцать!

— Отец, кто-нибудь на свете знает точное время?— настойчиво продолжал сын мастера.— Отец, ты знаешь абсолютно точное время?

— Да,— тихо отозвался мастер Лю и опустил глаза.— Сейчас конец XX века... Вечер...

С АРХИВНОЙ ПОЛКИ

Автор рассказа «Праздник бес- смертия», открывшего этот выпуск «Аэлиты», — Александр Александрович Богданов (наст. фамилия — Ма- линовский; 1873—1928).

Родился он в малообеспеченной семье народного учителя (был вто- рым из шести детей), с золотой ме- далью окончил классическую гим- назию в Туле. В 1892 году поступил в Московский университет (на естест- венное отделение), но вскоре был исключен за народовольческие

взгляды. Высланный в Тулу на основе углубленного изучения «Капитала» К. Маркса и собственных образова- тельных бесед с рабочими пишет и выпускает в 1897 году «Краткий курс экономической науки», оцененный Лениным как «замечательное явле- ние в нашей экономической литера- туре».

Краткая характеристика Богда- нова в «Советском энциклопедиче- ском словаре»:

«Деятель рос. рев. движения, врач, философ, экономист. Чл. РСДРП в 1896—1909, большевик, с 1905 чл. ЦК. С 1908 отзовист, рук. гр. «Вперед». Филос. взгляды Б. (эмпириомонизм) критиковал В. И. Ле- нин в кн. «Материализм и эмпирио- критицизм». Автор утопич. романов «Красная звезда», «Инженер Мэнни». С 1918 идеолог Пролеткульта. Осн. соч. — «Всеобщая организационная наука» (т. 1—2, 1913 — Ин-та перели- вания крови; погиб, производя на себе опыт».

Много любопытного о Богданове, трагически оборвавшейся его жизни, дружеских взаимоотношениях с Лениным, наконец, о его утопиях содержится в очерке В. Ягодинско- го «Марсианин, заброшенный на Землю» (в сборнике «В мире фанта- стики». — М.: Молодая гвардия, 1989. — С. 32—50).

Совсем недавно в серии «Библиотека социалистической мысли»

вышла книга А. Богданова «Вопросы социализма: Работы разных лет» (М.: Политиздат, 1990. — 479 с. — 100 тыс. экз.). К сожалению, мало кто обра- тил внимание на этот солидный том в темно-синем переплете, обидно было еще и нынешней весной ви- деть его лежащим сиротливыми стопками на полках пустующих книж- ных магазинов — и в глухой провин- ции, и в самых крупных «культурных центрах». Обидно — вдвойне, ведь книга эта не только содержит инте- реснейшие сами по себе размышле- ния ученого-писателя по вопросам политики, экономики, социологии, науки, искусства, не только снабже- на обстоятельным предисловием и солидными комментариями, — в нее вошли и оба романа Богданова: не только полухрестоматийная уже «Красная звезда» (опубликованная почему-то, увы, по-прежнему с сокращением), но и «Инженер Мэн- ни» — не переиздававшийся у нас с 1929 года! Составители сборника правы: время заставляет по-новому взглянуть на этот роман, увидеть в нем, наконец, стержневую идею, удивительно созвучную нашим дням, — мысль о недопустимости монополии на принятие решений...

Что касается публикуемого нами рассказа — он печатался лишь од- нажды: в 1914 году, в XIV выпу- ске «Летучих альманахов».

В. БУГРОВ

В ПО- ИСКАХ КОМ- ПАСА

Под этим названием мы уже дважды (см. «УС», 1989, № 6; 1990, № 4) сообщали об «Анжете учета читательского мнения» омского КЛФ «Алькор». Назначение анкеты — выявление лучших, по мнению фэнов, произведений советской и переводной фантастики года; клуб проводит ее, начиная с 1986 года. Произведения, включенные в анкету, разбиты по подгруппам и оцениваются по 11-балльной шкале (от 0 до 10). Интересующихся другими подробностями отсылаем к первому из наших сообщений; здесь же, продолжая традицию, помещаем полученный в феврале от омичей итогов- ый список 1989 года по первой подгруппе (советская фантастика: роман, повесть). В список включены произведения, оцененные выше 5 баллов; указываются место их публикации и средний балл.

1989

А. и Б. Стругацкие. Град обреченный («Нева», 1988, № 9, 10; 1989, № 2, 3)	8,935
А. Кабаков. Невозвращенец («Искусство кино», № 6)	7,029
Л. и Е. Лукины. Миссионеры («Искатель», № 6)	6,992
В. Крапивин. Гуси-гуси, га-га-га («Урал», № 8, 9)	6,970
В. Рыбаков. Доверие («Урал», № 1)	6,720
Н. Ютанов. Путь обмана («Простор», № 8)	6,353
В. Рыбаков. Не успеть («Нева», № 12)	6,342
В. Покровский. Танцы мужчин («Химия и жизнь», № 9—12)	6,027
В. Бабенко. Т. П. («Знание — сила», № 1, 2, 4, 5)	6,023
А. Лазарчук. Путь побежденных («Металлург», № 7—9)	5,929
А. Больных. Видеть звезды («Уральский следопыт», № 2, 3)	5,705
Я. Резник. Магический треугольник («Парус», № 7)	5,541
С. Другаль. Язычники («Уральский следопыт», № 7—9)	5,448
К. Булычев. Перпендикулярный мир («Химия и жизнь», № 1—3)	5,323
А. Больных. Жил-был вор (Свердловск: РИО Упрполиграфиздата)	5,073

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД. помещенный в предыдущем выпуске «Аэлиты»

По горизонтали:

7. Стручок («Голубятня на желтой поляне»). 8. Барабан («Возвращение клипера «Кречет»). 9. Леда («Голубятня на желтой поляне»). 10. Яков (Там же). 11. Оскар («Я иду встречать брата»). 13. Как («Дети синего фламинго»). 15. Кир («Крик петуха»). 16. Воспитатель («Дети синего фламинго»). 17. Тун (Там же). 18. Чек. («Крик петуха»). 20. Карат («Я иду встречать брата»). 22. Сера («Возвращение клипера «Кречет»). 24. Гном (Там же). 25. Монитор («Крик петуха»). 26. Переход (Там же).

По вертикали:

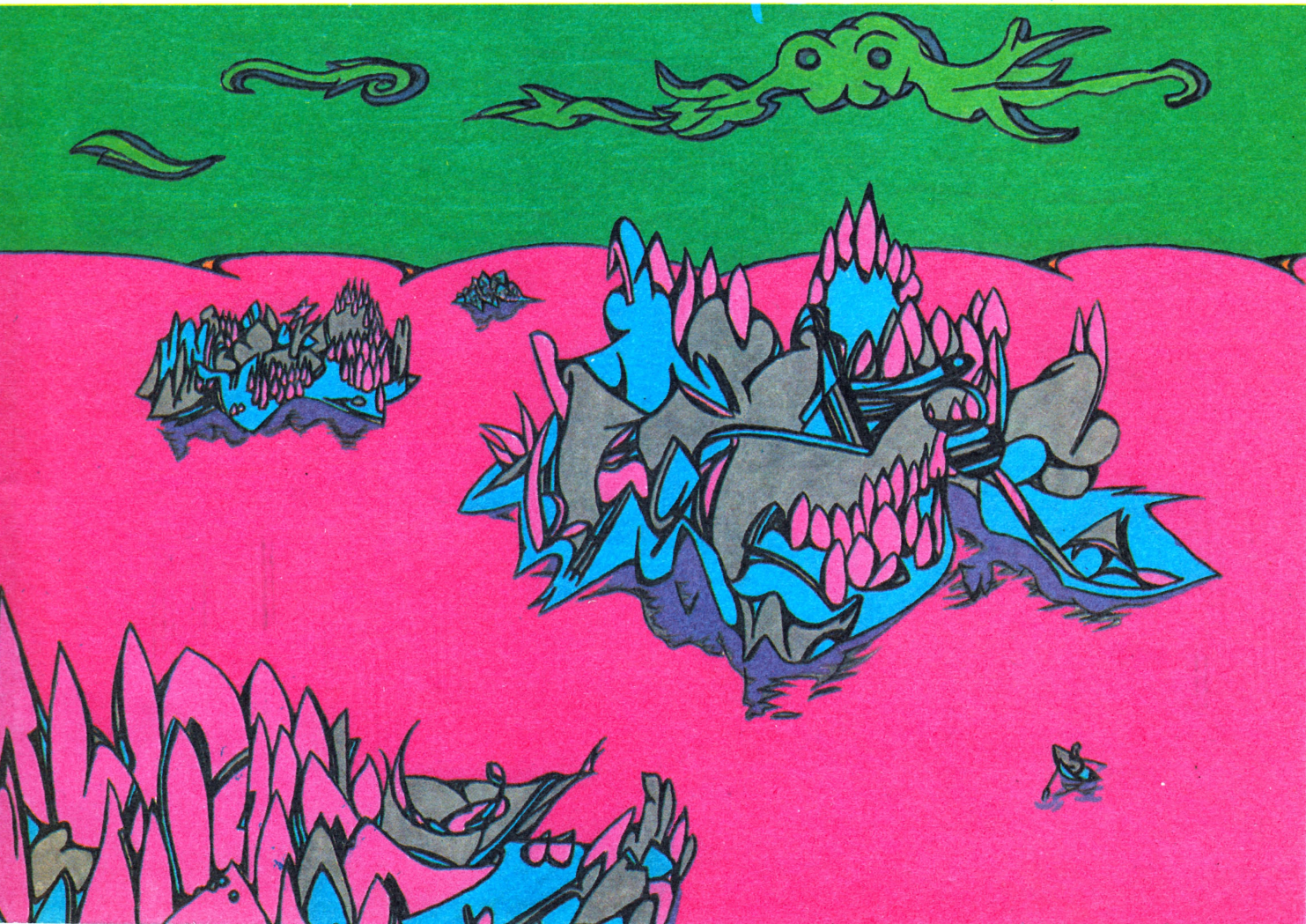
1. Стрелок («Голубятня на желтой поляне»). 2. Руга («Гуси-гуси, га-га-га...»). 3. Кольцо («Голубятня на желтой поляне»). 4. Мастер («В ночь большого прилива»). 5. Баня («Тополиная рубашка»). 6. Радомир («Крик петуха»). 12. Кентавр («Голубятня на желтой поляне»). 14. Клоун (Там же). 15. Кольч (Там же). 17. Телефон («Оранжевый портрет в крапинку»). 19. Колокол («Крик петуха»). 20. Кротов («Голубятня на желтой поляне»). 21. Тендер («Возвращение клипера «Кречет»). 23. Асик («Дети синего фламинго»). 24. Глеб («Голубятня на желтой поляне»).

Фантастические
композиции
Павла
КРАПИВИНА

НОЧНАЯ
ЭКВИЛИБРИСТИКА
ДЛЯ ЛИЦА

«БЕЛЫЙ КАМЕНЬ»

«ОСТРОВА»

Обложка
Анатолия
Пасеки

МУЗЕЙ ФОТОГРАФИИ

Евгений БИРЮКОВ,
фотограф-краевед

В год, когда искусству светописи исполнилось 150 лет, в Иркутске открылся необычный музей — «Сибирская фотография».

Урало-сибирские фотографические связи существовали давно. Не случайно ведь вошедший в историю иркутскими снимками опальных декабристов отставной инженер-поручик А. Давиньон оставил след и на Урале: одна из его работ обнаружена в Нижнем Тагиле. Вот почему, узнав о музее, я сразу же засобирался в Иркутск. И не пожалел о поездке.

Об уникальных экспонатах музея рассказывал сам директор — Иван Иванович Козлов. Это он вместе с журналистом Рудольфом Георгиевичем Берестеневым около 20 лет собирал фотографические редкости (в музее более тысячи единиц хранения). Однажды им крупно повезло — открыли целый культурный слой. И не где-нибудь, а в подполе одного из домов. Туда десятилетиями кто-то складывал вышедшие из употребления фотопринадлежности. В другой раз им достался целый сундук с семейными фотографиями. Потом эти и другие находки, что называется, раскладывали по полочкам, штудировали летописи, собирали воспоминания...

Первое упоминание о местной фотографии обнаружилось в... архивах Иркутской епархии: 1851 год, архиепископ Нил имеет дагеротипный снаряд (так называли первые фотоаппараты).

В 60-е годы здесь живет уже целая когорта фотографов-портретистов: О. Либгардт, А. Гофман, И. Мальмберг (последний бывал и на Урале — во время Ирбитских ярмарок). Они снимают городские объекты и события, но во время большого пожара 1879 года сгорели все фотоателье и коллекции уникальных снимков.

Иркутскую светопись конца XIX века представил уже новый ряд имен. Польский ссыльный П. А. Милевский был универсалом: занимался портретной, архитектурной, событийной, научной, судебной фотографией. Много снимал для Русского географического общества, был экспонентом ряда выставок, в том числе всероссийских. Не отказался при этом и от своих убеждений: почти полгода скрывал после побега революционера-народника Г. А. Лопатина, русского друга Карла Маркса.

Еще два иностранца — Минисни и Дон Отелло — запечатлели строительство Кругобайкальской железной дороги, а потом открыли в Иркутске фотосалон и синематограф.

В начале XX века здесь славилось заведение Д. Н. Мамонова «Сибирская фотография». Прежде он был военным топографом, но внезапная инвалидность заставила сменить род деятельности — освоил фотографию, хотя работать приходилось одной правой рукой (как и знаменитому впоследствии чешскому фотографу Йозефу Судеку). Работал и в ателье, и по вызовам, зафиксировал многие события первых советских лет. Часть его снаряжения и сохранилась в том самом подполе. Теперь в музее ему отведен персональный уголок.

Всего же представлено 57 доре-

волюционных фотографов. Музей находится под эгидой Советского фонда культуры, и поиск исторических раритетов продолжается.

В планах музея — издание альбома «Иркутск и иркутяне в фотографии за 150 лет», а также создание сказочного фотокиногородка (фотодиснейленда).

г. Свердловск

На снимке: «Дама с велосипедом». Фото Д. Мамонова (из фондов музея).

ГДЕ РОДИЛСЯ КАРПИНСКИЙ?

Георгий ВОРОНОВ,
краевед

Я был очень удивлен, когда в Центральном Государственном историческом архиве СССР мне в руки попало «Дело о сдаче Симских заводов главноуправляющим Ф. Мевнусом в управление поступившему вместо его Карпинскому». Еще бы не удивиться: ни в одной книге об «отце русской геологии» А. П. Карпинском об этом факте нет ни слова. А утверждается, что отец ученого, о котором идет речь в «Деле», в 1853 году вышел в отставку и через три года скоропостижно скончался «от разрыва сердца» на 48-м году жизни.

Архивное же дело, помеченное 1855 годом, утверждает, что «главноуправляющий Федор Павлович Мевнус от управления Симскими заводами по желанию его увольняется, а вместо него принял эту обязан-

ность отставной полковник корпуса горных инженеров Петр Михайлович Карпинский на том же основании и условиях, как управлял заводами Федор Павлович... Содержание и прочее довольствие Петру Михайловичу производить с 8 марта».

А «содержание и довольствие» хозяева положили хорошее: жалованье шесть тысяч рублей серебром в год, кроме того, для проживания с семьей предоставили трехэтажный кирпичный дом с отоплением, освещением, мебелью и прислугой. А для разъездов по заводским делам — экипаж с лошадьми и конюхом.

И предприятие, надо полагать, оставило у Петра Михайловича вполне удовлетворительное впечатление. Чугуноплавильный и железодельный завод, вторично отстроенный после пожара в 1777 году, выглядел

сносно. Каменная домна, меховый корпус, молотовая, якорная, плющильная фабрики работали без сбоев. Совсем недавно в кричной установили 14 новых машин. Рядом с заводом — чертежная, госпиталь, музей, магазин.

Были, правда, здесь и свои минусы. Симские заводы далеко отстояли от крупных городов, а рудники — от заводов. Но руда в них добывалась добротная: из ста пудов ее получалось пятьдесят чугуна.

О том, как П. М. Карпинский работал на Симских заводах, говорят документы Государственного архива Свердловской области. В объемном деле «О вступлении подполковника Лизель в должность начальника горных заводов вместо Карпинского» Петр Михайлович характеризуется как работник дисциплинированный, честный, всесторонне образованный. «Знает науки: естественные, горные, политические, математические. Отчеты по должности всегда предоставляет к нужному времени. Беспорядков и неисправностей между подчиненными не допускал».

Итак, найдены документы, расширяющие «географию» пребывания Карпинских на Урале. Вот почему Александр Петрович в автобиографии, опубликованной во втором номере журнала «Огонек» за 1927 год, писал: «Проводил детство в различных частях Урала с его разнообразной природой, с его золотыми россыпями, огромными открытыми разработками железных руд, с его доменным, чугуноплавильным и стальным производством, разнообразием почвенного (т. е. геологического) состава. Я еще мальчиком был знаком, в пределах моего детского наблюдения и понимания, с разнообразными почвами. Поэтому моим горячим детским желанием было, подобно моему отцу и дедам с отцовской и материнской стороны, сделаться горным инженером».

А теперь о самом А. П. Карпинском. До недавнего времени считалось, что он родился в Богословском заводе (ныне город Карпинск Свердловской области). Так писали «Известия Академии наук СССР» (1947 г.), «Большая советская энциклопедия» (1953 г.) и... «Уральский следопыт». А в книге Я. Кумока «Карпинский», изданной «Молодой гвардией» в популярной серии ЖЗЛ в 1978 году, к удивлению жителей Северного Урала, сказано, что Турьинские Рудники ныне называются... городом Карпинском!

На самом же деле ученый родился не в Богословске, а в Турьинских Рудниках (ныне город Краснотурьинск), отстоящих от него в двенадцати километрах. Об этом стало известно после того, как была найдена в архиве метрическая книга

Турьинских Рудников. Считалось, что ее впервые обнаружили краснотурьинские школьники из туристско-краеведческого клуба «Следопыт», руководимого краеведом Н. В. Белянкиным. Однако документы неоспоримо свидетельствуют, что приоритет в правке принадлежит не Н. В. Белянкину и членам клуба «Следопыт». Вот вырезки из двух местных газет за 18 июля 1936 года, в которых спецкоры надеждянской (ныне г. Серов Свердловской обл.) газеты «Пролетарий» Бурмистров и Отрадных писали: «Родина президента Академии наук Александра Петровича Карпинского — большой старинный горняцкий поселок Турьинские Рудники Кабаковского (Серовского — Г. В.) района. Перед нами метрическая книга. Сын майора корпуса горных инженеров Петра Михайловича Карпинского Александр занесен при крещении 12 января 1847 года в метрическую книгу Максимова церкви». Вскоре эти документы оказались достоянием архивов, и о них забыли.

Пока что нет единого мнения о том, где находился дом, в котором жили Карпинские. В архиве Академии наук СССР (г. Ленинград) хранится фотография, на которой, как считается, изображен их дом. Одноэтажный, он находился в центре левобережной (Макарской) части поселка, против дома, в котором родился изобретатель радио А. С. Попов. На этот же дом указывают спецкоры Бурмистров и Отрадных в упоминаемых газетных вырезках.

Другая точка зрения у профессора С. И. Романовского и горного инженера А. Н. Кузнецова. Ученый считает, что Александр Петрович ро-

дился на Фроловском руднике — правобережной части поселка. А горный инженер в неопубликованном очерке «Академик А. П. Карпинский (по воспоминаниям его учеников)», рукопись которого хранится в архиве Академии наук СССР в Ленинграде, писал, что этот «отдельно стоящий домик смотрительской квартиры на берегу реки Турьи находился вблизи группы вековых кедров, растущих на пригорке, и своей красивой и темной зеленью резко выделяющихся и видных с дороги из селения Турьинских медных рудников». Здесь речь идет тоже не о центре бывшего горняцкого поселка, где Турья не протекает, а, видимо, о Фроловской части поселка.

Кто же прав? В газете «Вечерний Свердловск» за 22 июня 1959 года была опубликована заметка Л. Хандросса «Интересный альбом». Автор описывает содержание альбома, в котором нашла отражение жизнь и деятельность А. П. Карпинского, и упоминает копию старинной гравюры. На ней изображен район Фроловского рудника, а на фотографиях — дом смотрителя рудника горного инженера П. М. Карпинского и наружный вид этого дома со стороны сада.

По этим снимкам старожил Краснотурьинска сможет определить местонахождение дома Карпинских. Но моя попытка увидеть фотографии не удалась — их в альбоме, который хранится в фондах областного краеведческого музея, не оказалось. Надеюсь, что со временем они найдутся, и тогда еще одна деталь из биографии А. П. Карпинского будет окончательно прояснена.

г. Краснотурьинск

ЗАГАДКА ДВУХ ПОРТРЕТОВ

Нина АРХИПОВА,
географ

Она встала передо мной, когда изучала деятельность Эрнста Карловича Гофмана. Попыталась найти его портрет, но оказалось, что это сделать нелегко, так как на кафедре минералогии Петербургского университета почти в одно и то же время работали два Гофмана — однофамильцы.

Эрнст Карлович Гофман. (1801—1871) — обрусевший прибалтийский немец, родился и умер в Тарту, окончил Тартуский (бывший Дерптский) университет, а завершил образование в Европе. Еще будучи студентом, совершил кругосветное плавание. Потом исследовал природу

многих районов нашей страны: Эстонии, юга Украины и Крыма, Присаянья и Прибайкалья, окрестностей Петропавловска-Камчатского и, особенно, Уральских гор — от Оренбурга до берегов Северного Ледовитого океана. Это был единственный ученый прошлого века, который в течение ряда лет «прошел весь Урал». Он — автор нескольких монографий, часть которых переведена на русский или написана им на русском языке. Э. К. Гофман в разное время был доцентом Тартуского университета, профессором геологии и минералогии Киевского, заведовал кафедрой минералогии Петербургского уни-

верситета. С 1842 года он работал в Горном ведомстве, по заданию которого совершил большую экспедицию на золотые прииски в Восточную Сибирь. В отставку ушел в чине генерал-лейтенанта.

О другом Гофмане — Эдуарде Ивановиче (год рождения неизвестен — умер в 1867) — мы знаем очень мало. По свидетельству геолога С. Н. Никитина, он воспитывался в Гатчинском Сиротском институте, с золотой медалью окончил Петербургский университет. Защитил кандидатскую диссертацию по палеонтологии и был командирован в Германию. С 1863 по 1867 год был доцентом Петербургского университета на кафедре минералогии. Готовил докторскую диссертацию, но защитить не успел. Острая чахотка заставила его покинуть Петербург и отправиться в Самару, где он и скончался.

Мое знакомство с трудами Э. К. Гофмана началось в 1949 году, когда, готовясь к экспедиции, я обратилась к его работе «Северный Урал и береговой хребет Пай-Хой» (СПб, 1856) — итог его трехлетней работы на Урале. Это была первая экспедиция Русского Географического общества под началом Гофмана.

В книге «Как были открыты Уральские горы»¹ я посвятила экспедициям Гофмана специальные главы. Подготавливая к печати первое издание, попыталась найти портрет Эрнста Карловича.

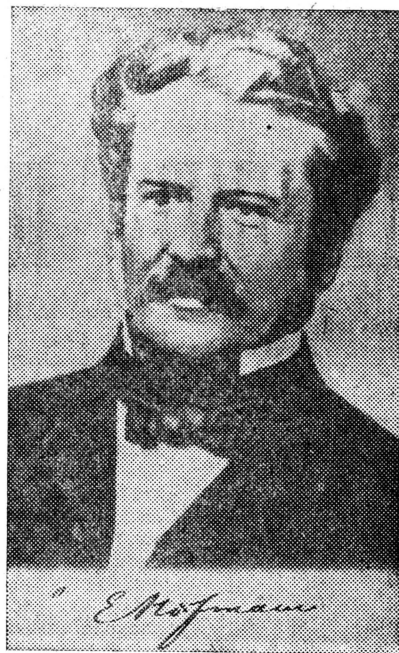
Из музея истории Тартусского университета ответили, что портрета Э. К. Гофмана у них нет. А из научной библиотеки Киевского университета прислали ксерокопию из книги «История Киевского университета». На портрете был изображен человек в очках, с усами и бородкой. Такой же портрет хранится в музее истории Ленинградского университета, и он же помещен в книге И. П. и В. И. Магидовичей «История открытия и исследования Европы» (М., 1978, с. 348). Не зная в ту пору о существовании другого Гофмана, я тоже поместила этот портрет в пермское и челябинское издания своей книги.

Однажды заведующая архивом Географического общества СССР в Ленинграде Т. П. Матвеева показала мне этот портрет и обратила мое внимание на одно обстоятельство: на задней стороне изображения простым карандашом кем-то сделана надпись: «Это Эдуард Иванович Гофман». Тогда-то я и узнала о другом геологе Гофмане и начала сомневаться в подлинности портрета Эрнста Карловича.

Сомнение усилилось, когда в биб-

• Гофман

лиотеке Свердловского государственного объединенного историко-краеведческого музея (бывшей библиотеке Уральского общества любителей естествознания), листая «Известия Императорского общества естествознания, археологии и этнографии», я нашла серию портретов известных русских ученых-естествоиспытателей прошлого века с краткими биографическими справками. В таблице XXVIII приведен портрет Гофмана — все тот же, «в очках». Под ним подпись — Э. К. Гофман, а на самом портрете, в правом углу типографским способом отпечатано: «Эдуард Иванович». Не означает ли это, подумала я, что перед публикацией в самый последний момент выяснилось: на портрете изображен Эдуард Иванович Гофман?

Через директора музея истории Тартусского университета Э. П. Мартис я связалась с научным сотрудником сектора истории науки Института зоологии и ботаники АН Эстонии Велло Каавере. Из Тарту мне пришло любезное письмо с отписком небольшой статьи на эстонском языке «Э. Гофман — видный геолог и путешественник-исследователь» (1979, Тарту). В ней впервые опубликован совсем другой портрет с подписью: Эрнст Рейнгольд фон Гофманн (1801—1871). С портрета смотрит пожилой улыбающийся мужчина, с усами, но без бороды, с высоким лбом и пышной шевелюрой.

Позже в работе академика Г. П. Гельмерсена «Эрнст Гофманн. Некролог» (Рига, 1873 г.) я нашла и словесный портрет Эрнста Карло-

вича, вполне отвечающий изображению. «Гофманн Э. К. был среднего телосложения, с коренастой сильной фигурой. Привлекательные черты его краснощекого лица выражали доброжелательность и веселость... он выделялся неистощимым юмором и блестящими веселыми шутками, наряду с этим и той любезностью, с которой он умел беседовать на серьезные темы».

Но и это еще не конец истории портретов. Однажды В. Каавере сообщил мне о книге Хансена, изданной на немецком языке, в которой тоже воспроизведен портрет Э. К. Гофмана. Но этой книги в нашей стране не оказалось.

Я уже оставила надежду найти ее, как вдруг осенью прошлого года свердловский ученый П. Л. Горчаковский, будучи в Швейцарии, через коллегу из ФРГ получил ксерокопию части книги Хансена, в которой оказался адрес правнука Эрнста Карловича — Гарри Гофманна, проживающего ныне в Германии.

Пишу ему, посылаю копию фотографии и получаю ответ, который и ставит точку в этом увлекательном и долгом поиске. «К сожалению, — пишет Гарри Гофманн, — многие материалы погибли во время двух мировых войн, революционных волнений и вынужденных многократных переездов, поэтому наша семья располагает лишь единственным фото нашего предка, именно тем, которое имеется у Вас, и, вероятно, единственным, которое в настоящее время еще существует».

г. Свердловск

¹ Архипова Н. П., Ястребов Е. В. Как были открыты Уральские горы. Пермь, 1971, Челябинск, 1982, Свердловск, 1990

Пишите письма!

Продолжаем, вновь после долгой паузы, работу «Диалог-клуба» по переписке. Откуда пауза? Увы, нельзя сказать, что после сентября прошлого года, месяца последнего выпуска, вы, уважаемые читатели, завалили нас интересными письмами. Выбор есть, но он ограничен. Не знаем, кто виноват в однообразном безмыслии основного потока почты «Диалог-клуба» — отдел молодежных проблем, не сумевший направить его в нужное русло, или дело в причинах иных, связанных с общей, не самой располагающей к диалогам атмосферой в стране. Во всяком случае, мы с себя вины не снимаем и предпринимаем еще одну попытку исправить положение. Начинаем с немногочисленных, к сожалению, откликов на сентябрьские публикации.

СЛОВАМИ ТУТ НЕ ПОМОЖЕШЬ...

«Я где-то слышал, что я Японии в директорских приемных стоят специальные манекены. Вышел из кабинета сотрудник после тяжелого разговора — и выплеснул все свои отрицательные эмоции на его, манекену, голову...

С какой же радостью наши школьники, и я в том числе, воспользовались бы подобным приспособлением, чтобы выплеснуть обиду на несправедливость своих учителей, если бы подобные манекены стояли в наших школах!...»

Из письма Димы Кононова, Свердловск

«Я в «Ровеснике» прочитала похожую статью о Джонни Ленноне, о его школьных годах. Он устроил очень любопытный конкурс на школьном празднике: нарисовал карикатуры на педагогов и за деньги разрешал желающим метать в рисунки стрелы. Чем не вариант манекена? Хотя в твоём письме, Дима, я понимаю, главное — не манекен. Я ненавижу школу, а считаюсь лучшей ученицей. Я презираю школу, но... учителя тоже люди, издерганные, с длинным рабочим днем! И у меня есть граница, я держу в себе свои эмоции, я ставлю себя выше дразг. Так лучше, понимаешь? Словами ведь все это не изменишь...»

Настя,

г. Дзержинск Нижегородской области

Видите, какая мудрая Настя, лучшая ученица! Но всякий ли способен, как она, думать одно, а поступать по-другому, всегда держать эмоции в себе? Не скрываются ли за этим начатки некоторого двуличия, грозящего потом, во взрослой жизни, перерасти в жизненную позицию?

Впрочем, в одном Настя права абсолютно: словами тут действительно не поможешь. Может быть, кто-то знает другой выход?

ЕЩЕ РАЗ О СТРОЙБАТЕ

«Меня очень волнует призыв в армию больных людей. По закону со зрением минус восемь диоптрий положено проходить службу. Без селезенки, по тому же закону, тоже положено, и так далее. Верно ли это? У меня лично минус семь с половиной. Так я уж, извините, без очков ничего не разберу. А куда меня и таких же ребят будут отправлять? Да почти на сто процентов стройбат гарантирован...»

Из письма Сергея Иванова,
г. Рудный Кустанайской обл.

«Вообще, — закончил свою короткую консультацию «Диалог-клубу» майор Ю. Литвиненко, — перечень медицинских норм, ограничивающих годность к призыву, сейчас ни для кого не секрет. Кстати, они меняются, становятся жестче (то есть число ограничений растет), и об этом писалось в центральной печати. Так что, чем пугаться непроверенных слухов, пусть лучше ваши читатели почаще заходят в военкоматы и получают информацию от людей знающих...»

«...И стройбат для первогодка отнюдь не безопасен — был, поскольку теперь, судя по сообщениям прессы, строительные части расформированы...»

Из нашего комментария

«Как вы можете писать, что «строительные части расформированы»? Вы даже не знаете правды, а пишете, чтобы успокоить Сергея и всех остальных людей, которых это волнует...

Так вот, Сергей. Да, с таким зрением, как у тебя, «берут» парней в СА, но только в стройбат. Хотя раньше и писали, что туда призывают только судимых и наркоманов и т. д., а оказывается — призывают парней, у которых отклонения в здоровье. Я не буду повторять, что там происходит, но в результате они озлобляются на весь мир...

Я — одна из матерей, у которой сын попал в стройбат. А ведь он не судим и не наркоман — нормальный парень. Разве он виноват, что у него плохое зрение?

Я очень осуждаю тех людей, которые сообщают прессе, что стройбаты расформированы, а на самом деле ничего для этого не делают. Прошу ответ мой напечатать для Сергея и всех, кого это волнует».

Татьяна Ракитина,
г. Первоуральск Свердловской обл.

Уважаемая мама! (простите, но только по имени Вас называть как-то неловко, а отчества Вы не написали).

Как видите, мы выполняем Вашу просьбу. Более того — вынуждены извиниться перед Вами и всеми, кто доверился нашей ссылке на сообщения газет о «расформировании» стройбата. Оговорка и впрямь оказалась чересчур смелой, хотя и не лишённой оснований. Но ведь главный смысл нашего комментария к письму Сергея состоял не в этом. Если Вы помните — речь шла о том, стоит ли в таких серьезных вещах, как армейская служба, полагаться на вообще ничем не подкрепленные домыслы. И так не по себе нынче призывнику. И так пугают его со всех сторон... Но если ему и в самом деле предстоит тяжелейшие испытания, надо ли его еще загодя вгонять в полную безысходность? Сергей действительно напуган с медицинскими нормами, а майор Литвиненко знает их лучше, чем он...

И наконец — информация из первых рук, напомним, теперь — точная. Как сообщил нам начальник отдела Свердловского областного военкомата полковник Виктор Дмитриевич Григорцев (еще раз — извините!), военностроительные отряды Министерства обороны по-прежнему существуют, призыв в них продолжается. А вот «стройбаты», находившиеся на содержании некоторых гражданских организаций — были, оказывается, и такие — действи-

тельно упразднены. Раскрыть количественное соотношение тех и других офицер не имеет права. Однако ясно, что «рабочих в погонах и с лопатами» в стране в самом деле стало меньше, и кое-что в этом направлении все же сделано...

«УМРУ БЕЗ ДВУХ СЛОВЕЧЕК О НАТАШЕ»

«Дорогой «Уральский следопыт»!

Пишу тебе второй раз с одной и той же просьбой. Умоляю, напечатай хоть что-нибудь, хоть два слова про Наташу Гусеву — юную актрису. Она снялась в фильмах «Гостя из будущего», «Лиловый шар», «Воля Вселенной», а может, еще в каких-нибудь. Я так жду. Увидеть ее фотографию и узнать что-то про нее — это желание всей моей жизни!..

А если ты не напечатаешь про нее, то случится непоправимое. Я умру от горя...

Говорю на полном серьезе, что если не будет два словечка, то я...»

Неля Якупова,
г. Сибай, Башкортостан

Обычно на такие письма, как твое, Неля, — не только о Наташе Гусевой, на десятки, сотни просьб «напечатать хоть что-нибудь» о любимом актере, рок-группе и т. д. — в редакции отвечают далеко не всегда. На это ушло бы все время всех сотрудников, и заниматься журналом им было бы некогда. Но раз уж письмо — второе, да еще с такой серьезной угрозой...

Огромная просьба: не умирай, пожалуйста! Поверь — при всех наших бытовых и прочих трудностях на свете остается множество причин не делать этого — даже если ты не имеешь фотографии Наташи. Тем более, что желаемые две строчки, несмотря на то, что отдельной публикации о ней в планах редакции пока не предвидится, уже есть — с твоей же легкой руки!

А вообще тема «фанатства» — страшно интересная тема. Почему без пяти минут взрослые люди вдруг прекращают в один прекрасный день нормально есть, пить, спать, учиться и едва ли не в буквальном смысле сходят с ума по кинозвезде, человеку с электрогитарой — пусть даже самому талантливому? И отчего, если уж на то пошло, совсем нет в нашей почте ультиматумов вроде «умру от горя, если не напишете ничего о Пушкине! (Чехове, Чайковском, Карузо)? Вот если бы кто-то разумно, без всхлипов и восклицательных знаков взялся бы да и описал природу этого явления! А то — «Ах, Шатунов! Ах, Пресняков!» — и все... Скучновато!

Лена Кобякова, член актива
«Диалог-клуба», Свердловск

ЧТО ТАКОЕ ЖИЗНЬ?

«Мне не хватает общения. Хотелось бы иметь друга, которому можно выложить все, что думаешь. У меня такого нет и не было, и не будет в ближайшее время. Очень много хотелось бы. Например, компьютер, чтобы изучать машинные языки, писать программы. Или свою типографию — издавать в ней газету, в которой печатать научную фантастику. Или — организовать свою рок-группу. Но везде есть частица «бы»...

После школы я работал на заводе слесарем. Завод давил мне на психику. Общения со взрослыми не получалось. Им всем наплевать друг на друга. От них чаще всего слышал мат и пошлости, это меня возмущало, но я молчал. И я ушел с завода Сижу дома. Слушаю «Зоопарк», «ДДТ», «Алису», «Аквариум», «Наутилус», песни Андрея Макаревича. Посмотришь на пластинку — «запись 1987 года» и думаешь: а почему эти песни не вышли пластинкой в 1987-м?..

Я не смотрю Съезды народных депутатов. Когда вижу на телеэкране человека на трибуне — убавляю звук или переключаю на другой канал. Если бы я узнал суть системы, которая сложилась в СССР, я бы слушал все о политике, но, по-моему, здесь сам черт ноги переломает. Иногда вдруг озаряет, как вспышка: какой же я болевой, как я живу! С завтрашнего дня начинаю новую жизнь! Но хватает меня ненадолго. День-два — и все кончается. Во время одной из таких вспышек написал письмо Аркадию Стругацкому, задал вопрос: что такое жизнь? Думаю, придет ответ. Теперь уже перестал ждать.

Прошу вас, дайте мой адрес в «УС», пусть мне напишут все, кто захочет, от первоклассника до пенсионера!»

Сергей Чернышев, Алма-Ата

Увы, Сергей, не ты один страдаешь от дефицита общения — на это жалуются многие. И, может быть, это одна из самых главных наших «молодежных» бед. Но в твоей, личной, более всего, кажется, виноват ты сам... Можно себе представить, хотя и трудно говорить за друга, почему Аркадий Натанович Стругацкий не ответил на твое письмо. Дело не только в его занятости — в самом вопросе. Неужели ты думаешь, что кто-то на земле — пусть самый великий гений — сможет тебе сказать, «что такое жизнь», исчерпывающе и однозначно, да еще — так, чтоб твоя конкретная жизнь мгновенно обрела ясный смысл и легкое течение? Да ведь вся история человеческой мысли, культуры, которых ты, похоже, не чужд, есть непрерывный мучительный поиск ответа! И существует, наверное, только одна закономерность в этих поисках: люди, которые хоть сколько-нибудь приближаются к истине — живут, то есть пишут, пашут, идут за три моря, а некоторые и держат речи в парламентах... Сидя же в квартире, в наушниках, ты и впрямь никогда не найдешь друга, не говоря уже об издании газеты и тем более — разрешении философских дилемм. Кстати, записи всех до одной рок-групп, которые ты слушаешь — а вкус у тебя неплохой — есть результат настоящих поступков, совершенных далеко не в тепличных условиях. Плохо, что пластинка, о которой ты пишешь, не вышла в год записи, но если бы ее не записали вообще, она совсем не дождалась бы своего часа! Не хотелось бы сбиваться на менторский тон и призывать тебя занять «активную жизненную позицию», но как ни крути — недаром говорится: под лежащий камень и вода не течет. Простой совет для начала: в одну из «вспышек» выйди из дома, попробуй поискать себе дело по душе. Алма-Ата — город большой, в нем есть не только заводы, если они так «давят на психику». А вдруг — повезет?

Теперь — по поводу адреса, тебе и всем тем, кто просит опубликовать в «Диалог-клубе» свои координаты. Вынуждены огорчить вас: личных адресов мы не даем и, наверное, давать не будем. Во-первых — потому, что иначе рискуем превратиться в адресный список, в этакую диспетчерскую частной переписки, а ведь у «Диалог-клуба» — другие задачи; а во-вторых — вас все равно не устроят сроки публикации. Журнал делается долго, и хотя ему не помешала бы большая оперативность прохождения материалов, газету он никогда не заменит. Гораздо больше подходит нам предложение девочек Маши и Лены из города Полевского Свердловской области: «Мы очень бы хотели стать внештатными корреспондентами вашего журнала». А дальше эти «очень веселые девочки», как они сами себя называют, спрашивают — что для этого нужно? Отвечаем: одной веселости — недостаточно. Нужно дружить со словом — живым, а не казенным, хотеть и учиться думать, а также уметь болеть не только собственными проблемами. И еще одна просьба, очень хорошо выраженная все той же Настей из Дзержинска: «Только не пишите от нечего делать!»

Ждем интересной почты!

Подготовил А. ПОНИЗОВКИН

„Я вычислил день своей смерти,,

Беседа со всемирно известным математиком из Афганистана, живущим уже девять лет в нашей стране, о его уникальных способностях вычислять судьбы и отдельных людей, и целых народов.

КАК ВЕЛИКОЛЕПЕН ЧЕЛОВЕК,
ЕСЛИ ЭТОТ ЧЕЛОВЕК НАСТОЯЩИЙ!
Менандр

Мохаммад Сидик Афган.

Для большинства читателей журнала имя это ни о чем не говорит. А ведь он — человек, который заглядывает и в прошлое, и в будущее, прогнозирует экономические катаклизмы и политические кризисы. Причем в основе его предсказаний — не мистика, а беспристрастно точный математический расчет. Знания для Сидика — орудие, а не цель: они приобретены усилиями собственной пылливой мысли.

Современный мир — уравнение со многими неизвестными, а значит, по мнению Афгана, жизнью правит математика. Сидик — уникальный математик — оракул, решающий уравнения жизни и смерти, воли и разума, необходимости и случайности, вечности и пространства. Превыше всех званий и титулов ученый ценит собственную независимость. Он — сын Вселенной, живущий в Петербурге-Ленинграде, — может в полчаса просчитать еще и жизнь любого из нас, рассказать о наших телесных и душевных недугах, о болезнях близких, о семейных взаимоотношениях и даже о возможном появлении детей.

О нем пишут газеты, ему посвящают стихи:

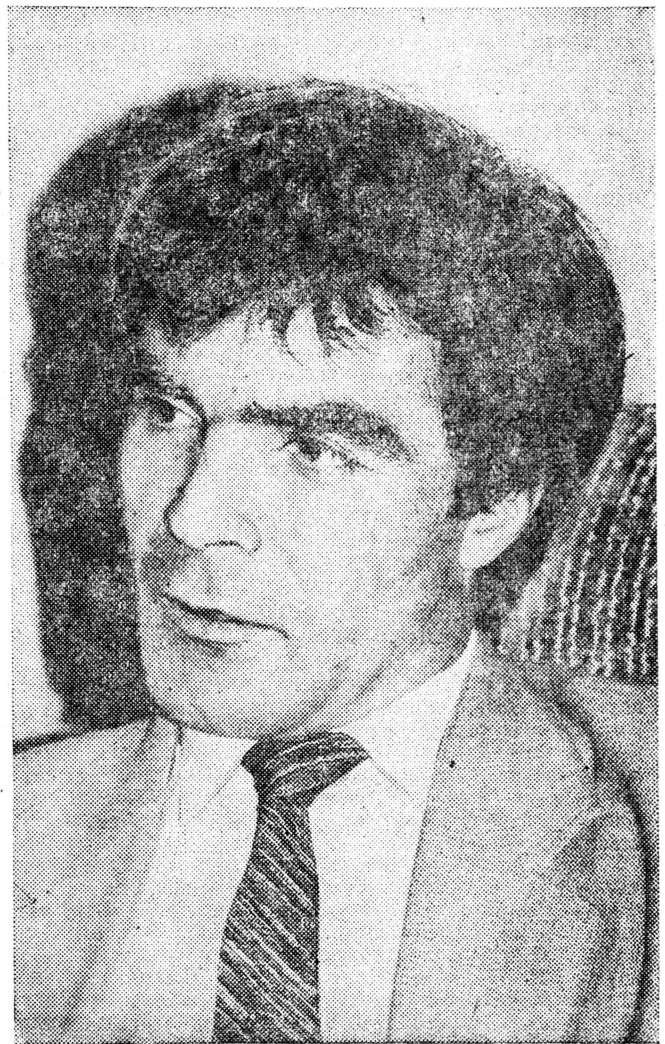
Алгоритм приливов и отливов,
Мысль о будущем и к прошлому возврат...
Кто из нас приходит в жизнь счастливым?
Все предскажет Сидик Мохаммад.
Не Чумак он и не баба Ванга,
Не алхимик и не шарлатан,
Сын Земли — великий математик —
Сидик, по прозвищу — Афган.
Подданный Вселенной, прорицатель,
Вечный смертник, высший интеллект,
Для народа бог и воспитатель,
Сеятель надежд в наш трудный век...

Эти не профессиональные, от сердца идущие поэтические строки были написаны осенью прошлого года в Киеве. К поездке Сидика на Украину мы еще вернемся, а пока познакомлю читателей с теми сведениями, которые были мне известны до встречи с необыкновенным математиком.

С детства Сидик имел особую склонность к вычислениям. Когда его сверстники успешно готовились к выпускным экзаменам, он вывел формулу для решения обратного биннома Ньютона, проще говоря, решил задачу, которая была не по зубам многим светилам науки. Так он стал смолоду знаменитым. Его научные идеи получили официальное признание ученых Национальной ассоциации математиков при Техасском университете. В США ему устроили соревнование с ЭВМ. 400 вопросов математического характера Сидик «отбил» быстрее машины на 6 минут 17 секунд. Это и не удивительно. Он может в уме извлекать любой корень из гигантского числа, молниеносно раскладывать цифры на всевозможные ряды, возводить их в умопомрачительные степени. Математический интеллект 33-летнего ученого считается наивысшим в мире, потому не случайно он, как достояние всего человечества, состоит под защитой ЮНЕСКО.

Закончив в 1976 году Кабульский лицей, девятнадцатилетний Сидик преподавал математику сначала в гражданских учебных заведениях и затем в Высшем военно-воздушном училище. Потом — служба в армии, и опять

преподавательская работа и, наконец, учеба в Советском Союзе. Он поступил на физико-математический факультет Липецкого педагогического института, а в 1988 году вместе с дипломом о высшем образовании получил (по особому решению государственной экзаменационной комиссии) ученую степень магистра педагогических наук. В написанную историю Липецкого пединститута Сидик вошел и еще одним событием... Взрывной темперамент этого студента испытал на себе однажды даже первый секретарь Липецкого обкома. Математик крепко осадил партийного функционера, неуважительно отозвавшегося об афганских

студентах. Потом Сидик поступил в аспирантуру Ленинградского педагогического института им. А. И. Герцена, где основательно занялся историей нашей страны, взаимоотношениями между Востоком и Западом.

Что из этого вышло? На стенах его комнаты висят таблицы, на которых представлены в цифрах «Основные исторические события с принятия христианства на Руси и прогноз развития СССР до 2000 года», «Определение главных событий XX века в СССР и прогноз до 2000 года с помощью математики», «График главных событий XX века в СССР. Прогноз до 2025—2065 гг.», «Основные исторические события в СССР», «Внутренняя политика СССР с 1914 года и прогноз до 1998 года», «Внешняя политика СССР с 1917 года и прогноз до 2000 года с помощью математики», «Математическая связь между политическими лидерами в СССР с 1917 года по 1990 г. и прогноз до 2000 года». Отдельно определены главные исторические события на территории нашей родины в период с 35000 лет до н.э. по 1916 г. Этот необъятный временной интервал разбит Сидиком на 9 разновеликих периодов. На таблицах — все славянские и российские горести и ликования, поражения и победы, взлеты и падения. Даже и те, которые нас еще только поджидают за горизонтом.

Афган — основатель математической философии. На отдельных ватманских листах можно увидеть «Математические таблицы прогнозирования будущего» и «Взаимосвязь между временем и историческими событиями с точки зрения математического ряда». Тема его научной работы: «Теория чисел в философском аспекте и ее применение для прогнозирования событий». Цель исследований: установить скрытые закономерности, по которым совершаются события в природе, обществе и жизни человека.

Научную работу Сидик ведет по нескольким направлениям.

1. Установление взаимосвязи истории и математики. Ученый проанализировал историю родного Афганистана, дал прогноз. Он накопил также богатый опыт анализа истории России и СССР и составления прогнозов политического и социально-экономического развития страны. С помощью теории чисел он исследовал взаимоотношения Востока и Запада и спрогнозировал их изменение. Есть у него прогноз развития событий в Восточной Европе.

2. Исследование роли числа в жизни человека, семьи, коллектива — предсказываются их будущее. Важный аспект этого направления — значение математики в борьбе с преступностью.

3. Изучение взаимоотношений естественных и гуманитарных наук на основе теории чисел, прогнозирование будущих ситуаций.

4. Определение взаимосвязи духа и материи — пожалуй, самый мощный поиск Сидика.

— Сидик, что побудило вас заняться математическим предсказательством?

— Была причина... и весьма необычная. За победу в соревновании с суперкомпьютером в США мне вручили приз — автомобиль «форд-мустанг». Однажды утром сижу я в этой машине и вдруг явственно вижу, что попал в аварийную ситуацию: с моим «фордом» столкнулся желтый «мерседес». «Картинка» была такой отчетливой, что даже не по себе стало. Пошел к своему дяде и рассказал о видении. Он меня успокоил: все, мол, это — плод разгоряченного воображения. Я поверил ему, днем поехал по делам и... попал в аварию, представшую несколько часов назад перед моим мысленным взором!

Когда мой помятый «форд-мустанг» на буксире притащили домой, я поспешил к дяде и объявил, что видение меня не обмануло. Дядя интересуется метафизикой, любит поразмышлять... Он долго молчал, обдумывая мое сообщение, а потом заявил, что такие явления чрезвычайно трудно объяснить. Еще сложнее раскрыть их сущность и первопричины. «Не важно, — сказал загадочно дядя, — какие обои наклеены на стену. Главное — то, капитальная

это стена или непрочная перегородка. Другими словами, важна сущность, а не видимость».

В нашей семье, кроме дяди, никто не имел высшего образования, и посоветоваться о случившемся было больше не с кем. Я решил, что только математика поможет мне раскрыть тайну предвидения будущего. И в 1984 году, будучи дома на каникулах, я твердо решил вывести «формулу судьбы», по которой можно было бы рассчитать, что ждет человека, семью, государство...

Мне, например, очень хотелось узнать, когда Советский Союз выведет свои войска из Афганистана. И впоследствии я рассчитал год, месяц и день, когда последний советский солдат покинет афганскую землю. Я объявил результаты своих расчетов, но меня сочли сумасшедшим...

— Расскажите немного о своем детстве.

— Рассказать вкратце? Ведь уже написано 33 тома автобиографии! Остановлюсь только на некоторых деталях. Так, по воспоминаниям моей матушки, я, даже очень маленьким, никогда не плакал, грудь сосал совсем мало. Уже трехлетним показывал, как нужно водить автомобиль, и вообще был известен в родном селеении Кодамани. Учился в семи школах, а потом в семи местах преподавал математику, так что загадочное число 7 имеет ко мне прямое и непосредственное отношение.

В 7 лет я пошел сразу в четвертый класс, в пятом и восьмом не учился — сдал все предметы экстерном. А вот в 11-м классе просидел целых четыре года. И все из-за хулиганства! Мне, четырнадцатилетнему, говорили, что я неприемлем для общества, даже держали взаперти. Кстати, с этого времени я сам себя обеспечиваю. Старший брат меня материально совсем не поддерживал, хотя он — правая рука отца в бизнесе. Я благодарен маме, которая всегда помогала мне в трудные минуты. И не только деньгами... Ведь меня семь раз выгоняли из школы и столько же потом — с работы. Я ведь был двоечником по многим предметам, кроме математики. Через математику я познал, освоил все науки, но с особенным удовольствием — историю.

— А ваши родители — не математики?

— Да, мой отец — математик, и не хуже меня... В одной конкретной области... — улыбается Сидик. — Он — крупный бизнесмен.

— Афганистан — страна многонациональная, как и Советский Союз. Кто вы по национальности, какой язык для вас родной?

— Я — ария, родной язык — фарси. Но и русский язык стал для меня, можно сказать, родным. Во всяком случае, я говорю на нем не хуже, чем Эдуард Шевардадзе, хотя он живет среди русских намного дольше, чем я. Языками я никогда специально не занимался, но освоил их еще несколько, общаясь со студентами из разных стран.

— Афган — это псевдоним?

— Фамилия моего отца — Кодамани. Это и название селения, в котором я родился. Псевдоним Афган я принял после вывода советских войск... Кстати сказать, когда мой прогноз точно совпал, а Наджибулла, как я и предсказал, остался у власти и после вывода советских частей, то отношение к моим математическим прогнозам очень изменилось. Вот, взгляните на эту фотографию...

Сидик подал мне фото, запечатлевшее его непринужденно беседующим с Наджибуллой. На лице президента — широкая улыбка. Видно, разговор доставляет ему удовольствие.

— Думаю, что ваш прогноз президенту понравился?..

— Я никому не стараюсь понравиться! Так показали расчеты, вот я и предрек Наджибулле продолжение президентства и то, что моджахеды не свергнут его власть. Такая у него судьба, я тут ни при чем. Правда, в знак признательности он подарил мне пятикомнатный особняк и машину в придачу. Спасибо ему за щедрый подарок. Но лучше бы он помог мне получить здесь, в Ленинграде,

какое-нибудь подходящее жилье. Тогда я мог бы жить вместе со своей семьей. У меня ведь русская жена и пятилетний сынишка. Но жену вынудили уехать к ее родителям в Павлодар. Нет ленинградской прописки — значит, живя с мужем, она нарушает закон. А то, что ребенок воспитывается без отца, жена живет вдали от мужа, а муж, имея семью, один ютится то в общежитии, то в гостинице — в этом, по логике ленинградской милиции, ее бюрократов, нет ничего противоестественного!

Слушая эту гневную тираду, внимательно гляжу на моего собеседника и вспоминается афоризм Шиллера: «У человека с открытой душой и лицо открытое», ибо даже в гневе лицо Сидика не исказилось, не потеряло обаяния.

— Как утверждал один мудрый человек, прогнозы не всегда сбываются. Исключение составляют те случаи, когда умные пророки уверены в грядущих событиях еще до того, как провозвестить их. А вы, Сидик, всегда уверены в том, что провидите? Что подкрепляет эту вашу уверенность?

— Многократная проверка моей теории математического прогнозирования, а также отзывы людей. Вот, посмотрите эти тетради.

«...Сидик! Дай Бог, чтобы твои предсказания сбылись. Прошлое ты просчитал верно на 100%. Пусть в твоей жизни всегда будет солнце, Бог и хорошие люди!

...Удивительно, но все верно. Потрясающе! Совершенно точное совпадение по годам. Это невероятно, но факт. На 100% угаданы все важнейшие события в моей жизни.

...Ты создан для мира, Сидик, — великий математик и прекрасный человек!

...Прошлое мое все совпало. О нем знаете Вы и Бог. О будущих событиях расскажет время. Верю Вам!

...Прошлое было угадано до мельчайших подробностей, вплоть до того, с кем я первый раз поцеловалась (с иностранцем), когда это было (летом).

...По телефону мне была рассказана моя биография (совершенно точно). Были указаны даты выхода замуж, рождения сына, смерти мужа, заболевания и выздоровления ребенка».

Более 7000 прогнозов нашим соотечественникам и гражданам зарубежных государств собраны в довольно толстых общих тетрадях, которые я бегло пролистал. Приведенные отзывы — лишь малая толика.

Мне Сидик помог выяснить истинный день рождения. Дело в том, что в моих метриках проставлены две несовпадающие даты: цифровая и прописью. Он в несколько минут провел расчеты и установил, что ни та, ни другая не соответствуют действительности. Родился я не 20 и не 23, а 21 марта между пятью и шестью часами утра.

— Можно определить с точностью до минут, — предложил математик. — Только на это потребуется больше времени.

Я ответил, что мне такая точность не нужна, а сам не смог справиться с ощущением, будто кто-то всеведущий разложил мою жизнь, заглянул в глубины души и воскресил давнее.

— Я вам все объясню, господин, — заверил меня собеседник, видя мое замешательство.

— Извините, Сидик! — еще более смутившись, запротестовал я. — Не называйте меня господином! Я к этому совершенно не привык. Вы же знаете, что в нашей стране такое обращение не принято.

— Знаю, — подтвердил он. — Но слово «господин» ничуть не хуже, чем «товарищ». «Господин» и «Господь» имеют один корень. Думаю, что это уважительное обращение в России возродится. А определять чей-то истинный день рождения мне не в новинку. Ведь в Афганистане я многим людям выяснял, когда именно они появились на свет божий. Афганцы — народ малограмотный, далеко не каждый знает не то что день, а и год своего рождения.

— Построив математическую модель, истинный ученый не забывает вернуться от нее к действительности, которая куда сложнее умпостроений. Вы так и делаете?

— Как же иначе? Возьмем хотя бы происхождение славян... 35 тысяч лет назад, в эпоху палеолита, на территории современной Украины пришли кочевые племена, которые и стали родоначальниками славян. Через несколько тысячелетий они распространились далеко на Восток. Будучи на Украине, я рассчитал, что первый славянский центр — Чернигов. Другими словами, самый старый древнерусский город не Киев — «мать городов русских», а Чернигов, который на несколько веков древнее. Если Киев — мать, — улыбается Сидик, — то Чернигов — дедушка всех русских городов. Без дедушки и мать не появилась бы, правильно?

Я был в Чернигове, общался там более чем с тысячей людей. Сверху город похож на растопыренные пальцы: пять братьев — пять славянских племен — вышли из города. Я мечтаю работать именно там, в Чернигове. Хочу основать свою математическую школу и научить детей всему, что умею в математике...

Из благодарственного письма республиканской организации общества «Знание» мне уже известно, что на Украину Афгана приглашали для чтения лекций. Там он заработал гонорар — более 10 тысяч рублей и на всю эту сумму накопил подарков для детей Чернобыля, которые вручил ученикам сельской школы, живущим в самом гиблом месте — неподалеку от АЭС.

— Это поможет им, поддержит здоровье. Мне кажется, они стали лучше себя чувствовать после нашей встречи, хоть я и не Кашировский...

— А не рискованно было ехать туда самому? Ведь радиация...

— На меня она не действует. Я три раза был на пороге смерти, но остался живой. Меня спас Бог! — убежденно говорит он и развивает мысль дальше. — Один раз меня спас ввод советских войск в Афганистан, иначе в последний понедельник декабря 1979 года меня бы расстреляли. Я тогда преподавал в военном училище в Кабуле. Подручные Амина схватили меня, осудили и приговорили к расстрелу. За что? Я говорил то, что думал. Держали меня в тюрьме и во время правления Дауда. В пределах Афганистана я был известный хулиган — или, как у вас говорят в таких случаях, — диссидент, да? Защищал права крестьян, угнетаемых феодалами, выступал против несправедливости. Единомышленников у меня не было. Еще 14—15-летним парнишкой, не имея паспорта и, конечно, без всякой визы, бывал в Иране и Пакистане. Тогда я не задумывался о возможных опасностях, а потом... Я вычислил день своей смерти, он придет еще не так скоро...

— Неужели вы не боитесь ухода в небытие? Ведь знать, когда умрешь, — это ужасно!

— Ну почему ужасно? Напротив, это хорошо — знать, сколько тебе отпущено судьбой. Можно все тщательно распланировать, чтобы успеть совершить задуманное. Жизнь и вправду коротка. Нужно меньше спать, реже и умереннее кушать, тогда больше успеешь сделать. На сон мне нужно не более трех часов, а плотно ем я всего один раз в день. Со мной делятся энергией люди, которым я симпатичен, — улыбается Сидик и после короткой паузы продолжает: — Умереть я не боюсь. Человек духовно вечен. На основании теории чисел я выяснил связь между физической и духовной сущностями. Физические явления можно сравнить с ногтями: когда они сильно отрастут и начинают отмирать, ломаться, мы их обрезаем. Духовное же отрезать нельзя — это палец, он живой. Дух остается всегда, меняется только физическая оболочка. Наша жизнь — учеба...

Я, видимо, один из немногих, кто «видит» день своей смерти. После кончины мне станет хорошо по трем при-

чинам. Во-первых, моя теория будет признана во всем мире, ее станут развивать дальше. Во-вторых, меня все будут вспоминать добрым словом, я имею в виду простых, честных людей. Ну, а в-третьих, я тогда отдохну после трудов... — заключает Сидик.

В этих его словах нет никакой рисовки, никакой позы. Афган действительно вполне хладнокровно относится к необходимости умереть в срок, определенный неведомой силой, вычислил этот срок и работает, много работает. Более 6 кг потянули на напольных весах одни его характеристики, научные заключения экспертов, приглашения к сотрудничеству, а еще 10 кг — математические труды... Прибавьте к этому 125 больших плакатов-таблиц по теории чисел и ее применению для прогнозирования различных исторических событий (некоторые из них я уже упоминал). Немало информации впитали в себя и 18 часов видеозаписи — кассеты лежат стопкой за его спиной, когда он сидит за рабочим столом.

— Сидик, это талант, помноженный на колоссальное трудолюбие? — невольно вырвалось у меня.

— Это — Бог, — серьезно ответил он.

— А тем, кто не верит ни в Бога, ни в черта, откуда черпает силы в наше смутное время?

— Да, сейчас простым людям тяжело: есть демократия, нет хлеба. Впрочем, и раньше было не легче: был хлеб — отсутствовала демократия. Но опираться следует на Совесть, Свободу, Справедливость, Равенство: сокращенно — СССР. Пока эти категории не займут в жизни людей должного места — ожидать изменений к лучшему нет оснований.

— Значит, жить вообще без надежды?

— Почему же? Процесс духовного возрождения великой страны непрост. Но расчеты показывают, что уже 1993 год принесет сравнительное благополучие.

— А в чем выражается взаимосвязь событий? Правда ли, что «настоящее всегда чрево будущим»?

— Вопрос непростой. Постараюсь ответить попонятнее. Любое движение зависит от времени и места в Солнечной системе. И жизнь каждого индивида подчинена формулам. Она запрограммирована. Случайность — это закономерность, только еще не познанная. Здесь важно чувствовать, понимать сущность числа, его значение и влияние. Числа и их сочетания образуют еще не открытые людям законы Вселенной и прежде всего законы ее гармонического развития. Анализируя ход различных исторических событий, я пришел к выводу, что процесс этот развивается вовсе не хаотически. Все события закономерны, взаимосвязаны и как бы вытекают одно из другого. В своих расчетах я использую алгебраический, геометрический ряды, а также специальный ряд — треугольник.

— Выходит, прав был Виктор Гюго, когда писал, что «разум человека владеет тремя ключами, открывающими все: цифрой, буквой, нотой. Знать, думать, мечтать. Все в этом». Познание он связывал с цифрой. Гениальная догадка?

— Эту мысль еще в шестом веке до новой эры высказал мой любимый Пифагор. Но то, о чем он только догадывался, я в своей математической теории прогнозирования углубил, расширил и обосновал. Математику издавна и не напрасно считают вершиной всех наук. Она по праву заслуживает такого почитательного отношения...

ОБ ИСТОРИИ

Здесь, пожалуй, самое время сделать небольшое отступление. Как можно получить новое знание о человеке, народе, человечестве, используя разработанные Афганом формулы математической философии? Ответа на этот вопрос я пока не знаю. Слишком уж не проста теория и незначительно время, в течение которого я беседовал с ее автором. Здесь, думается, как раз и проявляется себя то, что один западный философ более тридцати лет назад назвал

«непостижимой эффективностью математики в естественных науках». Теперь, вероятно, можно распространить это высказывание и на науки о человеке и человечестве. Однако на вопрос «почему это так?» мы едва ли сможем ответить сегодня сколько-нибудь вразумительнее, чем Пифагор, которого Сидик считает своим предшественником.

Много ли мы знаем о Пифагоре? Твердо помню, что «Пифагоровы штаны на все стороны равны»? Дальше этого редко кто продвигается. А ведь теорема о том, что в треугольнике квадрат гипотенузы равен сумме квадратов катетов — отнюдь не главное достижение математика. Самым мудрым на свете Пифагор почитал число и утверждал, что знание математики более всего приближает человека к богам. Ведь если есть в мире законы, которым повинуются все без исключения: и люди, и боги — то это в первую очередь законы математические.

Пифагор был, как известно, не только великим древнегреческим математиком, но и философом. Он любил повторять: «Я не учу мудрости, я исцеляю от невежества». О нем рассказывают удивительные истории. Однажды на морском берегу он встретил рыбаков, которые с насадой ткнули большой невод. Пифагор обрадовал их: «Улов составят 518 рыб». Так и оказалось...

Главной задачей человека Пифагор считал заботу о гармоничности тела и души. Только такой индивид может включиться в космический ритм, в симфонию вселенского единства. Высшей заповедью пифагорейской этики была «эвритмия»: верный ритм в пении, играх, танцах, речи, жестах, мыслях, поступках, в жизни и смерти. Он верил в таинственный характер чисел, в особенности числа 7. Во времена Пифагора был даже написан трактат об универсальном значении этого числа. (Сидик тоже считает семерку волшебным ключом в будущее). Главный тезис Пифагора — «все есть число», ибо оно, по его убеждению, правит миром, определяет порядок вещей и их отношения.

— Пифагор был прав! — убежденно говорит Сидик. — Он видел красоту и гармонию чисел. Однако идеи Пифагора были озарением, а математическая философия мира еще не развивалась. Он правильно утверждал, что все ситуации заранее запрограммированы. Но чтобы убедиться в этом, только математических знаний недостаточно. Я работаю на стыке нескольких наук: математики, истории, философии, психологии, политологии. Это и позволило добиться успеха. Вы ведь не станете отрицать, что каждое историческое событие имеет точную дату — год, месяц, день, локализовано в конкретной точке Земли? Проводя специальные вычисления, я анализировал и сравнивал события прошлого и настоящего. В результате выстроилась очень изысканная логическая кривая, продолжив которую, можно прогнозировать события будущего.

— В этом и заключается взаимосвязь математики и истории?

— Не только... Если представить естественные и гуманитарные науки, как две пирамиды, то на вершине одной окажется математика, а на вершине другой — история. Эти две «вершинные» науки развиваются параллельно. Я хочу перекинуть между ними мост, — поясняет Сидик. — Ведь история — тоже точная наука. Если математика — язык природы, то история — язык общества. Я нашел в них общие фазы.

— Это хорошо, но как вы оцениваете мысль о том, что лживых историков следовало бы казнить, как фальшивомонетчиков?

— Казнить таких историков не нужно, а вот публиковать их труды — действительно преступление. Но зерна истины все же отделяются от плевел лжи. Как учил Пифагор, все ситуации заранее рассчитаны, ход истории является строгой закономерностью и не зависит от людского произвола. Следуя по его стопам, я, можно сказать, возвожу здание, в котором пол — наша планета, стены — другие науки, а крыша — математика. — Сидик с готовностью объясняет суть своих вычислений, чертит ряды

треугольники, изобретенные им, заполняет их цифрами. Но уследить за полетом его мысли и понять ход рассуждений непрофессионалу, увы, чрезвычайно трудно. Слабо помогло даже то, что по высшей математике в политехническом институте у меня когда-то стояло в зачетке «отлично».

У моего собеседника очень развита способность мгновенно менять уровни абстракции, потому без всякого перехода он продолжает:

— Я говорю о том, что знаю, что вычислил. Не отрекусь от своих взглядов. Никто и ничто не заставит меня изменить истине. Я и дальше буду следовать заповеди Пифагора, учившего, что боги дали людям две благодати: говорить правду и делать добро. Не беда, что я шесть раз сидел в тюрьме в Афганистане! Хватало меня и в СССР во время правления Брежнева, — признался Сидик. — Но я не буду молчать, сталкиваясь с несправедливостью.

— Сидик, за девять лет учебы в СССР вы poznali жизнь нашей страны изнутри. В чем вы видите причину теперешнего тяжелого положения государства?

— В следовании утопическим идеям Маркса и Ленина! Об этом я во всеуслышание заявил и с трибуны XXVIII съезда КПСС. Марксизм-ленинизм как официальную идеологию насаждал весь государственный репрессивный аппарат, в том числе вооруженные силы, его догматы вдалбливались в сознание людей через газеты, радио, телевидение, и тем не менее он рухнул. Священные верования не нуждаются в такой поддержке, потому что в них сверкают зерна истины.

— Конечно, образ мыслей ненаказуем. И все же, слушая ваши высказывания об официальной идеологии нашего государства, невольно вспоминаешь мнение А. Франса, что «самое редкое мужество — это мужество мысли»...

— Просто я много думал об этом. Против марксизма-ленинизма я выступаю не голословно...

1. Он ошибочен и вреден потому, что отрицает Бога. 2. Он утверждает, что мир возник случайно, в то время как все в мире происходит закономерно. 3. Его догматы направлены против нормальной психологии как отдельного человека, так и всего человечества. 4. Он препятствует процессу разностороннего развития человека. Если капитализм возник естественным путем, то социализм — искусственное образование, безуспешно пытающееся воплотить утопические догматы в реальную жизнь. Что получилось — объяснить не нужно. 5. Он противоречит основным положениям физики: понятиям материи, массы, энергии. Здесь я в подробности не вдаюсь, они слишком сложны.

— Но кому этих доводов мало, — экспансивно продолжает ученый, — пусть сравнит результаты развития таких государств, как ФРГ и ГДР, КНДР и Республика Корея, Китай и Тайвань. Один и тот же народ, поставленный в разные условия господствующей системой, дал совершенно несравнимые результаты духовного, научно-технического и экономического развития. Не случайно ГДР влилась в ФРГ, а не наоборот. То, что было искусственно разделено, воссоединилось. Это, кстати сказать, вполне соответствует моему прогнозу развития событий в Восточной Европе.

— Ну, нам-то не с кем воссоединиться. Союзу скорее грозит развал...

— Не нужно быть пессимистом. Однако, пока Ленина не предадут земле, никакого улучшения не будет. Почему?

Потому, что нарушен закон духа: тело законсервировано, а душа отлетела. Согласно моим расчетам, в промежутке с 21 января 1991 года по 21 января 1992 года его мумия будет похоронена. Мавзолеем на Красной площади можно будет сохранить как место общественного пользования.

— Но теперь раздаются голоса, что России нужно было пожертвовать собой ради спасения мира. Вот эти идеи на наших народах и обкатывали!

— Думаю, что идеи Маркса и Ленина можно было попытаться внедрить в жизнь какого-нибудь маленького государства. А Ленин и его последователи бросили в это страшное горнило такую великую страну. Врач ошибется — умрет больной, пилот ошибется — погибнут экипаж и пассажиры, а вот если ошибется руководитель государства — страдает все население страны, а то и весь мир, когда государство большое. Пример СССР весьма показателен.

О ПОЛИТИКЕ

— Я бы сравнил Горбачева с главой большой семьи, которая живет в старом многокомнатном доме, — говорит Сидик. — Михаил Сергеевич предложил этот дом не ремонтировать, а отстроить заново. По его мысли должно быть создано новое общество: не капиталистическое и не социалистическое, а вобравшее в себя все плюсы как первого, так и второго. Другой площадки для строительства дома нет, вот и живут люди пока в старом, ведь новый не готов. Наиболее нетерпеливые начали старый дом ломать, чтобы использовать в качестве строительного материала. Время идет, наступил холодный октябрь. Надо торопиться со строительством. Хватились, а кирпича нет, бетонный раствор затвердел. Жильцы мерзнут, ругают архитектора, затеявшего всю эту стройку-перестройку. Выходит, что виноват президент, а чиновники, укравшие кирпич, в стороне? А саботажники, всеми силами пытающиеся заморозить стройку, ни при чем?! — возмущается Сидик, и с чувством продолжает: — Я — гражданин этой планеты, давно живу среди русских. Я хочу научно поддержать политику перестройки. Раньше я никогда не интересовался политикой, не поддерживал никакие идеологические течения. А вот Горбачева и перестройку необходимо поддерживать. Я очень уважаю советского президента. Он оказал всему миру громадную услугу, разрушив тоталитарную марксистскую догматику. Даже когда Горбачев уже не будет президентом, его портрет все равно останется в моем кабинете.

— Ваши слова заставляют вспомнить мудрую мысль Стефана Цвейга, что «историческое деяние бывает закончено не тогда, когда оно совершилось, а лишь после того, как оно становится достоянием потомков». Кстати, объясните, пожалуйста, что означает ваша формула Г+Е—П=П.

— В этой формуле прослежена взаимосвязь между Горбачевым и Ельциным и дан прогноз. Она расшифровывается просто: Горбачев плюс Ельцин минус партия равно победа.

Это не просто мое умозаключение. Все доказывается с помощью выведенной мной математической теории. Если кому-то из читателей удастся решить это буквенно-цифровое уравнение, он может рассчитывать на получение от меня приза — автомобиля.

2	3	4				I	2	3				0	2	4	6				5	4	3	2
2			2			2						I		7					4			3
2			I	2	3		3	2	I		3	2	I	2		8	2	2	2	3		4
2			2			2						3		9		I	2	3		2		5
2						I	2	3				4		0					I			6

Вот посмотрите. И Ельцин и Горбачев родились в 1931 году, причем Борис Николаевич старше президента на 30 дней. Строим математический ряд на Ельцина: один в квадрате, плюс два в квадрате, плюс три в квадрате, плюс четыре в квадрате. Складываем и в итоге получаем 30. Теперь Горбачев. Два в первой, два в квадрате, два в третьей, два в четвертой. Суммируем и тоже получаем в итоге 30...

— Однако астрологи утверждают, что люди, родившиеся под знаком «Рыбы», склонны к изменениям, но у них противоречивый характер. Их решения порой неустойчивы и до конца не воплощаются. Горбачев родился под этим зодиакальным знаком, потому он, якобы, реформатор, а не создатель. Значит, чтобы продвинуть его идеи и завершить топтание на месте, нужна поддержка людей с психотипом инициатора (Рак, Овен, Козерог, Весы), а уже потом результаты должны зафиксировать создатели (Телец, Лев, Скорпион, Водолей). Ельцин родился под знаком Водолея. Согласуются ли эти рассуждения с вашими прогнозами?

— Еще до 13 апреля 1990 года я рассчитал, что Ельцин победит на выборах. Тогда же вывел формулу $G+E=P$. И все же главная фигура в деле перестройки — это Горбачев. Его числовой код и индекс ясно указывают на победоносность. Он — космический человек. Я предсказал точную дату избрания Горбачева президентом, спрогнозировал свою встречу с ним, и она состоялась на XXVIII съезде КПСС. Я считаю его выдающимся политическим лидером XX века и сказал ему об этом на съезде. Кстати, по моему прогнозу он останется на своем посту еще долго и увидит полную победу начатого дела.

— Недавно болгарская ясновидящая Ванга сказала: «Я вижу над вашей страной солнце. Это добрый знак. У вас все будет лучше, чем сейчас». Ваши прогнозы в отношении СССР столь же оптимистичны?

Вместо ответа Сидик подводил меня к таблице «Определение главных событий в СССР с 1914 года и прогноз до 1998 года с помощью математики». Из нее следует, что в 1991 году начнут формироваться новые экономические отношения, в 1992 году окончится первый этап перестройки, в 1994 году страна перейдет к рыночной системе и начнется экономический подъем, а в 1998 году перестройка успешно завершится.

— Но, — продолжает ученый, — Горбачев будет первым и последним президентом страны из числа членов КПСС. По моим расчетам также выходит, что XXX съезда этой партии не будет, XXIX съезд станет последним в ее истории...

Очень характерно, что год рождения Горбачева и Ельцина по моей системе безукоризненно точно вычисляется с любого года от принятия Русью христианства.

Объясняя, как это получается, Сидик испещрил цифрами и геометрическими фигурами не один листок бумаги, а закончил свои рассуждения так:

— В год своего шестидесятилетнего юбилея Горбачев и Ельцин помиряются. Это очень поспособствует делу перестройки.

О РЕЛИГИИ

— В ходе перестройки началось постепенное возрождение духовности, изменяется отношение к религии. Как вы оцениваете Библию и Коран? Долгие годы нашим согражданам вбивали в сознание, что это — сборники мифов, а религия — опиум...

— Религия понемногу возвращает свои позиции. Вот и Рождество сделали праздником. Это хорошо. Правильность Библии и Корана я проверил математикой. Многие положения этих древних книг отражают реальные события. Конечно, Коран — это своеобразный раздел Библии: он создавался на ее основе. В нем говорится, что мусульманину следует уважать христианина, что они должны добродетельно, терпимо относиться друг к другу. Коран

утверждает, что предпоследний посланец Бога — это Христос, а последний — Мухаммед. Между этими священными книгами есть, правда, и отдельные противоречия. Так, Коран разрешает многоженство и запрещает потребление спиртных напитков, а Библия — наоборот.

Человеческая цивилизация пошла от Адама. Его дух был из Космоса, а плоть — от Земли. Бог для эксперимента создал Адама, хотя примитивный материализм и отрицает это. Ссылаются на теорию Дарвина о происхождении видов, сей англичанин заблуждался, о чем сейчас в Советском Союзе говорить и писать уже не запрещено. На Западе же многие ученые пришли к такому выводу. Человек произошел вовсе не от обезьяны, а был создан. По этой проблеме я выступил в Академии наук, рассказывал также о своих математических подходах к Библии и Корану.

— Кто-то из мыслителей прошлого сказал, что истинный показатель цивилизации — не уровень богатства и образования, не величина городов, не обилие урожая, а облик человека, воспитанного страной. Сейчас советских людей пытаются выставить чуть ли не чудовищами. Каково ваше мнение?

— Позвольте начать с довольно общих рассуждений. Как человечество в целом, так и каждый отдельный человек имеет духовную и физическую составляющие. По качеству духовной компоненты я подразделяю всех людей на космических, нормальных и «животных». Космические люди появляются в облике обычных сограждан, их немного, не более чем один человек из тысячи. Если такие люди практически на 100 процентов работают для блага общества, то нормальные уже на 50 процентов думают о себе. Что же касается «животных» в человеческом обличьи, то они — полные эгоисты и все замкнуты на низменные интересы. Они-то и убивают, воруют, насилюют... Известно, что такие индивиды — хуже настоящих животных, которые себе подобных просто так не убивают. Ведь волк никогда не убьет волка, олень — оленя. А бездуховные, алчные люди, которых я отношу к «животной» категории, убивают, не задумываясь, либо по злобному умыслу. В человеческом обществе таких выродков примерно одна десятая часть. Я имею в виду не только советское общество. Во всем мире сохраняется такая печальная пропорция. Есть и высшая категория — Бог. В Библии, если вспомнить, говорится о нескольких небесах. Это следует понимать так. Четвертое небо — это четвертое измерение. Там время не течет, и оно, кстати сказать, нематериально. А верхнее, седьмое небо (измерение) — это бесконечность.

Материальную составляющую жизни человечества тоже можно разделить на три категории. На нашей планете около 160 стран, каждой из которых управляет президент, король, председатель или кучка людей. Они получают материальные блага по высшей отметке. Ко второй категории относятся их приближенные, помощники и прочие прихлебатели, которым материальные блага тоже перепадают в избытке. И, наконец, мы, простые люди, так сказать, третий сорт, который всегда страдает.

У меня есть 24 часа в сутки для простых людей, а для власть предержащих — нет, так же как у них не находится времени для рядовых граждан. Со мной хотели бы встретиться многие сильные мира сего. Джордж Буш прислал мне приглашение посетить его в удобное для меня время. Американский президент подождет, как и другие высокопоставленные персоны. Я их, «великих», так наказываю. Они завистят от меня, а я от них — нет.

— Но ведь при их поддержке, вам, Сидик, было бы куда легче распространить свои идеи по всему миру!

— Я не ищу легких путей. Мне, конечно, трудно, — все приходится делать самому: пропагандировать свою теорию, защищать ее от нападок невежд... Пресса — вот мост между мной и людьми. Я хочу, чтобы о моей теории и тех возможностях, которые она дает, знали все. Меня приглашают во Францию, в США, другие страны, но я не

поеду. Мое дело в России еще не закончено: я должен помочь возродиться вашему обществу.

— Сидик, были ли на Земле другие цивилизации?

— Нет, наша цивилизация первая. Были лишь духовные цивилизации на других планетах. Мы — создания высших существ Космоса.

О ПРОРОЧЕСТВАХ

— Как вы относитесь к хиромантии? Реальны ли способности хиромантов заглянуть в будущее человека, анализируя расположение папиллярных узоров на ладонях? Долгое время люди, занимающиеся хиромантией, считались шарлатанами.

— Шарлатаны есть в любой профессии. Хиромантия рождена опытом. Недавно у меня была возможность проверить способности одного хироманта. Всю свою будущую жизнь я просчитал, точно знаю, что меня ждет и когда. А в августе 1990 года в посольстве Афганистана хиромант, глядя на ладонь, предсказал основные события моей жизни. Все совпало с хорошей точностью. Недостаток хиромантии заключается в том, что нельзя определить конкретные даты наступления того или иного события. Хироманты оперируют образами, потому их прогнозы, как правило, недостаточно конкретны.

— В некоторых публикациях вас, Сидик, называют современным Нострадамусом. Как вы относитесь к такой аналогии?

— Между мной и Мишелем де Нострадамом, известным под именем Нострадамус, больше различий, чем сходства. Свои прогнозы он излагал в стихотворной форме и тщательно зашифровывал, поэтому некоторые из них до сих пор остаются тайной за семью печатями. Нельзя однозначно утверждать, что, сочиняя то или иное предсказание, он действительно имел в виду конкретное историческое событие. Пророк не называл дат, и это побуждает к поиску аналогий в истории человечества. Каждый символ в его «Центуриях» может иметь множество вариантов расшифровки. Его предсказания, думается, апеллируют к душе каждого отдельного человека, поэтому каждый волен истолковывать их по-своему.

В письме к сыну Нострадамус подчеркнул, что описывает те события, которые еще не наступили, но все они движутся и управляются Божественной волей. Люди будущих времен могут быть видны в настоящем, если Божественная воля решит явить их в виде образов, которые абсолютны. Откровение возникает под воздействием этой воли на пророка, чья энергия и сила исходят от солнечных лучей, питающих живые и неживые тела. И все же очень многое остается от пророка скрытым...

— Сидик! В свете ваших воззрений сами собой напрашиваются вопросы: а как быть с высказыванием, что каждый человек есть творец своей судьбы? И можно ли предотвратить то, что «на роду написано»?

— Вокруг нас существует информационное поле, которое и содержит сведения о будущих событиях в жизни человека, семьи, общества. Оно нематериально. На него опираются телепатия, ясновидение, другие паранормальные явления, еще до конца не познанные современной наукой. Все мое время...

— Давайте вернемся к вещам более злободневным. Хочу заметить, что ваш прогноз о развитии ситуации в СССР хорошо стыкуется с мнением профессора Туринского университета Роберто Паницца, советника парламента Итальянской республики по экономическим проблемам. Он сказал корреспонденту газеты «Комсомольская правда» 22 декабря 1990 года: «Лет через десять ваша страна превратится в процветающую державу... Конец XX века войдет в историю как период окончательного краха тоталитарных режимов. Этот процесс охватил уже весь мир и будет набирать все большую силу». Прогнозы этого известного итальянского экономиста обычно сбываются. Он,

кстати сказать, тоже одобряет решимость Горбачева снести под бульдозер тоталитарную систему.

— Приятно узнать, что я не одинок в оценке политики президента СССР и в определении сроков, когда ваша великая держава выйдет в число наиболее благополучных и развитых стран мира.

— Нострадамус писал о третьей мировой войне, как о войне Антихриста: «В июле, в седьмом месяце 1999 года. Великий и ужасающий вождь придет по воздуху, оживляя или вызывая великого завоевателя Ангулема. Перед и после этого счастливо воцарится война». Изменяя собственному обычаю, он тут даже называет точную дату.

— Взгляните сюда! — Сидик подводит меня к таблицам «Взаимоотношения между Востоком и Западом и прогноз до 2000 года» и «Взаимосвязь между Востоком и Западом и прогноз до 2025 года». — Видите, в 2000 году в мире произойдет общее разоружение. Думаю, что Нострадамус был неправ, или люди неверно истолковали его пророчество. По моим расчетам выходит, что СССР + США это МИР. Третья мировая война исключена.

— Замечательный прогноз! Очень бы хотелось, чтобы он сбылся! Но почему люди узнают о вас только из куцых газетных статей? Почему для пропаганды своих идей вы практически не используете такой мощный канал, как телевидение?

— Не хочу быть надоедливым, как Кашпировский, — усмеяется Сидик. — Я пошел навстречу только моему русскому другу Сергею Шолохову, снявшись в телепередаче «Пятое колесо».

21 мая 1990 года эта программа посвятила М. С. Афгану 49 минут. Но многие ли видели передачу? О нем писали 65 зарубежных и отечественных газет, однако он — математик с мировым именем, всецело поддерживающий перестройку — гораздо больше известен за рубежом, чем в стране проживания — СССР.

Правда, в архиве Сидика я видел письмо о том, что Ленинградская студия документальных фильмов приступила к созданию художественно-публицистического фильма «Ельцин + Горбачев = Победа», который расскажет о деятельности известного афганского ученого. Уже были съемки на XXVIII съезде КПСС, где он встречался с Горбачевым, Лукьяновым, Шеварднадзе, Ельциным, Лигачевым. Съемки планируются продолжить в СССР, Афганистане, Франции, США и ряде других стран. Ленинградские кинематографисты работают совместно с «Афганфильмом». Но когда он выйдет?..

— Но как вы, беспартийный иностранец, попали на двадцать восьмой съезд КПСС? — решил я задать вопрос, давно вертевшийся на языке.

— По приглашению, как же еще? — удивился Сидик. — Прослушали делегаты съезда и мое выступление. Приятно, что мои прогнозы и наблюдения были высоко оценены советским руководством. На съезде я дал интервью корреспондентам ТАСС и ряда средств массовой информации зарубежных стран.

Математик извлекает из конверта пачку фотографий, на которых он запечатлен беседующим в кулуарах съезда с названными выше советскими деятелями. На лацкане его пиджака — табличка с цифрой 1. Он был единственным беспартийным иностранцем, приглашенным на партийный съезд в качестве наблюдателя.

— Не всем, наверное, понравилось мое выступление с высокой партийной трибуны, — продолжает он. — Я не только рассказал о своей научной работе, но и напомнил, что советские солдаты находились на моей родине без всякого приглашения...

Армия — не народ, она — орудие власти... Так было во все времена. Я не обвиняю советских солдат, стрелявших в моих соотечественников. Ваши войска никто не призывал к нам, а разглагольствования об оказании братской интернациональной помощи — измышления нечистоплотных

политиков. Они организовали и провели военный переворот в Кабуле, поставили во главе страны свою марионетку — Бабрака Кармала. Из-за этой необъявленной войны треть населения Афганистана оказалась в униженном и страшном положении беженцев. Еще треть — а это около 6 миллионов человек — погибла или пропала без вести. Экономический ущерб, причиненный моей родине, сегодня исчисляется суммой в 20 миллиардов долларов. Советский Союз истратил на финансирование кабульского режима 60 миллиардов долларов, а втянутые в конфликт США и другие страны — 40 миллиардов долларов. Я должен был бы ненавидеть «шурави». Но мой разум, мое сердце принадлежат не только Афганистану, я — гражданин Земли. И я горюю с любой матерью, из-за авантюристической политики лишившей сына, какой бы национальности он ни был. Солдат есть солдат. В том, что произошло, виновато только бывшее партийное руководство СССР. И об этом я сказал с трибуны XXVIII съезда КПСС.

— **Каков ваш прогноз о будущем Афганистана?**

— Я пока не хотел бы рассказывать обо всем, что показали расчеты. Следите за прессой. В 1991 году НДПА как политическая сила в стране сойдет со сцены. В октябре — ноябре произойдут серьезные изменения, будет сделан первый шаг к всенародному примирению.

— **Афганский народ потерял в войне 1979—1989 годов несколько миллионов человек, советский — около 15 тысяч...**

— Потери ваших вооруженных сил составили гораздо большую цифру, чем указывается в официальной армейской статистике. Сколько? Я не хотел бы усугублять горечь от этой войны...

— **Из некоторых ваших предыдущих рассуждений можно сделать вывод об обоснованности утверждения, что даже несчастный случай является неизбежным происшествием, обусловленным действием непреложных законов природы. Выходит, можно прогнозировать и то, что конкретный человек в будущем совершит преступление или уже натворил что-то, оставшееся пока не раскрытым? — не выдержал во мне бывший следователь.**

— Да, это возможно. Разработанная мной математическая теория прогнозирования позволяет сделать это с высокой степенью точности. Можно просчитать даже, плохой это человек или хороший. Для того, чтобы выяснить с помощью математики, совершил ли он конкретное преступление, нужны следующие данные: дата его рождения, номер паспорта и день совершения преступления. Базируясь на этих цифрах, можно построить графики, точка пересечения которых и укажет: вот преступник, а этот человек попал под подозрение по случайному стечению обстоятельств. Названные сведения служат отправной точкой и для построения графиков в отношении потерпевшего от преступления.

— **А если какие-то из этих данных следствию неизвестны? Ну, например, виновного в преступлении еще предстоит установить. Откуда мы узнаем день его рождения? Или преступника уже поймали, а личность потерпевшего выяснить не удается — он мертв, документов при нем нет, никому убитый не известен.**

— Эти препятствия только на первый взгляд кажутся непреодолимыми. У меня есть опыт в раскрытии с помощью математических расчетов и более сложных уголовных дел. Так, на Украине в одной из областей некто убил более двадцати несовершеннолетних девушек. Шесть лет эти злодеяния оставались нераскрытыми, подозреваемых не было совсем. Я по просьбе правоохранительных органов в течение недели провел необходимые расчеты и раскрыл эти преступления: в прямом смысле слова вычислил мужчину, который насиловал и убивал девушек. Этот человек, если его можно так назвать, объявлен во всесоюзный розыск.

Приходилось мне раскрывать преступления и дома, в Афганистане, а также во время учебы в Липецком педагогическом институте. Так, я вычислял людей, которые

воровали вещи в общежитии пединститута. И воры вещи возвращали. Один раз, правда, пришлось обратиться в милицию, когда обокрали студента-эфиопа Минауи. Воры не захотели вернуть краденое. Как видите, не случайно одним из направлений моей комплексной научной работы по лечению большого общества стала борьба с преступностью, которую можно вести и с помощью математических методов...

ИТОГИ НАШЕЙ БЕСЕДЫ

Мы с Сидиком проговорили 7 часов. И я, конечно, далеко не все успел записать, а кое-что просто не понял, например, как рассчитывает он свои прогнозы. Это и не удивительно: математик высочайшего ранга — и я, человек с гуманитарными наклонностями...

Тут, правда, я могу положиться на мнение Академии наук СССР. Письмом от 25 августа 1990 года Межведомственный научный центр АН СССР сообщил в посольство республики Афганистан, что «научно-исследовательская работа, выполняемая М. С. Афганом, направлена на выявление закономерностей философии нового мышления, она исключительно актуальна и перспективна. Формальные методы способствуют скорейшему познанию и использованию закономерностей энергоинформационного обмена между человеческим обществом, природой и техникой в плане их гармоничного формирования. Проблема является общечеловеческой».

Пришло признание и не на столь высоком уровне. Кафедра истории ЛГПИ им. А. И. Герцена высоко оценила исследования М. С. Афганом истории России и СССР с помощью математических методов. И... он оказался отличником из аспирантуры. Почему? Да потому, что тема его научных изысканий не совпадает с научными направлениями математических кафедр института. Не нашлось ему научного руководителя и в других городах: Москве, Киеве, Минске... Вот и занимайся после этого проблемами, имеющими общечеловеческое значение! И если бы только это!

— **Посмотрите, господин! — Сидик протягивает мне официальное письмо, извещающее, что визу пребывания в СССР ему закрыли 1 декабря 1990 года — гораздо раньше первоначального срока. К письму предупредительно приложен авиабилет до Кабула. — Вот ведь как обо мне беспокоились! — не без сарказма продолжает он. — Даже билет купили, лишь бы уехал. Каким-то мафиозным кланам, видимо, сильно не нравится, что я поддерживаю политику перестройки и никому не хочу кланяться. Но я не уеду! Хотя бы потому, что еще не успел ответить на полторы тысячи писем советских людей. А ведь они будут ждать моего прогноза, надеяться. Я лечу большое общество, пропагандирую перестройку, а меня выгоняют. Но я же приехал по приглашению, не нарушил никаких законов, так за что меня пытаются выдворить из страны? Это нарушение прав человека!**

Если бюрократы все же вынудят меня досрочно покинуть Ленинград, — с жаром продолжает ученый, — тогда я соберу все свои математические труды по истории России и Советского Союза и сожгу на площади перед зданием Ленсовета. Это будет мой протест против произвола невежд, облеченных властью. Но ход истории они не остановят! По моим прогнозам, в 1993 году Ленинград, например, переименуют, вернут ему прежнее, историческое название. Он снова станет Петербургом.

— **Сидик, а что ждет в этом плане Свердловск, основанный в 1723 году как Екатеринбург и получивший новое название в 1924-м?**

— Сейчас посмотрим, — и он приступает к манипуляциям с цифрами, кажущимся одновременно очень изящными и таинственными. — Знаете, у меня получается, что ваш город был основан раньше, чем это принято считать. Уже в 1720 году был разработан проект Екатеринбурга.

Я сказал, что ни о чем подобном раньше не слышал, и подарил математику экземпляр журнала «Уральский следопыт» со своей статьей о восточном целителе Цзяне. Пока Сидик читал мою статью, я просматривал отзывы на его прогнозы. Все прочитать не было ни времени, ни возможности. А самому все не давала покоя мысль об истинной дате основания Екатеринбурга. И уже вернувшись домой, я узнал от сведущих в истории края людей, что известный русский государственный деятель Василий Никитич Татищев, приискав на реке Исети место для Екатеринбургского завода, дал в январе 1721 года наказ приступить к заготовке строительных материалов. Значит, прав был мой собеседник, что Екатеринбург-Свердловск старше, чем принято считать, на 3 года и ему нынче исполнилось 270 лет! Но как это могли показать простые цифры? Ведь в своих расчетах он отправлялся от официальной даты основания нашего города! И не захочешь, а поверишь, что «все есть число»...

— Мы с Цзяном во многом похожи, — заключил после чтения Сидик. — И его, и меня на родине преследовали, держали в тюрьме. В Советском Союзе у нас как бы вторая родина. Он лечит больных людей, и я стараюсь вылечить большое общество. — И тут же, без всякого перехода: — После того, как Ленина предадут земле, Свердловск будет переименован.

Понимая, что уже злоупотребляю временем и вниманием своего удивительно интересного собеседника, я все же задал последний вопрос:

— Не могли бы вы дать прогноз будущего журнала «Уральский следопыт», выходящего в свет с апреля 1958 года?

Сидик быстро проводит расчеты, строит математические ряды, чертит треугольники, кажущиеся магическими, и с удовлетворением заключает:

— «Уральский следопыт» никто не задавит, никакой рынок. Наоборот, в 1992—1993 годах журнал ожидает пик читательского интереса, его тираж будет расти.

Я постарался передать наш разговор с Афганом как можно точнее. Пусть читатели думают и решают сами, с чем они согласны, а с чем нет. Для меня же мой собеседник остается человеком, для которого Совесть — высшее мерило людей.

Беседу вел доктор юридических наук
Евгений ИЩЕНКО

Лев ТОКМАКОВ

* * *

Дороги к знаниям тернисты,
А расстоянья не близки.
Узки в наш век специалисты,
Они узки не по-мужски.

Мужик, широкая натура!
Где твой прославленный размах?
Любая крашенная дуря
С тобой уравниена в умах!

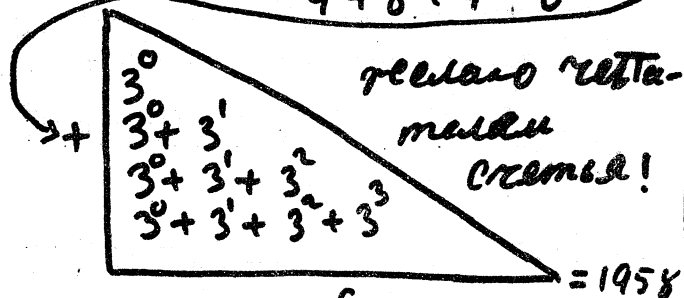
Глазок на пульте управленья
Надежней наших умных глаз.
Давно секунда промедленья
Совсем не гибельна для нас.

А риск, отвага, лов момента?
Да не нужны они совсем!
И вьются ленты. Перфоленты
Мужеподобных ЭВМ.

О ЖЕНСКОЙ КРАСОТЕ

Мы помним хрупкие года,
Зарю Аэрофлота.
Как волновались мы тогда
У трапа самолета.
Но лишь технический прогресс
Коснулся небосвода, —
Возникла юных стюардесс
Особая порода.
В обличи зрелой красоты, —
Телесной и душевной, —
Непостижимы и просты
В салон вошли царевны.
И сразу легче стало нам
Переносить впервые
И тошноту воздушных ям,
И качки бортовых.
Какие дочери Земли
К нам в кресла нагбались!
А мы шутили, как могли.
И даже улыбались...
Но время шло, наш страх исчез.
Сегодня взглядом сонным
Мы провожаем стюардесс,
Идущих по салонам.
Безукоризненны черты
И вкрадчивы движенья,
Но первоизданной красоты
Исчезло напряженье.
Недомовита красота.
Простим ей свойство это.
Она нигде не вьет гнезда,
Мечась по белу свету.
Ее влечет туда, где страх,
Где риск ежеминутный,
Где в доме на семи ветрах
Мужчинам неуютно.
В тревогах мира и войны, —
От века и поныне, —
Кем наши души спасены
От мрака и унынья?
Когда друзей реддеет круг,
Когда беда в зените,
Взгляните на своих подруг!
Поприспальней взгляните!

$$1958 = \left[\begin{array}{l} 3^3 + 2^3 + 3^3 + 4^3 \\ + \\ 4^3 + 8^3 + 7^3 + 6^3 \end{array} \right] +$$

от Сидик

Агата
КРИСТИ

Кража В „Гранд-Метрополе“

Рисунки
Елены Крутских

Пуаро,— сказал я,— нам, наверное, не меша-
ет встряхнуться и подышать свежим возду-
хом.

— Вы так полагаете, топ ами*?

— Даже уверен!

— Вот как? — усмехнулся мой друг, лю-
бовно разглаживая свои великолепные усы.—
Похоже, вы уже все обдумали.

— Так мы едем или нет?

— А куда, собственно, вы предлагаете напра-
виться?

— В Брайтон. Дело в том, что один знакомый из
Сити помог мне заключить весьма выгодную сделку,
и вот у меня завелись лишние деньги. Думаю, мы
сможем неплохо провести уик-энд в «Гранд-Метро-
поле».

— Гастингс, друг мой, все это очень заманчиво,
Я очень признателен вам и принимаю приглашение
с благодарностью. То, что вы вспомнили о старом
бездельнике, говорит о вашем добром сердце. А доб-
рое сердце стоит больше, чем все эти серые клеточ-
ки.— Пуаро выразительно постучал себя по лысине
указательным пальцем.— Да, да, Гастингс, это исти-
на, о которой мы часто забываем.

Многолетняя дружба научила меня не слишком
доверять его комплиентам — в них часто таится ка-
кой-нибудь подвох. Вот и на этот раз мне не очень
польстила туманная риторика Пуаро. Я давно подо-
зревал, что мой старый приятель в какой-то мере
недооценивает мои умственные способности. Но я
был так занят мыслями о предстоящей поездке, что
пропустил мимо ушей эти сомнительные компли-
менты.

В субботу вечером мы уже сидели в переполнен-
ном расфранченной публикой ресторане отеля «Гранд-
Метрополь». Могло показаться, что все лондонские
тузы в этот день съехались со своими женами имен-
но в Брайтон. Наряды дам были кричащими, а дра-
гоценности — которые свидетельствовали скорее о
желании похвастаться, нежели о хорошем вкусе,—
просто ослепляли.

— Внушительное зрелище,— пробурчал Пуаро.—
У меня такое впечатление, что этот отель стал род-
ным домом всех спекулянтов.

— Наверное, в какой-то мере это так и есть,—
признал я.

Маленький бельгиец не спеша осматривал зал.

— Эта картина будит во мне сожаление, что я
обратил свои великолепные способности не на обде-
львание разных темных, но прибыльных делишек, а
на их раскрытие.

Он негодующе пробурчал еще что-то себе под
нос, а потом вдруг сказал:

— Посмотрите, Гастингс, на ту расплывшуюся от
тучности даму у колонны. Она буквально увешана
драгоценностями.

— О, да это ведь миссис Опэлсен.

— Вы знакомы с ней?

— Немного. Ее муж — богатый маклер. В послед-
нее время он нажил целое состояние, играя на по-
вышение акций нефтяных компаний.

Мы посидели еще минут десять, болтая о разных
разностях, а потом вышли в салон, где сразу же

* Мой друг (франц.).

столкнулись с супругами Опэлсен. После обмена несколькими ничего не значащими фразами, мы решили вместе выпить кофе. Мой друг, со всей присущей ему учтивостью, не преминул высказать похвалу драгоценностям пожилой дамы. Та мгновенно преобразилась:

— Ах, это мое единственное страстное увлечение, месье Пуаро! — живо воскликнула она. — Обожаю эти безделушки. Эдвард знает мою слабость, и каждый раз при выгодной сделке я получаю что-нибудь новенькое. Вы интересуетесь драгоценными камнями?

— Мне приходилось иметь с ними дело, мадам. И даже очень часто. Моя профессия stalkивала меня время от времени с самыми знаменитыми драгоценностями.

Не раскрывая подлинных имен, мой друг рассказал несколько историй о всемирно известных ювелирных изделиях, принадлежащих некоторым монархам и другим высокопоставленным особам.

— А вы знаете, месье Пуаро, — воскликнула жена маклера, когда мой друг закончил повествование, — у меня есть жемчуг, которому буквально цены нет! Это одно из прекраснейших ожерелий в мире: прелестная форма жемчужин, удивительно редкая окраска. Нет, словами не описать эту красоту, я сейчас же принесу ожерелье сюда!

— Ну что вы, мадам Опэлсен, — запротестовал Пуаро. — Бога ради, не утруждайте себя!

— Нет, нет, я с огромным удовольствием покажу этот жемчуг именно вам.

С этими словами полная дама торопливо засеменила к выходу. Ее супруг, беседовавший со мной, вопросительно посмотрел на Пуаро.

— Ваша жена так любезна, что хочет показать мне свое жемчужное ожерелье, — пояснил детектив.

— Ах, жемчуг, — самодовольно усмехнулся Опэлсен. — Его следует посмотреть. Он достался мне нелегко! Но это, между прочим, прекрасный способ вложения капитала. В любой момент можно получить его действительную стоимость и даже больше. Совсем недурно, если учесть эти проклятые налоги...

Маклер принялся сетовать на какие-то трудности и проблемы, в которых я плохо разбираюсь. Этот пространственный монолог прервал посыльный, который подошел к нашему столу на цыпочках и что-то шепнул Опэлсену на ухо.

— Что? Что такое?! — вскричал маклер. — Сейчас иду! Прошу меня извинить, джентльмены...

Наш грузный собеседник поспешно удалился. Пуаро поудобнее уселся в кресле и закурил. Потом принялся старательно выстраивать в ряд пустые кофейные чашки...

Прошло несколько минут. Супруги не возвращались.

— Интересная история, — нарушил я затянувшееся молчание. — Когда же они вернутся и вернутся ли вообще?

Мой друг залюбовался облаком табачного дыма и ответил не сразу.

— Они не придут, — сказал он важно.

— Почему?

— Потому, мой дорогой, что у них что-то стряслось.

— Но что могло случиться? И как вы узнали?

Пуаро снисходительно усмехнулся.

— Вы просто не хотите быть наблюдательным, капитан Гастингс! Посудите сами. Только что управляющий отелем буквально вылетел из своего кабинета, при этом у него был весьма растерянный вид. Лифтер оживленно разговаривает с посыльными и не обращает внимания на звонок, который прозвонил уже третий раз. Наконец, взволнованы даже официанты, а вы, конечно, понимаете, как трудно нарушить невозмутимость официантов. Дело, видно, необычное... А вот и подтверждение! Появилась полиция.

Я уже и сам видел: в холл вошли двое — один в мундире, другой в штатском. Перебросившись несколькими словами с посыльными, они быстро вышли во внутренний коридор. Через пару минут тот же самый посыльный подошел к нам:

— Мистер Опэлсен просит, чтобы вы, сэр, пришли в его номер.

Пуаро быстро поднялся. Можно было подумать, что он ожидал этого приглашения. Я, разумеется, поспешил за моим другом.

Апартаменты Опэлсенов находились на втором этаже. Посыльный постучал в дверь и отошел в сторону. Послышалось: «Войдите!», мы вошли и увидели такую сцену. В самом центре комнаты полулежала в кресле и плакала навзрыд миссис Опэлсен. Ее супруг нервно вышагивал по ковру. Два полицейских стояли у кресла пожилой дамы. Молодая белокурая особа (судя по униформе, гостиничная горничная) с испуганным лицом жалась к стене у камина, а в противоположном конце комнаты плакала и заламывала руки другая девушка. «Кто эта обворожительная леди?» — спросил я шепотом у полицейского и показал глазами на плачущую синеглазую девушку с пышными каштановыми волосами. «Камеристка миссис Опэлсен, французенка Целестина», — также шепотом ответил мне простоватый сыщик в штатском. Было похоже, что французенка количеством извергаемых слез старается превзойти свою госпожу.

И в этот бедлам вступил элегантный, хладнокровный и улыбающийся Эркуль Пуаро, всемирно известный и непревзойденный детектив. При виде его миссис Опэлсен сорвалась с кресла с живостью, столь удивительной для особы ее комплекции.

— Пускай Эдвард говорит что хочет, но я верю в свою счастливую звезду, — вскричала она. — Ведь это поистине предначертание судьбы, что именно вас, месье Пуаро, я встретила сегодня вечером. Если уж вы не сможете найти мой жемчуг, то этого никто не сможет сделать!

— Очень прошу вас успокоиться, мадам! — с галантным поклоном ответил мой друг. — Все будет хорошо. Эркуль Пуаро — знаток своего дела, и он поможет вам.

Мистер Опэлсен обратился к инспектору полиции:

— Вы ничего не будете иметь против того, чтобы... э-э... я попросил о помощи этого джентльмена?

— Абсолютно ничего, — ответил полисмен вежливо, но весьма равнодушным тоном. — Может быть, теперь миссис будет настолько добра, что сможет рассказать нам о том, что произошло здесь?

Дама с размытой слезами обильной косметикой на лице жалобно взглянула на Пуаро, и тот препроводил ее к креслу.

— Прошу вас сесть, мадам, и рассказать нам все. Спокойно и по порядку.

Миссис Опэлсен осушила слезы и начала говорить:

— После ужина я пришла сюда, в свою комнату, чтобы взять жемчуг и показать его месье Пуаро. Как всегда в это время, горничная и Целестина были в моей спальне...

— Простите, мадам, что значит «как всегда»?

— Я строго предупредила прислугу, чтобы никто

— Вы в этом совершенно уверены?

— Совершенно! Я еще подумала, не надеть ли мне его. Но решила отдать предпочтение изумрудам. Вы знаете, в этом ресторанном зале такое странное освещение по вечерам...

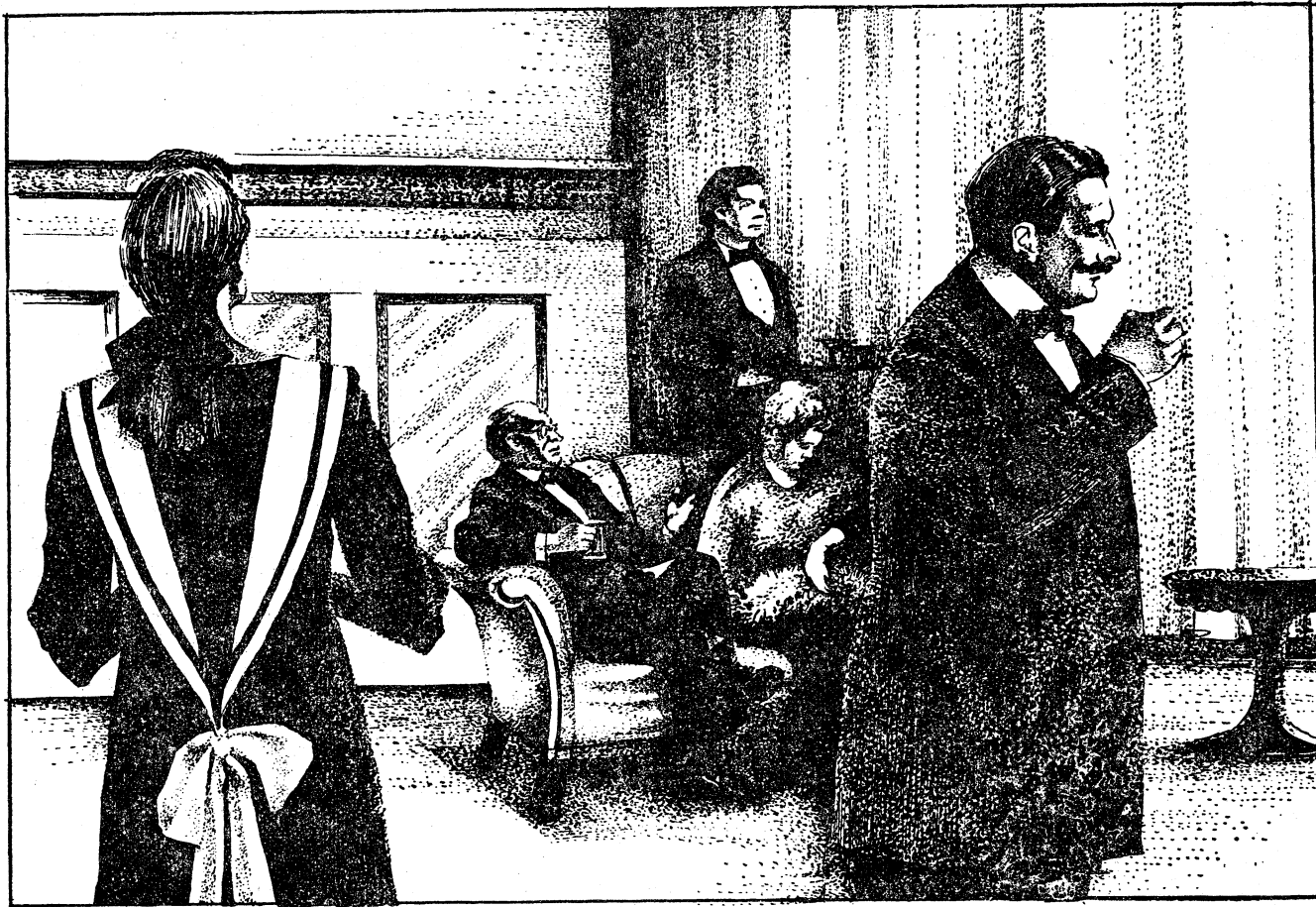
— Кто закрывал шкатулку на ключ? — инспектор был нетерпелив.

— Я. Ключ всегда ношу с собой.

Полицейский осмотрел ключик и пожал плечами:

— Замок довольно прост... Заперев шкатулку, что вы сделали с ней?

— Положила в ящик туалетного столика, как всегда.

не входил без Целестины в мою комнату. Горничная убирает утром в присутствии Целестины, и при ней же она приходит перед ужином стелить постель. В другое время никто не входит в мою комнату. Когда я полчаса назад пришла сюда, горничная еще не закончила свои дела. Я выдвинула ящик туалетного столика, достала оттуда свою шкатулку и открыла ее ключом. Не заметила ничего подозрительного, но ожерелья в шкатулке не было...

Инспектор, который быстро писал в своем блокноте, спросил:

— Когда в последний раз вы видели ожерелье?

— Мельком я взглянула на него за несколько минут, как пойти на ужин. Ожерелье было на месте.

— Ящик заперли?

— Нет. Моя камеристка находится здесь до тех пор, пока я не возвращаюсь. Поэтому не было нужды запирать ящик.

— Разумнее было бы хранить такие драгоценности в сейфе отеля, — пробормотал сыщик.

Должно быть, у миссис Опэлсен был острый слух, потому что она тут же отреагировала на эту реплику:

— Какая глупость! В любой момент у меня может появиться желание сменить то или иное украшение, и что же? Каждый раз отправляться к сейфу?

Возможно, полная дама высказала бы еще что-нибудь по этому поводу, но инспектор с серьезной миной заявил:

— Итак, я констатирую, что ожерелье было на месте, когда вы отправлялись на ужин, и что с этой минуты до момента вашего возвращения камеристка не выходила из комнаты. Я не ошибаюсь?

Вдруг, как бы только сейчас осознав серьезность ситуации, француженка издала душераздирающий вопль, а затем подскочила к Пуаро и заговорила скороговоркой по-французски:

— Что за гнусные и подлые подозрения? Она могла ограбить мадам? Эти «бобби» просто тупицы! Но вы, месье Пуаро, француз...

— Бельгиец, — поправил мой друг, но Целестина не обратила на это внимания.

— Месье Пуаро, вы благоразумный и рассудительный француз. вы не позволите, чтобы меня безвинно обвинили. Подумать только! Эта подлая горничная собирается ловко выкрутиться и выйти сухой из воды!

Она мне сразу не понравилась, — продолжила настаивать Целестина. — Заносчивая занайка! Она способна на все! Убирает тут уже несколько дней, и я поняла, что это за штука! Очень бы я удивилась, если бы сейчас не нашли у нее ожерелье!

Хотя это предствление шло на французском, Целестина иллюстрировала свою речь такой живой жестуляцией, что горничная безусловно поняла основной смысл сказанного. Она сильно покраснела, и глаза ее метнули молнию.

— Если иностранка утверждает, что я украла жемчуг, то это самая наглая ложь! — заявила разгневанная блондинка. — Я его и в глаза не видела!

— Надо ее обыскать! — выкрикнула Целестина. — Тогда станет ясно, кто лжет.

— Сама стянула ожерелье, дрянь эдакая, и хочет обвинить меня! — разъяренная горничная сделала несколько шагов к своей противнице. — Ведь все время, пока я убирала, она сидела здесь и пялила на меня глаза.

— Это правда? — спросил инспектор, проницательно посмотрев на француженку. — Вы ни на минуту не выходили из комнаты?

— Я и в самом деле не оставляла эту... особу одну, — проговорила она с сильным акцентом по-английски. — Правда, два раза я выходила к себе, в соседнюю комнату. Вот в эти двери... Первый раз, чтобы принести моток пряжи, второй раз — за ножницами. Наверное, она этим и воспользовалась!

— Выходила на несколько секунд! — фыркнула горничная. — Очень прошу, пускай полиция меня обыщет. Я ведь и шага не сделала отсюда, мне нечего бояться.

В этот момент кто-то постучал в дверь. Инспектор пошел открывать.

— Вот и отлично, — сказал он, возвращаясь. — Я послал за сотрудницей полиции, которая проводит у нас обыск женщин. Она пришла. Попрошу пройти в соседнюю комнату.

Говоря это, он повернулся к горничной. Та с гордо поднятой головой проществовала мимо француженки. Супруги Опэлсен молча смотрели ей вслед. Было похоже, они еще не решили, кого стоит подозревать в большей степени: служащую отеля или свою камеристку. Признаться, я и сам был в растерянности. «Интересно, что думает по этому поводу

Пуаро?» — подумал я, взглянув на маленького бельгийца. Но он пока хранил молчание и внимательно осматривал комнату.

— Куда ведет эта дверь? — спросил он вдруг, показывая на дверь у окна.

— Видимо, в соседний номер, — ответил инспектор. — Во всяком случае, она заперта с той стороны.

Мой друг подошел к двери, попробовал, закрыта ли она, отодвинул засов и попробовал еще раз.

— Да, с той стороны тоже на запоре, — пробормотал он. — Хм, это меняет дело...

Его прервала вернувшаяся сотрудница полиции, за которой следовала невозмутимая горничная.

— Ничего нет, — прозвучал короткий доклад.

— Разумеется, ничего! — бросила с благородным негодованием горничная. — Я думаю, что этой иностранке должно быть совестно!

— Ладно, успокойтесь, — сказал инспектор. — Никто вас не подозревает. Вы свободны, можете идти заниматься своими делами.

Горничная с гордым видом направилась к двери.

— Вы ее тоже обыщите! — не преминула она сказать уже с порога.

— Непременно, — усмехнулся инспектор и закрыл дверь в коридор на ключ.

Теперь Целестина последовала за сотрудницей полиции в соседнюю комнату. Через пару минут они вернулись — результат обыска был тот же самый.

— Несмотря на это, мисс придется уехать с нами, — объяснил инспектор. После паузы он обратился к миссис Опэлсен: — Мне очень неприятно, но факты свидетельствуют против этой молодой особы. Правда, ожерелья при ней не оказалось, но не исключено, что она могла спрятать его где-то в комнате.

Супруга маклера скривила губы и махнула рукой. Этот жест мог означать только одно, сделайте, мол, что считаете нужным.

Целестина разрыдалась и повисла на руке детектива, продолжая что-то говорить ему. «Пардон!» — перебил тот и что-то шепнул ей на ухо. Девушка ответила недоуменным взглядом.

— Да, да, моя дорогая. В любом случае вам надо подчиниться полиции, — объяснил он и повернулся к инспектору: — Не позволите ли вы мне провести небольшой эксперимент? Только для моего личного удовлетворения.

— Что ж, говорите, что вам нужно, — с неохотой согласился инспектор.

— Мадемуазель сказала, — Пуаро взглянул на Целестину, — что она дважды выходила из комнаты. Первый раз за мотком пряжи. Где лежал моток?

— На комод.

— А ножницы?

— Там же.

— Я прошу, чтобы мадемуазель повторила эти действия. Во-первых, где вы сидели? Здесь? И держали в руках работу?

Целестина села в кресло, а затем по знаку Пуаро встала, прошла в соседнюю комнату и, взяв с комода моток пряжи, вернулась. Пуаро наблюдал за ее движениями и одновременно поглядывал на свои огромные карманные часы, которые цепко держал в руке.

— Еще раз, пожалуйста!

Пуаро что-то записал в блокнот и спрятал часы в кармашек.

— Спасибо, мадемуазель. Благодарю и вас, месье, за вашу любезность.

Заливаясь слезами, Целестина вышла из номера в сопровождении сотрудницы полиции и одетого в штатское сыщика. Инспектор же принялся обшаривать и перетряхивать всю комнату. Вынул ящик из туалетного столика, перевернул все вещи в шкафу, раскидал постель и принялся простучивать пол. Маклер скептически наблюдал за его действиями и наконец спросил:

— Вы надеетесь найти ожерелье?

— Безусловно! Моя уверенность основывается на элементарной логике. Преступница не имела возможности вынести жемчуг из комнаты. Ее план был сорван быстрым и неожиданным обнаружением кражи вашей супругой, сэр. Бесспорно, жемчуг должен быть где-то здесь. Одна из этих женщин была вынуждена спрятать его. Но чтобы это сделала горничная, мне представляется маловероятным.

— Не только маловероятным, а просто невозможным! — потерял терпение Пуаро.

— Невозможным? — взглянул на него инспектор.

— Сейчас вы в этом убедитесь, — ответил мой друг. — Гастингс, дорогой, будьте любезны взять мои часы. Осторожнее, это семейная реликвия! Сейчас точно подсчитаем время передвижения мадемуазель Целестины. Ее первое отсутствие длилось 12 секунд, второе — 15. Теперь прошу обратить внимание на мои действия. Мадам, прошу у вас ключик от шкапулки. Дорогой Гастингс, засекайте время и командуйте.

— Марш!

С невообразимой быстротой Пуаро выдвинул ящик туалетного столика, достал шкапулку, вложил ключик в замок, открыл его, взял какую-то вещь, залпер шкапулку, поставил ее на место и задвинул ящик. Движения его были и впрямь молниеносны.

— Сколько? — спросил он.

— Сорок шесть секунд, — ответил я.

— Как видите, — Пуаро осмотрелся вокруг, — горничная не имела возможности достать ожерелье из шкапулки, не говоря уже о том, чтобы укрыть его где-нибудь. Как вы, наверное, заметили, больше всего времени уходит на манипуляцию с замком, не смотря на его простоту.

— Что ж, следовательно, дело предрешено, виновна ваша камеристка, миссис Опэлсен, — заявил инспектор и принялся за дальнейшие поиски, на этот раз в комнате Целестины.

Пуаро что-то обдумывал, наморщив лоб, а затем обратился к мистеру Опэлсену с неожиданным вопросом:

— Ожерелье, надеюсь, застраховано?

— Разумеется, — ответил маклер, удивленно приподняв брови. — Разумеется, застраховано.

— Но не о том же речь! — опять разразилась слезами миссис Опэлсен. — Мне нужно ожерелье! Ожерелье, а не деньги. Это же уникальная вещь, ей цены нет!

— Понимаю, — заверил ее мой друг. — Все отлично понимаю. Женщины руководствуются прежде всего чувством привязанности. Но ваш супруг, навер-

ное, менее сентиментален, и страховка станет для него верным утешением.

— Да, конечно... — как-то невразумительно проговорил маклер. — Но в любом случае...

Его прервало торжествующее восклицание инспектора, который вошел в комнату, размахивая повешанным на палец ожерельем. С радостным криком пожилая дама сорвалась с кресла.

— Ах, мой жемчуг! Мой жемчуг!

С этими словами она прижала ожерелье к груди.

— Где вы его нашли? — воскликнул мистер Опэлсен.

— В постели вашей камеристки. Между пружинами матраца. Видимо, похитила и спрятала его еще до появления горничной.

— Позвольте, пожалуйста, — тихо проговорил Пуаро.

Он взял ожерелье из рук владелицы, внимательно осмотрел и вернул с поклоном.

— На некоторое время вам придется доверить свое сокровище полиции, — заявил инспектор. — Оно необходимо как вещественное доказательство.

— Это обязательно? — недовольно спросил маклер.

— Да, — подтвердил полицейский. — Но эта чистая формальность.

— Ах, Эд! — воскликнула пожилая дама. — Пусть полиция возьмет жемчуг. Я, право, буду чувствовать себя спокойнее. Наверное, не сомкнула бы глаз сегодня, опасаясь, что снова кто-нибудь захочет украсть ожерелье. Паршивая девка! Я ведь относилась к ней, как к родной. И уж ее могла заподозрить в самую последнюю очередь.

— Не огорчайся, дорогая. Дело закончено! — успокоил ее муж.

В этот миг я почувствовал легкое прикосновение руки Пуаро.

— Деликатно исчезнем, — шепнул он. — Наши услуги уже не нужны.

Однако, когда мы вышли в коридор, он задержал меня, а затем — к немалому моему удивлению — сказал:

— Хотелось бы осмотреть этот соседний номер.

— Зачем?

— Есть у меня одна идея...

Дверь была не заперта, и мы вошли в номер без труда. Он, видимо, пустовал уже давно. Мебель покрывалась изрядным слоем пыли, потускнели от грязи стекла в окнах. Мой чистюля с брезгливостью скрипел, когда заметил на пыльной поверхности столика у окна прямоугольный след. Потом перевел взгляд на пыльный ковер под ногами.

— Порядок в этом отеле оставляет желать много лучшего, — пробормотал он вполголоса.

Затем выглянул в окно, покачал головой и задумался.

— Ну и что? — спросил я нетерпеливо. — Что вы узрели?

— Тысяча извинений, тов ами. Мне хотелось убедиться, что двери действительно заперты с этой стороны. И окна тоже.

— По-моему, это не имеет ни малейшего значения, — решил я высказаться до конца. — Следствие закончено. Не так ли? Плохо, конечно, что мы не

смогли блеснуть, но дело настолько простое, что даже такая никчемность, как этот инспектор, разобрался в нем без труда.

Пуаро покрутил головой, все еще находясь в плену своих мыслей.

— Следствие еще не закончено, мой несравненный Гастингс, — наконец изрек он. — Закончится оно тогда, когда обнаружим, кто же все-таки украл жемчуг.

— Как кто?! Вы еще сомневаетесь в виновности Целестины?

— А на чем, собственно, основывается ее обвинение?

— На чем? — переспросил я, пытаюсь понять, куда клонит этот хитрец Пуаро. — Ведь ожерелье найдено в ее постели?

— Чепуха! — нетерпеливо отмахнулся мой друг.

— То есть!

— Подделка, топ ами!

Эти слова ошеломили меня, а Пуаро продолжал, усмехаясь:

— Несомненно, почтенный инспектор не имеет ни малейшего представления о драгоценностях. Да и эту полную леди тоже знаком не назовешь. Но подождем немного. Не сегодня, так завтра утром разразится шумный скандал.

— Так идем же! — воскликнул я, хватая его под локоть.

— Куда?

— Необходимо сейчас же сказать об этом Опэлсенам.

— М-м... Мне думается, не нужно.

— Но эта бедная женщина...

— Бедная женщина, как вы изволили ее назвать, дорогой Гастингс, спокойно проведет ночь, уверенная, что ее сокровище находится в безопасности в полиции.

— Вы, пожалуй, правы, Пуаро... Но преступники — я имею в виду настоящих преступников — тем временем могут исчезнуть вместе с ожерельем!

— Как обычно, вы слишком поспешны в решениях, любезный Гастингс. Откуда знать, например, что жемчуг мадам Опэлсен не был подменен в ее шкапулке раньше, днем или утром?

— Вот как... — протянул я, пораженный логикой рассуждений знаменитого детектива. И все-таки... — Но это не больше чем догадка!

— Вот именно, — самодовольно кивнул Пуаро. — Все нужно начинать сначала.

Мы вышли из номера. Пуаро остановился, а потом решительно направился в конец коридора, где находилась небольшая комната для горничных. Там знакомая нам девица рассказывала со всеми подробностями происшедшую с ней историю. Многочисленная аудитория из горничных, лифтеров, посыльных и других служащих отеля слушала ее, затаив дыхание. Увидев нас, она замолчала на полуслове.

— Прощу прощения, мадемуазель, — поклонился ей Пуаро, — я буду очень вам признателен, если вы будете столь любезны открыть нам комнату месье Опэлсена. Он сейчас всецело занят своей супругой, и мне не хотелось бы его тревожить.

Горничная охотно проводила нас в комнату маклера, расположенную напротив спальни миссис Опэл-

сен. Отворив дверь своим ключом и впустив нас, она хотела выйти, но мой друг задержал ее.

— Минутку, мадемуазель! Видели ли в когда-нибудь такую карточку среди вещей месье Опэлсена?

С этими словами он подал девушке карточку из белого глянцевого картона. Горничная взяла карточку в руки и внимательно осмотрела ее.

— Нет, — твердо ответила она, — ничего подобного не видела. Кстати, в комнатах мужчин, проживающих в отеле, уборку проводят коридорные. Такой здесь порядок.

— Ага! Благодарю вас, мадемуазель.

Горничная вышла. Пуаро спрятал картонку, подумал и сказал:

— Сделайте одолжение, Гастингс, позвоните коридорному. Три раза.

Меня разбирало любопытство, но я не задал ни одного вопроса и молча выполнил поручение. Тем временем бельгиец высypал на пол содержимое корзинки для бумаг; осмотрев учиненный беспорядок, он остался доволен. Через минуту явился коридорный. Пуаро задал ему тот же самый вопрос и так же вручил картонку. Ответ был отрицательный: смуглый усатый коридорный не видел что-либо подобное среди вещей маклера. Детектив поблагодарил служащего, и тот вышел, с подозрением взглянув на разбросанные по полу бумаги. Несомненно, он должен был услышать обращенные ко мне слова:

— Да, да... Это ожерелье было хорошо застраховано.

— Пуаро! — не вытерпел я. — Я, конечно, понимаю...

— Нет, милый друг, простите, но вы ничего не понимаете, — прервал он меня несколько грубовато. — Вы, Гастингс, пока ничего не понимаете. Увы, это так, и не сердитесь на меня.

Когда мы вернулись в нашу гостиную, к огромному моему удивлению, Пуаро направился в свою комнату и стал поспешно собирать вещи.

— Что случилось?

— Первым же поездом еду в Лондон, — объявил он. — Дело не терпит отлагательства.

— Но...

— Могу вас заверить, дорогой друг, что мои серые клеточки уже проделали основную часть работы. Теперь требуются лишь некоторые подтверждения. Я их должен найти. Эркюля Пуаро обмануть невозможно!

— Думаю, что факты вскоре собьют вашу спесь! — бросил я ему, возмущенный такой самоуверенностью.

— Не сердитесь, мой милый Гастингс, прошу вас... Кстати, я очень рассчитываю, что вы окажете мне небольшую дружескую услугу.

— Хорошо, — согласился я. — Что нужно сделать?

— Будьте добры, взгляните на рукав пиджака, который я только что снял. Поскольку я очень спешу, не откажите мне в любезности почистить его? Обшлаг слегка испачкан белым порошком. Вы, наверное, обратили внимание на то, как я проводил пальцами по стенкам ящика, где хранятся шкапулки с драгоценностями?

— Нет, не заметил.

— Уму непостижимо, бедный мой Гастингс! Куда же вы смотрите? Итак, немного этого белого порош-

ка осталось у меня на пальце, а так как я был взволнован, то чисто машинально вытер его о рукав пиджака. Мне очень неприятно, что я поступил таким образом и, главное, вопреки своим принципам.

— Но что это за порошок? — спросил я, более удивленный этим открытием, чем принципами знаменитого детектива.

— Ну, это, конечно, не отравка, — ответил он, плутовато сощурился. — Это просто тальк.

— Тальк?!

— Именно. Наверное, столяр использовал тальк, чтобы ящик выдвигался легко и без скрипа.

Я взорвался смехом.

— Ах вы, старый чертыка! А я решил, что и впрямь вы открыли что-то гениальное!

— До свидания, топ ап! Удираю. Улетучиваюсь.

Дверь закрылась за ним. А я, давно уже привыкший к чудачествам моего несколько заносчивого и эксцентричного друга, взял пиджак и несколько раз провел щеткой по рукаву.

Утром от Пуаро не поступило никаких известий. Я вышел на прогулку, встретил знакомых и вместе с ними пообедал в отеле. После полудня мы отправились на автомобиле осматривать окрестности и из-за неисправности мотора вернулись в «Гранд-Метрополь» только в седьмом часу вечера.

Первым, кого я увидел, войдя в холл, был Пуаро. Он казался совершенным коротышкой, наверное, потому, что сидел на диване, втиснувшись между двумя массивными фигурами супругов Опэлсен.

— Дорогой Гастингс, томящийся в неведении, бедный Гастингс! — воскликнул он и, сорвавшись с места, поспешил мне навстречу. — Расцелуйте меня, мой друг! Все прошло чудесно.

К счастью, поцелуй был чисто символический, а могло быть хуже, потому что от этого экспансивного бельгийца можно ожидать чего угодно.

— Хотите рассказать... — начал я.

— Все закончилось самым чудесным образом! — вмешалась миссис Опэлсен, и радостная улыбка расплылась по ее толстощекой физиономии. — А не говорила ли я тебе, Эдвард, что если месье Пуаро разыщет мой жемчуг, то его никто не найдет!

— Говорила, дорогая, говорила. И была, разумеется, права.

Просящим взглядом посмотрел я на приятеля, и он смиловился:

— Будьте добры, мой несравненный Гастингс, садитесь рядом, и я расскажу вам конец нашей истории.

— Конец?

— Да, поскольку преступники уже арестованы.

— Преступники? У Целестины были сообщники?

— Говоря о преступниках, я имею в виду только двоих: горничную и коридорного. Вы их не подозревали, не так ли? Странно, Гастингс, странно. После стольких лет нашей совместной деятельности вы могли бы кое о чем догадаться и без моей помощи. А я ведь дал вам намек, сказав о тальке.

Игривый тон моего приятеля несомненно действовал мне на нервы, но я решил быть терпеливым, чтобы поскорее добраться до сути дела.

— Вы говорите о тальке, которым столяр посыпал стенки ящика?

— Непременно столяр и непременно для того, чтобы ящик входил и выходил легко и без скрипа. Не знаю, как для столяра, но для кого-то это было очень важно. Но для кого? Представьте себе, Гастингс, для горничной! Этот план был так хитро обдуман, что его нелегко было раскусить даже Эркую Пуаро! Да, так вот, события происходили следующим образом. Коридорный, сообщник и скорее всего вдохновитель этой кражи, ждал в соседнем номере. Камеристка выходит первый раз из спальни своей хозяйки. Что делает горничная? Мгновенно выдвигает ящик, хватается шкатулку с драгоценностями и, открыв засов на двери, передает ее своему другу. Тот, находясь один в пустом номере, не торопясь, открывает шкатулку отмычкой, вынимает ожерелье и ждет следующего подходящего момента. Целестина вторично выходит из спальни. И что же? Шкатулка молниеносно возвращается на свое место. Представьте, что для этого вполне хватило тех немногих секунд! Я знаю, Гастингс, что вы готовы обрушить на меня лавину вопросов. Например, как могли преступники строить свои расчеты на том, что французка выйдет на короткое время из спальни? Или откуда взялась подделка? И еще, и еще... Не так ли?

Мне оставалось только утвердительно кивнуть головой.

— Конечно, не все детали похищения уже выявлены. Во всяком случае, несомненно, что кража готовилась весьма тщательно — ведь супруги Опэлсен живут в отеле почти месяц. За это время были изучены повадки Целестины, которая хоть на несколько секунд, но выходила из комнаты во время уборки. Хватило времени и для того, чтобы подготовить подделку. Но вернемся к ходу событий.

Пуаро самодовольно огляделся и продолжал:

— Мадам Опэлсен неожиданно возвращается и обнаруживает пропажу. Надежда на то, что исчезновение ожерелья будет установлено не сразу, рухнула. Тут и вступил в действие запасной вариант, заранее подготовленный преступниками, — подделка из стекла, которую белокурая девица запрятала во время уборки в постель камеристки. Эта выдумка преследовала цель: хотя бы на время отвести подозрения и позволить им незаметно скрыться.

— Но, Пуаро, зачем вы ездили в Лондон? — не вытерпел я.

— Помните картонную карточку?

— Разумеется. Может быть, я временами бываю просто туп, но я все-таки не могу взять в толк, зачем вам понадобились эти манипуляции! Для отвода глаз?

— О, это был маленький трюк, — рассмеялся детектив. — Вы, должно быть, обратили внимание, как был удивлен коридорный — он тоже ни о чем не догадался. А между тем, милейший Гастингс, карточек было две, и были это не просто куски картона — они послужили мне для получения отпечатков пальцев. А дальше все элементарно просто: я еду в Лондон, обращаюсь к нашему старому приятелю инспектору Джеппу из Скотланд Ярда с просьбой сверить отпечатки с дактилоскопической картотекой. И вот результат: отпечатки принадлежат двум разыскиваемым.

мым преступникам, специализирующимся на хищении драгоценностей. Джемп сегодня утром приехал вместе со мной в Брайтон и арестовал эту парочку, уже готовую улепетнуть. Подлинное ожерелье оказалось у коридорного. Несмотря на то, что эти двое еще сравнительно молоды, в ловкости и хитроумности им не откажешь. Хотя и они допустили ряд оплошностей.

— В чем же?

— Мой дорогой, это была неплохая мысль — по поддельным рекомендациям устроиться в первоклассный отель, где в разгар сезона так много богатых постояльцев. Однако им следовало не лениться и более усердно выполнять свои обязанности. Ведь они совершенно не убрали в соседнем номере. Кстати, этот номер был заказан неким джентльменом, который так и не прибыл... Я надеюсь, что Джемп выяснит, кто этот джентльмен. Но! Леность коридорного привела к тому, что я смог обнаружить след шкатулки на покрытом пылью маленьком столике. Помните, Гастингс?

— Конечно! — вскричал я, мысленно отметив, что все же не лишен наблюдательности.

— И все-таки, заметив этот прямоугольник, я еще не был уверен в правоте своей гипотезы. Я все еще сомневался...

Наступила пауза.

— А как же Целестина? Она уже вернулась?

Миссис Опэлсен поджала губы и стала смотреть куда-то в сторону. Ее супруг тоже надулся и хранил молчание. А Пуаро лишь пожал плечами и слегка качнул головой. Может быть, я совершил какую-то бестактность?..

— И все же мой жемчуг нашелся! — вдруг проговорила миссис Опэлсен и снова заулыбалась. Разговор о камеристке больше не возобновлялся.

— Я дьявольски голоден, — вспомнил я. — Пожалуй, стоит пойти поужинать.

Пуаро присоединился ко мне.

— Вы снова сняли лавры, — сказал я по дороге в ресторан.

— Ничего подобного, — ответил он бесшабашно. — Я ведь здесь не более, чем иностранец. Поэтому славу поделят Джемп и местный инспектор.

— А... — открыл я было рот, но Пуаро жестом руки остановил меня.

— А что касается меня, то я тоже не в накладе, — он показал на карман. — Чек на солидную сумму от страховой компании, которой бы во много раз больше пришлось заплатить в случае исчезновения ожерелья!

— Эти деньги я честно заработал, — продолжал великий детектив. — Так что, топ ап! — наш нынешний уик-энд мы провели не так, как планировали. Но не беда! Как вы посмотрите, мой милый Гастингс, если мы приедем сюда еще раз, в следующую субботу? За мой счет.

Перевод с английского В. Роцаховского

Зарема АХМЕТЪЯНОВА

ТАЙНА

«Какой красивый у тебя платок!» —
Сказал ты, увидав его случайно.
Красивый.. А тебе и невдомек,
Что весь он — неразгаданная тайна.

Других, ему подобных, в мире нет.
Ты сам, не зная, ткал его узоры.
От глаз твоих — его небесный цвет,
От синевы его светлеют взоры.

На синем поле — красные цветы.
Они воспламенились в одночасье,
Когда моих волос коснулся ты,
Ладонями, исполненными счастья.

Другие появились без тебя.
Их серый цвет меня лишает силы.
Их в дни разлук, тревожась и любя,
Тоской своею я сама возрастила..

Один твой взгляд — и синева жива.
Одно словечко — и пылают розы.
Все могут эти взгляды и слова:
И погубить, и вознести на звезды.

Твоя рука легла мне на плечо.
Цветок к цветку качнулся с полуслова.
Мне от цветов на шали горячо,
И я сама, как шаль, расцветь готсва.

ОСТЫВАЕТ НАША ПЕЧКА

Остывает наша печка, остывает.
Подтопить бы, да совсем не стало дров.
Наступают вьюги-ветры, наступают,
Как нам дом свой уберечь от холодов?

Видно жили мы с тобой не днем, а часом,
Безоглядно, безотчетно-широко.
До зимы спалили все свои запасы,
А до леса, как до лета, далеко.

Как теперь нам занавески ночи стылой
Раздвигать на замороженном окне?
Как нам быть? Придумай что-нибудь, мой милый
Позаботься об огне и обо мне.

Было время — от одних лишь взглядов наших
Сам собою разгорался наш очаг,
Но ушло оно, и сделались мы старше,
И очаг наш обессилел и зачах.

Что поделать?
Пусть урок нам будет впрок.
Берегу сегодня каждый уголок.

*Перевод с башкирского
Р. Паля*

Ратная слава России

Владимир
СИМОНОВ

О

дна из многих добрых традиций в нашей стране: каждое первое воскресенье сентября на Бородинском поле проводится праздник в память о легендарном сражении. Случайный человек, ненароком попав в расположение бородинского лагеря, может потерять чувство реальности. Только что он шел по асфальтовому шоссе, мимо совхозных владений, рядом гудели электрички... Только что он был в двадцатом веке, а тут...

Молчаливые гренандеры у костра правят амуницию. Возле палаток ходит часовой. Бородатый казак, обнаженный по пояс, точит саблю, на широкой, заросшей густым волосом груди — медный нательный крест. Красавец-гусар в красном доломане, расшитом золотым шнуром, что-то нашептывает даме, нежно целуя ручку; а дама — в белом платье, не ширпотреба нашего века...

Несколько шагов в сторону — и другая картина, другой век. Серо-зеленый цвет мундиров, фуражки с овальной кокардой — времена «германской» войны. Из госпитальной палатки устремляется куда-то ба-

рышня — сестра милосердия. Усатый подпоручик, устроившись на расстеленной шинели, медленно перебирает струны гитары. Возле штабной палатки — совсем юный солдатик с «трехлинейкой», над палаткой — трехцветный флажок. Трое верховых спешились, и слышны обрывки не «нашего», не сегодняшнего разговора.

— Ваше благородие, дозволейте обратиться!

— ...Господа, кто дежурный офицер?

— Полковник Валькович, чем могу служить?..

Похоже на съемки какого-то фильма...

— ...Поручик, а почему вы, собственно, в московских драгунах?

— Но как же... Дед мой там служил!

— А мой прадед у Брусилова воевал, в Галиции.

— Позвольте, позвольте... И мой прадед там же воевал!

Совершенно случайно встретились правнуки тех, кто 75 лет назад воевали вместе.

А на следующее утро начнется сам Бородинский праздник. Солдаты 1914 года наденут мундиры 1812-го, и будет много потешных боев, и будет «главный» бой. Хорошо сработают пиротехники — ничего не увидеть в дыму; а команды офицеров заглушит грохот орудий. Русская артиллерия займет позиции на знаменитой батарее Раевского, егеря-стрелки образуют цепь перед войсками; и встанут в первой линии гренандеры полков Преображенского, Киевского, Лейб-гренандерского, а во второй линии — казаки, драгуны и бородастые ополченцы с дубинами, а в резерве будет ждать кавалерия — Ахтырские гусары и Литовские уланы... «Трр-рах, тах-тах!» — станут выбивать шаг барабаны французев, «др-ром-дром!» — гулко ответят русские барабаны. «Ряды сомкнуты! Товсь! Пли!» Лошади шарахнутся в сторону, ошетинятся штыками русская пехота. Грянет над Бородинским полетом раскатистое «Ур-ра!».

А после праздника-представления снова, как каждый год, придет черед расставаться. Грустно задумят прощальные костры. Будут сняты мундиры, свернуты знамена, зачехлены ружья. Вчерашние уланы и гусары наденут современные куртки, джинсы, кроссовки... И только удалая казачья песня, под пересвист и удары бубна, еще будет продолжать жить в прошлом времени: «Ура, ура, ура — казаки поют, через речку-Вислу на кониках идут...»

Кто захочет — увидит Бородино на следующий год, а кому повезет — те увидят еще битву при Ватерлоо в Бельгии, или при Лейпциге — в Германии, или Аустерлиц —

Редакционная коллегия:

Станислав МЕШАВКИН
(главный редактор),
Евгений АНАНЬЕВ,
Виктор АСТАФЬЕВ,
Виталий БУГРОВ,
Юний ГОРБУНОВ,
Герман ИВАНОВ
(заместитель главного редактора),
Сергей КАЗАНЦЕВ
(ответственный секретарь),
Владислав КРАПИВИН,
Юрий КУРОЧКИН,
Николай НИКОНОВ,
Олег ПОСКРЫБИШЕВ,
Аркадий СТРУГАЦКИЙ,
Юрий ШИНКАРЕНКО,
Марат ШИШИГИН

Художественный редактор
Дмитрий ЛИТВИНОВ
Технический редактор
Людмила БУДРИНА
Корректор
Ольга НАГИБИНА

Адрес редакции:
620219, г. Свердловск,
ГСП-353, ул. Декабристов, 67
Телефоны отделов:
22-38-62 (фантастики),
22-45-01 (краеведения, секретариат),
22-10-74 (писем, науки и техники),
22-04-81 (прозы и поэзии, публицистики,
молодежных проблем)

Рукописи принимаются перепечатанными
на машинке через 2 интервала,
60 знаков в строке,
28—30 строк на странице.
По вопросам подписки и доставки
обращаться в районные отделения
«Союзпечати».
Бракованные экземпляры
отправлять
в типографию издательства
«Уральский рабочий».

Сдано в набор 29.03.91.
Подписано к печати 29.05.91.
Формат бумаги 84×108¹/₁₆.
Бумага типографская № 2.
Высокая печать.
Усл. печ. л. 8,82.
Уч.-изд. л. 13,80.
Усл. кр.-отт. 11,34.
Тираж 410 000.
(2-й завод: 200 001—410 000).
Заказ 353.
Цена 80 коп.
Типография издательства
«Уральский рабочий»
620219, г. Свердловск,
ул. Тургенева, 13

РАТНАЯ СЛАВА РОССИИ □ В. Симонов

в Чехословакии... У каждого свой «дым отечества».

Да, вот так, у бивуачных костров встречаются ежегодно далекие потомки солдат великих армий, встречаются не как враги 175 или 75 лет назад, а как хорошие, добрые друзья. Все вместе поют песни русских казаков, прусских гренадеров, французскую «Марсельезу» — поют по-русски, по-чешки, по-немецки, по-французски...

Для кого-то интерес к военной истории начинался с детской игры. Кто-то знакомился с ней по книгам, кинофильмам, посещая музеи. А кто-то коллекционировал старинное оружие или оловянных солдатиков. Но все эти люди сошлись в своем отношении к ратному прошлому страны, к ее воинской славе, к святому девицу: «Душа — Богу, жизнь — отечеству, сердце — даме, честь — никому».

В Западной Европе такие клубы и группы существуют давно, встречи любителей военной истории стали там традиционными и собирают тысячи участников и зрителей. Первый наш такой клуб «Слава Отечества» был создан капитаном Анатолием Новиковым в 1986 году, в одной из частей Советской Армии, когда она еще дислоцировалась в бывшей ГДР. Сейчас зарегистрировано более десяти — только крупных и серьезных, направленно изучающих какую-либо тему — таких объединений в разных городах нашей страны.

История некоторых отечественных полков исчисляется более чем сотней лет. В Ленинграде, при музее А. В. Суворова, группа энтузиастов создала клуб старейшего и знаменитейшего в русской армии Преображенского полка. Членов военно-исторического клуба «Литовский уланский полк» свела вместе любовь к верховой езде, к лошадам. Участники этих групп с удовольствием приглашают режиссеры на съемки фильмов, и это не удивительно: трудно подобрать более подготовленных, тренированных «артистов», привычных к воинским доспехам, отлично владеющих тяжелой алебардой или изящной шпагой.

Участники самодеятельного песенно-фольклорного ансамбля из Москвы долгое время собирали и воссоздавали песни донских и кубанских казаков — не те песни, что поются на концертах, а настоящие, «мужские», которые в действительности пели казаки в стародавние времена на привалах и в походе, пели, вставши в круг, взявшись за широкий пояс, под незатейливый аккомпанемент дудочки или бубна... Казаки-песенники из московского «Казачьего круга» знают сотни песен, но могут шегольнуть не только голосом и не только казачьим мундиром и боро-

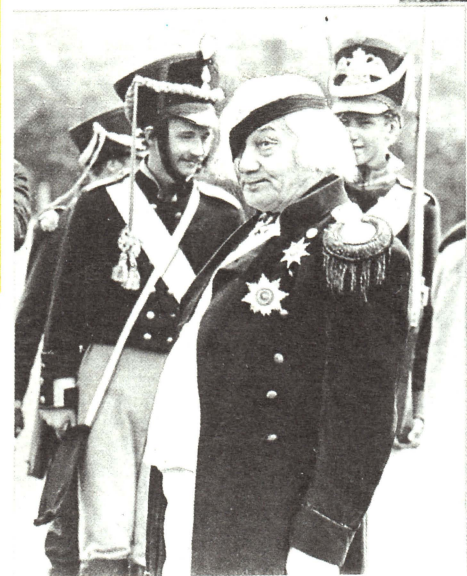
дой — они лихо скачут на конях и удаю орудуя шашкой.

Известно, что русская армия 1812—1815 годов по праву считалась лучшей в мире, и не только благодаря победам, традициям и исключительной храбрости солдат. Многие современники отмечали удивительную по тем временам нравственную закалку русских воинов. Со времен Петра I целое столетие в солдатах воспитывали честность, чувство долга и собственного достоинства. В те времена «честное слово» было гарантией порядочности в делах и поступках. Русский солдат ни при каких обстоятельствах во время молитвы не становился на колени — ни перед начальством, ни перед царем, ни перед самим Господом Богом. Офицеры имели право жестоко наказывать солдат, но унижать их словом не могли — это считалось позором.

Форма русской армии, при всей ее внешней красоте, отличалась удобством, вплоть до мельчайших деталей была приспособлена к боевой обстановке сражений. Как и знамена, со временем форма становилась драгоценной реликвией, исторической памятью того или иного полка.

Несведущему человеку невозможно разобраться в предназначении галунов, эполет, вензелей, ладунок; не каждый различит доломан и ментик, разберется в сложной конской сбруе. Но на то и интерес, на то и увлечение, чтобы каждая мелочь обрела значение и смысл, и здесь нужно знать множество всяких подробностей. Например, цену оторочек из дорогого меха, золотых шурупов и серебряной тесьмы, гравировок на эфесах, кожного узора на ташках... Парадный мундир, скажем, гусарского офицера был очень дорог — служили в гусарах только состоятельные люди. Известную кавалердевицу Дурову недостаток средств вынудил перейти из корнетов Мариупольского гусарского полка и тем же чином зачислиться в Литовский уланский, где служить было гораздо дешевле. Вот ведь куда ведет история — к судьбам конкретных личностей, к истокам верности солдатского служения, в котором было всё: и бедность Надежды Дуровой, и мудрые изречения Суворова, и «охальные» в адрес государя гитарные песни Дениса Давыдова, и воинский талант Багратиона, и крестьянская честь Сусанина...

Как это, должно быть, интересно — иметь возможность хоть на мгновение ощутить себя в обстановке далекой эпохи, хотя бы на миг оказаться в строю усатых гренадеров, сквозь дым увидеть блеск штыков, услышать призывный грохот барабанов!.. Пережить миг истории, одним словом...

РАТНАЯ СЛАВА РОССИИ

УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ 92

80 коп. ISSN 0134-24 IX. Индекс 73413, Уральский следопыт, 1991, № 7, 1—80

«Когда мне предложили делать фильм о рок-н-ролле, я попытался представить себе пространство этой темы. Но куда там... Ведь это сотни действующих лиц с различными характерами и особенностями духовного склада, сотни точек зрения, меняющихся порой за время одной беседы, головокружительная сеть сходящихся, расходящихся и параллельных линий — лабиринт, где любой тупик может оказаться выходом, а выход — попросту не понадобится. Это факты, которые тут же обрастают легендами и мифами и передаются изустно от одного поколения другому... Пойди потом выбери свою версию рок-н-ролла, тем более, что сам он запросто допускает все варианты разом! Да это просто китайский роман... Какой-то «Сон в красном тереме!».

Роман не роман, сценарий не сценарий... Может быть, документальной киноповестью можно назвать планируемую отделом молодежных проблем на будущий год публикацию, хотя и это будет не совсем точно?

Короче — если вы хотите увидеть уральских музыкантов из известных и неизвестных еще читателям «Уральского следопыта» рок-групп «Апрельский марш», «Наутилус Помпилиус», «Отражение», «Урфин Джюс», «Трек» и многих других в новом, неожиданном свете; если хотите побольше узнать об одной из интереснейших ветвей отечественной рок-музыки; если желаете познакомиться с необычной и занимательной историей съемок единственного в своем роде полнометражного фильма о Свердловском рок-клубе, до сих пор остающемся несбыточным сном для большинства зрителей, — следите за разделом «Музыка и мы» 1991 года!

Фильм «Сон в красном тереме» подробно представят авторы сценария Александр Калужский и Аркадий Застырец.

В 1992 году «Уральский следопыт» предложит вам, читатели, новую историческую повесть тюменского прозаика Константина Лагунова «Юродивый».

«Вошел палач, волоча в охапке мальчика. Будто мешок с опилками, небрежно кинул ношу под ноги. Мальчишка инстинктивно вытянул руки и тем сохранил лицо, и ушибся не сильно, потому и сразу вскочил на ноги. Бледный, трепещущий от страха, с налитыми ужасом и болью глазами. Увидев распятого на дыбе окровавленного человека, мальчик сперва шарахнулся от него, но глаз не отвел, и вдруг по-заячьи тонко и пронзительно вскрикнул:

— Батюшка!..

— Остановись, Евгений, — вдруг приказал Зыков голосом неожиданно твердым и сильным. — Мы в руках заклятого врага государства и России. Это злоумышленник и тать, замысливший отринуть от Руси Сибирь. Хотел я правду о нем государю поведать. Кто-то предал... Князь хочет твоей кровью, муками твоими принудить меня к измене Родине и государю... Чего ты вздрогнул, князь? Зело пакостлив и труслив ты, аки шакал... Шакал!.. Ша-а-ка-а-аал!»

Почему наш выбор пал именно на это художественное произведение? Помимо острого сюжета, к которому всегда тяготела «следопытская» проза, повесть интересна еще и исследованием ПОДВИГА. Подвига в изначальном понимании слова. Подвига как поступка, растянутого во времени и направленного, в первую очередь, на духовное самосовершенствование...

Сюда, в дом № 2/1 на канале Грибоедова, ленинградцы идут лечить и лечиться, но это — не поликлиника, это — школа экстрасенсов, которую ведет автор недавно вышедшего в свет «Практикума экстрасенса» кандидат наук Вадим Поляков. Что могут ее ученики?

На своих занятиях они соединенной энергией, все разом воздействуют на себя, снимая болезненные ощущения, исцеляясь. Мистика? Но такое воздействие на людей регистрируют приборы, это доказано сотней опытов. Ленинградские экстрасенсы занимаются диагностикой... машин и механизмов. На огромном расстоянии экстрасенс может обнаружить неисправность в двигателе корабля, находящегося, скажем, в Сингапуре.

В первых номерах будущего года «Уральский следопыт» публикует репортаж Андрея Стоколоса из ленинградской школы экстрасенсов.

СОН
В КРАСНОМ
ТЕРЕМЕ

ЧАСТЬ
№10
КОНЕЦ

ОБЫЧНЫЙ
ФОРМАТ

СОН
В КРАСНОМ
ТЕРЕМЕ

ЧАСТЬ
№10
КОНЕЦ

ОБЫЧНЫЙ
ФОРМАТ

СОН В КРАСНОМ ТЕРЕМЕ ЧАСТЬ 10 КОНЕЦ

